

# НАША ЗАДАЧА

## СОДЕРЖАНІЕ:

- Н. Тасинъ. Обь одной драмѣ, (къ 10 л. романовскаго протеста).
- Аре. Кол. Этюдъ. (Посвящ. друзьямъ).
- П. Орѣшинъ. Лѣтомъ (стихот.).
- В. Александровскій. Въ сумеркахъ (стихотвореніе).
- А. Сергѣевъ. Нарушенный сонъ (стих.).
- А. Сергѣевъ. Послѣ грозы (стихот.).
- С. Давыдовъ. Хворый путь (стих.).
- С. Далинъ. Первые шаги рабочаго движенія.
- К. Залевскій. Національный вопросъ въ Россіи (окончаніе).
- В. И. Горевъ. Демагогія или марксизмъ? (Итоги и наблюденія).
- Ф. Булкинъ. Расколъ франціи и задачи рабочихъ.

- С. Ф. Еще къ вопросу обь интеллигенци.
- Civis. Выборы во Франци.
- К. Оранскій. Единство;
- ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Левъ Дейчъ. † Даниль Деліонъ.  
 А. Мартыновъ. 1. Изъ современныхъ нравовъ буржуазной Германіи.  
 2. Всеобщая забастовка въ Италіи.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.  
 Н. Череванинъ. Вторая сессія Дума.  
 Отклики.  
 Объявленія.

V-й годъ изданія.

# Н а ш а З а р я

Ежемесячный журналъ

№ 6.

С.-Петербургъ, 1914 г.

С.-П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ.

„Коммерческая Типографія“ Средняя Подъяч. 4. Тел. 520-32.

1 9 1 4.

## Объ одной драмѣ.

(къ десятилѣтію якутскаго протеста).

Десять лѣтъ тому назадъ далекій, глухой Якутскъ сдѣлался ареной вооруженной борьбы между кучкой политическихъ ссыльныхъ и мѣстнымъ военно-полицейскимъ гарнизономъ...

Приблизительно около 1900 года въ Россіи началось нѣкоторое оживленіе,—особенно въ подпольѣ. Это не замедлило отразиться и на ссылкѣ. Въ Сибирь потянулись новые отряды революціонеровъ, только что оторванныхъ отъ борьбы и воодушевленныхъ желаніемъ продолжать ее. Они подняли духъ ссылки, вдохнули въ нее новую жизнь, тѣснѣе связали ее съ „волей“. Кладбище зашевелилось. Мертвецы подняли головы и стали проявлять такіе несомнѣнные признаки жизни, что могильщики охвачены были тревогой.

Необходимо было снова водворить прежнюю кладбищенскую тишину. И ссылку рѣшено было серьезно подтянуть.

Политика подтягиванія особенно энергично стала проводиться съ весны 1902 года, когда министромъ внутреннихъ дѣлъ сталъ фонъ-Плеве. Специально командированный имъ въ Сибирь для ознакомленія съ положеніемъ ссыльныхъ фонъ-Валь нашелъ, что имъ слишкомъ хорошо живется, и въ очень скоромъ времени „распустившій“ ссылку Иркутскій генераль-губернаторъ, бывший шефъ жандармовъ, Пантелѣевъ, смѣненъ былъ графомъ Кутайсовымъ.

Пошла перемѣна курса по всей линіи: полетѣли съ насиженныхъ мѣстъ губернаторы, вице-губернаторы, исправники, чуть ли не урядники. „Лучше десять разъ превысить власть, чѣмъ одинъ разъ сдѣлать послабленіе“—таковъ былъ девизъ администраторовъ новой формаціи.

На ссылку посыпался градъ репрессивныхъ циркуляровъ. 16 августа 1903 года издается циркуляръ, подъ угрозой отправки къ Ледовитому океану воспреещающій ссыльнымъ добиваться свиданій съ вновь проходящими партіями (свиданія эти имѣли важное значеніе для ссыльныхъ—новичковъ, особенно, для бѣдняковъ: водворенные уже товарищи часто снабжали ихъ деньгами, теплой одеждой, давали совѣты, указанія). Циркуляромъ отъ 20 августа того же года, опять таки подъ угрозой ссылки въ Верхоянскъ или Колымскъ, запрещались отлучки съ мѣсть поселенія даже за нѣсколько верстъ. Черезъ двѣ недѣли графъ Кутайсовъ разослалъ новый, болѣе общаго характера, циркуляръ, проведеніе котораго грозило сдѣлать жизнь ссыльныхъ сплошной пыткой. Въ немъ строжайше предписывалось „имѣть неослабное наблюденіе за жизнью административно—ссыльныхъ“; особые надзиратели—*ежедневно* должны были „доставлять свѣдѣнія о политическихъ ссыльныхъ“. При малѣйшемъ подозрѣ-

ни предписывалось „производить внезапные обыски, при участіи одного изъ лицъ корпуса жандармовъ“. Квартиры ссыльныхъ должны быть „быть посѣщаемы возможно чаще чинами полиціи“.

Этого показалось мало, и ставленникъ Плевэ поучаетъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ: „вся переписка ссыльныхъ по политическимъ дѣламъ должна быть безусловно просматриваема исправникомъ или его помощникомъ“. Замѣченные въ слабомъ надзорѣ за политическими ссыльными будутъ немедленно удалемы отъ занимаемыхъ должностей, какъ неспособные къ службѣ“.

Къ этому циркуляру приложена была „Форма свѣдѣній о политическихъ ссыльныхъ, доставляемыхъ ежедневно“. Въ этотъ своеобразный кондуитный листокъ специально приставленные къ ссыльнымъ гувернеры изъ урядниковъ и отставныхъ унтеровъ должны были *ежедневно* заносить, чѣмъ тотъ или иной опекаемый занимался въ теченіе дня (читалъ, спалъ, ходилъ въ лавку или въ домъ такого-то), съ кѣмъ видѣлся, по возможности о чемъ говорилъ, въ которомъ часу вернулся домой и т. д.

Чуть не каждый день на ссылку обрушивались новые продукты циркулярнаго творчества: предписывалось оттѣснить ссыльныхъ по возможности дальше отъ желѣзной дороги, возможно рѣже удовлетворять ихъ ходатайства объ отлучкахъ, усиливать строгости во время этаповъ и т. п. Низшіе агенты на мѣстахъ, опьянѣвъ отъ предоставленной имъ „полноты власти“ и понявъ, что теперь карьеру можно сдѣлать только грубымъ обращеніемъ съ политическими ссыльными, проявляли самодурство по истинѣ гомерическое. Начался рядъ столкновеній между прекрасно вооруженными полицейскими и безоружными ссыльными. Рѣдкая партія ссыльныхъ не подвергалась въ пути насилію. Вязали веревками, били прикладами, иногда стрѣляли.

Особенно болно били новые циркуляры по Якутской ссылкѣ. До гр. Кутайсова ссыльныхъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, водворяли почти исключительно по Ленскому тракту и въ городахъ Якутской области; теперь ихъ стали изгонять изъ Якутска и близкихъ къ Ленѣ мѣстъ—въ отдаленные улусы и наслеги. Здѣсь имъ приходилось жить среди якутовъ, въ насквозь провонявшихъ юртахъ, среди невообразимой грязи. Въ большинствѣ такихъ пунктовъ не было ни медицинской помощи, ни какой-либо, хотя бы самой плохенькой, лавчонки. Между тѣмъ, отлучаться для покупокъ или лѣченія въ ближайшій пунктъ нельзя было подъ угрозой немедленной высылки на побережье Ледовитаго океана; мѣстнымъ жителямъ, къ тому же, строго запрещено было давать политическимъ лошадей.

Въ концѣ января 1914 года ссыльнымъ былъ нанесенъ новый тяжелый ударъ: особымъ циркуляромъ предписывалось окончившихъ срокъ ссылки не отправлять больше въ Россію на казенный счетъ: пусть, дескать, ѣдутъ на собственный счетъ, если тоскуютъ по родинѣ. Проведеніе въ жизнь этого циркуляра было равносильно осужденію очень и очень многихъ политическихъ ссыльныхъ на безсрочную ссылку въ Сибирь: вѣдь, для того, чтобы добраться въ Европейскую Россію изъ Верхоянска, Колымска и даже Якутска, нужно нѣсколько сотъ рублей, а гдѣ взять такіа деньги ссыльнымъ крестьянамъ, рабочимъ или живущимъ исключительно своимъ трудомъ интеллигентамъ?

Узелъ затягивался все туже; положеніе съ каждымъ днемъ становилась невыносимѣе. Вновь прибывавшія партіи, на короткое время задерживавшіяся въ Якутскѣ, рассказывали о насиліяхъ и надругательствахъ, которымъ подвергались въ пути какъ они сами, такъ и добывавшіеся съ ними свиданій товарищи. Изъ другихъ мѣстъ, съ сѣвера, доходили вѣсти о все учащающихся, подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій жизни, случаяхъ самоубійствъ, помѣшательствъ, преждевременныхъ смертей. Передъ глазами вставали призраки юношей и дѣвушекъ погибшихъ въ этихъ гиблыхъ мѣстахъ. Сверкающія холодной безстрастной красотой тундры стали казаться гигантскимъ кладбищемъ, на которомъ суждено найти преждевременную могилу еще многимъ и многимъ, имъ же нѣсть числа.

Чаша горя была полна до краевъ,—переполнилась и чаша терпѣнія.

Зимой 1904 г. въ Якутскѣ и ближайшихъ къ нему поселкахъ находилось,—большей частью въ ожиданіи отправки въ мѣста еще болѣе отдаленныя,—около 120 человекъ. Часть ихъ самовольно бѣжала въ городъ изъ своихъ глухихъ наслеговъ и рѣшила больше не возвращаться въ нихъ: все равно, дескать, пропадать! Были тутъ и семейные, которымъ предстояли мѣсяцы ужаснаго путешествія, съ малыми дѣтьми, куда-нибудь въ Колымскъ, и больные, которыхъ полиція отправляла въ глухіе, лишенные медицинской помощи, пункты.

Каждый день приносилъ новыя обиды. Среди ссыльныхъ какъ-то самъ собой возникъ вопросъ объ отпорѣ Кутайсовскому режиму. И естественно выдвинулся вопросъ о протестѣ съ оружіемъ въ рукахъ: мирные протесты, какъ показалъ опытъ, ни къ чему, кромѣ новыхъ насилій и издѣвательствъ, не вели. На рядѣ собраній, о которыхъ полиція и не подозрѣвала (новый циркуляръ о ежедневномъ наблюденіи за ссыльными еще не примѣнялся), послѣ долгихъ страстныхъ споровъ, рѣшено было съ оружіемъ въ рукахъ протестовать противъ гибельныхъ условій ссылки: лучше ужасный конецъ, чѣмъ ужасъ безъ конца.

Разумѣется, такое рѣшеніе ни къ чему не обязывало несогласныхъ съ нимъ; ссыльные, не сочувствовавшіе такой рѣшительной тактикѣ или почему-либо другому не находившіе возможнымъ присоединиться къ такой формѣ протеста, были совершенно свободны въ своихъ дѣйствіяхъ. И значительная часть этой свободой воспользовалась: изъ 100 слышимъ человекъ, участвовавшихъ въ собраніяхъ, только 42 до конца стояли за протестъ съ оружіемъ въ рукахъ (впослѣдствіи къ нимъ присоединилось еще 15 ссыльныхъ).

Скоро отъ словъ перешли къ дѣлу. Лихорадочно закипѣла работа. Верхній этажъ дома якута Романова спѣшно очищался отъ занимавшихъ его квартирантовъ—ссыльныхъ, и рано утромъ 18 февраля 1904 года превратился въ повстанческой лагерь,

„Романовка“, какъ съ тѣхъ поръ называли этотъ домъ, <sup>1)</sup> огласилась шумомъ возбужденныхъ голосовъ, топотомъ ногъ, ударами топоровъ. Десятки рукъ весело таскали по лѣстницѣ бревна, доски, каравай хлѣба, замороженные мясныя туши, „твердую“ воду, т. е. ледъ, и т. п. Дѣлались послѣднія приготовленія, передавали оставшимся въ городѣ товарищамъ лишнія вещи, письма „на случай смерти“, ненужныя теперь деньги. На скорую руку, начерно, сбивались баррикады, сортировалось оружіе, размѣщались припасы. Тутъ же подписывалось и заявленіе на имя губернатора.

Вотъ что, между прочимъ, сказано было въ этомъ заявленіи:

„ . . . Насъ били и бьютъ по тюрьмамъ и въ дорогѣ, намъ создаютъ обстановку, въ которой жить нельзя; насъ водворяютъ въ улусы, гдѣ большей частью нѣтъ сносныхъ квартиръ, а за самовольныя отлучки высылаютъ безъ разслѣдованія обстоятельство въ отдаленнѣйшія мѣста; намъ набавляютъ сроки опять таки безъ гласнаго разслѣдованія и неизвѣстно, по чьему фактическому усмотрѣнію; насъ везутъ безъ средствъ и въ негодной одеждѣ, лишая даже возможности пользоваться товарищеской помощью. Изъ ссылки намъ устраиваютъ западню, въ которой мы должны оставаться и послѣ окончанія срока, такъ какъ, вопреки точному смыслу законовъ, намъ отказываютъ въ возвращеніи на казенный счетъ; наши самыя законныя ходатайства остаются безъ удовлетворенія по причинамъ намъ неизвѣстнымъ и т. д. и т. д.

„Служить объектомъ произвола и административныхъ измышлений, откуда бы они ни исходили, мы не желаемъ и заявляемъ, что никто изъ насъ не уѣдетъ изъ Якутска и что мы не оставимся передъ самыми крайними мѣрами до тѣхъ поръ, пока не будутъ удовлетворены слѣд. требованія:

1) Гарантія немедленной, безъ всякихъ проволочекъ и пререканій, отправки всѣхъ оканчивающихъ срокъ товарищей на казенный счетъ. 2) Отмѣна всѣхъ изданныхъ въ послѣднее время распоряженій о стѣсненіи и почти полномъ воспрещеніи отлучекъ. 3) Отмѣна всякихъ, кромѣ точно указанныхъ въ „Положеніи о гласномъ надзорѣ“, репрессій за нарушеніе этого „Положенія“. 4) Отмѣна циркуляра, запрещающаго свиданія партій съ мѣстными политическими ссыльными. 5) Гарантія въ томъ, что никакихъ репрессалій по отношенію къ лицамъ, подписавшимъ настоящія требованія, примѣнено не будетъ“.

Послѣ указанія, что проведеніе въ жизнь новыхъ циркуляровъ вызвало и будетъ вызывать рядъ серьезныхъ столкновеній, протестанты заканчивали свое заявленіе слѣд. словами:

„Мы убѣждены, что тотъ или иной исходъ въ значительной степени будетъ зависѣть отъ вашего (т. е. губернатора) собственнаго образа дѣйствій и что поэтому отвѣтственность за могущія быть недоразумѣнія и столкновенія падеть лично на васъ. Являться по требованію полиціи мы никуда не будемъ, и всѣ сношенія рекомендуемъ вести письменно, адресуя любому изъ подписавшихся товарищей.“ \*

Жребій былъ брошенъ. Кучка политическихъ ссыльныхъ переступила роковую грань, сдѣлала скачокъ въ неизвѣстное. Что то ждало ихъ тамъ?

<sup>1)</sup> Отсюда и данное якутскимъ протестантамъ прозвище „Романовцевъ“.

\* Подъ заявленіемъ этимъ подписались слѣдующія лица: Маріанна Айзенбергъ, М. Бройдо, Г. Вардоянцъ, Д. Викарь, А. Гинзбургъ, Н. Гельфандъ, Л. Джохадзе, Тая Жмуркина, А. Журавель, А. Залкиндъ, С. Зараховичъ, А. Израильсонъ, В. Курнаговскій, И. Костоланецъ, А. Костюшко, Н. Каганъ, Н. Кудринъ, С. Лейкинъ, М. Лаговскій, Г. Лурье, М. Лурье, А. Медяникъ, Ю. Матлаховъ, Л. Никифоровъ, М. Оражеровскій, Г. Ольштейнъ, О.

Рѣшено было держаться строго оборонительной тактики, и въ этихъ видахъ велись работы по укрѣпленію „Романовки“: внутреннія баррикады, проволочныя загражденія, пробитыя въ стѣнахъ бойницы—все это предназначалось для отраженія натиска извнѣ. О „вооруженномъ нападеніи“ на якутскій гарнизонъ (распускались и такіе слухи) не могло быть и рѣчи, хотя бы по тому одному, что вооруженіе у „романовцевъ“ было крайне недостаточное: оно состояло изъ 25 револьверовъ, десятка охотничьихъ ружей, пары старыхъ берданокъ, топоровъ съ длинными топоричами да финскихъ ножей. При такомъ вооруженіи врядъ-ли можно предпринимать насильственный захватъ областного города.

Когда посланный къ губернатору вернулся въ „Романовку“, вѣсть о „вооруженномъ возстаніи“ ссыльных уже облетѣла городъ, и вокругъ новаго, со сказочной быстротой выросшаго, „форта“ тѣснились толпы любопытныхъ. Администрація страшно переполошилась. Вице-губернаторъ съ полиціимейстеромъ тотчасъ-же помчались къ дому Романова.

Протестанты открыли передъ ними двери при условіи, что за ними не войдетъ никто изъ солдатъ или полицейскихъ. Верхняя, ведущая во внутреннія комнаты, дверь была на половину забаррикадирована, и хотя новые хозяева дома любезно предложили г. Чаплину перелѣзть черезъ это препятствіе (что было сравнительно легко), представитель власти предпочелъ остаться «по ту сторону баррикады».

Переговоры ни къ чему не привели: власть не хотѣла уступать, протестанты не хотѣли отступать.

По отѣздѣ вице-губернатора „романовцы“ съ удвоенной энергіей приступили къ укрѣпленію своего мятежнаго лагеря. Вотъ какъ описываетъ ходъ этихъ работъ П. Тепловъ, одинъ изъ видныхъ участниковъ якутскаго протеста, въ своей крайне интересной книгѣ <sup>1)</sup>:

„Наглухо, прочно забаррикадовавъ двери и окно, выходящія на заднее крыльцо, мы ждали главнаго приступа со стороны парадной лѣстницы и къ этому приспособили весь планъ самообороны. Надъ дверью крыльца, у слухового окна, постоянно дежурили часовые, могущіе поднять тревогу на случай опасности. Въ крутой лѣстницѣ ведущей къ намъ, былъ сдѣланъ провалъ—вынута нѣсколько ступенекъ; на эту лѣстницу выходило нѣсколько бойницъ съ особаго помоста въ смежной комнатѣ. Съ этого же помоста выходилъ дѣлбый рядъ замаскированныхъ бойницъ въ прихожую и ко входной двери, загражденной полубаррикадой. Нѣ прихожей была раскинута сѣть проволочныхъ загражденій“. „Столовая отъ прихожей отдѣлялась второю полубаррикадой съ рядомъ бойницъ, направленныхъ прямо на входную дверь, а боковыя двери изъ прихожей въ обѣ половины дома были забарри-

---

Погосовъ, И. Ржонца, П. Розенталь, Анна Розенталь, Ревекка Рубничикъ, Л. Рудавскій, Л. Соколинскій, К. Солодухо (Перазичъ), П. Тепловъ, Л. Теслеръ, Т. Трифоновъ. Д. Ройтеншгеръ, С. Фридь, И. Хацкелевичъ и М. Цукеръ.

Вполѣдствіи къ этому заявленію присоединили свои подписи: В. Бодневскій, Д. Виноградовъ, М. Габронидзе, С. Гельманъ, М. Доброженидзе, Х. Законъ, М. Камермахеръ, А. Мисюевичъ, Екатерина Ройзманъ, И. Ройзманъ, И. Центарадзе, Песи Шрифтейликъ, А. Добросмысловъ и П. Дроновъ. Они находились въ улусахъ и какъ только узнали о протестѣ, поспѣшили на „Романовку“.

<sup>1)</sup> П. Тепловъ, исторія якутскаго протеста, изд. Глаголева. С-Петербургъ. Цѣна 1 рубль (480 страницъ).

кадированы наглухо“. „Нами предвидѣлась и возможность нападенія черезъ окна, особенно ночью, и противъ этого были приняты оборонительныя мѣры. Лишнія окна, за которыми трудно было углядѣть,—напр., въ кухнѣ—были вообще забаррикадированы наглухо, за остальными непрерывно, днемъ и ночью, слѣдили караульные по очереди“.

Впослѣдствіи, недѣли черезъ двѣ, когда солдаты систематически начали обстрѣливать „Романовку“, осажденные въ ней спѣшно стали блиндировать стѣны. Блиндажи строились изъ лиственничныхъ дровъ и образовывали вдоль наружныхъ стѣнъ деревянную обшивку толщиной въ  $\frac{3}{4}$  аршина и вышиной въ  $1\frac{1}{2}$ —2 аршина отъ полу. Промежутки между стѣной и обшивкой заполнялся каменными плитами и мѣшками съ землей, которую доставали съ чердака.

Власти рѣшили взять «романовцевъ» изморомъ, т. е. отрѣзать ихъ отъ внѣшняго міра въ расчетъ на то, что голодъ скоро заставитъ ихъ сдаться.

Началась блокада дома. Протестанты были увѣрены, что противъ нихъ въ первый же день пустятъ военную силу и что развязка, такимъ образомъ, не заставитъ себя долго ждать. Но день шелъ за днемъ, не внося въ положеніе существенныхъ переменъ. Городъ съ жуткимъ, напряженнымъ любопытствомъ ждалъ, что изъ всего этого выйдетъ. Оставшіеся въ городѣ ссыльные (среди которыхъ были жены нѣкоторыхъ „романовцевъ“) нервничали. Скоро удалось наладить болѣе или менѣе регулярныя конспиративныя сношенія между ними и осажденными. Помимо заранѣе условленной сигнализации (днемъ съ помощью развѣвавшася надъ крышей „Романовки“ красного знамени, а ночью съ помощью огней), почти съ перваго-же дня осады функционировала «собачья почта»: роль почтара исполняла принадлежавшая одному ссыльному собака (по кличкѣ „Иголкинъ“), блестяще справлявшаяся со своей трудной задачей и обыкновенно искусно обманывавшая бдительность окружавшихъ домъ солдатъ и казаковъ.

По мѣрѣ того, какъ осада затягивалась, передъ осажденными все острѣе вставалъ вопросъ о съѣстныхъ припасахъ: приходилось кормить 57 человекъ! Когда провизія была уже на исходѣ, удалось организовать до дерзости смѣлую вылазку нѣсколькихъ товарищей, которые на другой день, нагрузивъ двое саней хлѣбомъ и всякой снѣдью, такъ неожиданно прорвались къ „Романовкѣ“, что опѣшившіе полицейскіе и солдаты не рѣшились задержать ихъ, тѣмъ болѣе, что у воротъ уже ждали ихъ предупрежденные собачьей почтой вооруженные товарищи.

Между тѣмъ пассивная тактика начала, повидимому, надобдывать и осаждающимъ. Изъ города до „Романовцевъ“ дошла вѣсть, что ихъ собираются, съ одной стороны вымораживать, обливая ихъ черезъ разбитыя стекла оконъ водой изъ пожарныхъ трубъ, съ другой стороны—обстрѣливать съ дальняго расстоянія.

Возбужденіе росло въ обоихъ лагеряхъ. Блокада все болѣе тѣснымъ кольцомъ обхватывала «Романовку», и о вылазкахъ не могло быть уже и рѣчи. Нервы у осажденныхъ были напряжены до крайности: каждую минуту, днемъ и ночью, ждали



нападенія. Спали урывками, въ одеждѣ, положивъ возлѣ себя оружіе.

Осаждающіе вели себя все болѣе вызывающе. Наконецъ-з марта солдаты стали съ помощью длинныхъ палокъ закрывать наружныя ставни въ верхнемъ этажѣ, гдѣ засѣли ссыльные (нижній этажъ пустовалъ, и солдаты дѣлали въ немъ какія-то таинственныя приготовленія <sup>1)</sup>). Ясно было, что осажденныхъ хотятъ лишить возможности видѣть, что дѣлается снаружи. Они взволновались и пригрозили (и на словахъ и письменно, въ двухъ выброшенныхъ въ окно запискахъ), что будутъ стрѣлять, если солдаты не перестанутъ закрывать ставни.

Угроза не подѣйствовала: солдаты не только продолжали закрывать ставни, но при этомъ еще издѣвались надъ осажденными. И пролилась кровь. Одинъ изъ «Романовцевъ» двумя выстрѣлами черезъ амбразуру убилъ двухъ солдатъ. Среди осаждающихъ началась паника. Черезъ минуту они были уже на безопасномъ для себя разстояніи и открыли частый ружейный огонь. „Романовцы“ бросились подъ защиту блиндажей, которые многимъ спасли жизнь—какъ въ этотъ, такъ и въ послѣдующіе обстрѣлы.

Однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ былъ убитъ политическій ссыльный Юрій Матлаховъ.

Первая жертва была принесена, и „Романовцы“ привязали къ развѣвавшемуся надъ крышей красному знамени двѣ черныя ленты.

Теперь картина рѣзко измѣнилась. Осажденное кольцо значительно расширилось: солдаты ужъ не рѣшались близко подходить къ дому и зная, что у ссыльныхъ нѣтъ дальнѣйшаго оружія, стрѣляли безъ всякаго для себя риска, съ дальняго разстоянія.

Мѣстные жители и оставшіеся на «волѣ» ссыльные не спускали глазъ съ дома, надъ которымъ незримо витала смерть и за стѣнами котораго воображеніе рисовало десятки труповъ (о блиндажѣ никто въ городѣ не зналъ).

Обстрѣлъ продолжался и на другой день, и на третій, когда онъ носилъ особенно ожесточенный характеръ. Пули сыпались на домъ градомъ, и скоро въ верхнемъ этажѣ не осталось ни одного почти цѣлаго стекла; на нѣкоторыхъ стеклахъ можно было насчитать слѣды десятковъ пуль; они пробивали насквозь стѣны, со свистомъ пролетали надъ головами, впивались въ одежду, часто и въ живое тѣло (три человѣка—Костюшко, Хацкелевичъ и Медяникъ—были ранены).

Передъ осажденными сталъ вопросъ, что дѣлать. Ждать, какъ бараны на бойнѣ, пока ихъ всѣхъ перебысть съ далекаго разстоянія или, быть можетъ, сожгутъ живьемъ (въ городѣ ходили слухи, что „Романовку“ хотятъ обложить соломой и поджечь)—было бы нелѣпо.

Не смерти боялись протестанты; они и безъ того были увѣрены, что ихъ ждетъ военный судъ, который шадить ихъ не станеть. Для нихъ важно было не допустить, чтобы ихъ не окле-

<sup>1)</sup> Впослѣдствіи выяснилось, что дѣйствительно предполагалось стрѣлять въ „Романовцевъ“ изъ нижняго этажа, черезъ потолокъ.

ветали, уже мертвыхъ, взваливъ на нихъ отвѣтственность за пролитую кровь; для нихъ важно было довести до свѣдѣнія общества истинные мотивы своего протеста и дѣйствительный характеръ его.

Въ сущности судьба протеста была рѣшена съ того момента, какъ выяснилось, что власти рѣшительно отказываются идти на протестантовъ приступомъ, а предпочитаютъ взять ихъ изморомъ или-же перебить съ дальняго разстоянія.

И „Романовцы“, просидѣвъ 19 дней въ осадѣ, сдались.

„Въ эту страшную ночь (передъ сдачей) — говоритъ Тепловъ въ своей книгѣ — никто не смыкалъ глазъ, всѣ бродили какъ убитые. Слезы отчаянія подступали къ горлу, душила злоба при одной мысли о завтрашнемъ днѣ. На многихъ жутко было взглянуть; опасались, что нѣкоторые покончатъ самоубійствомъ“..

Первый актъ драмы кончился. Дѣйствіе слѣдующихъ ея актовъ должно было происходить въ тюрьмѣ, въ судѣ и на картрѣ.

„Романовцевъ“ рѣшили было предать военному суду, но въ Россіи къ этому времени подули уже новые вѣтры. Японскія пушки пробили сильную брешь въ твердыню реакціи. Въ нѣдрахъ народныхъ нарождалось что-то новое, крѣпло и росло чувство возмущенія противъ виновниковъ разгрома. Массы были обвѣяны духомъ протеста. Общее возбужденіе умовъ принимало опасные для стараго порядка размѣры. Въ этой атмосферѣ протестъ кучки политическихъ ссыльныхъ вызвалъ горячій откликъ. Въ Россіи и за границей созывались собранія, принимались сочувственныя резолюціи, посылались телеграммы „героямъ якутянамъ“. Въ цѣломъ рядѣ сибирскихъ колоній ссыльные отправляли генераль-губернатору или министру внутреннихъ дѣлъ подписанныя десятками лицъ и написанныя въ боевомъ тонѣ заявленія о томъ, что они вполне присоединяются къ протесту якутскихъ товарищей, съ новыми циркулярами считаются не стануть и противъ насилій будутъ, если это окажется необходимымъ, бороться „съ оружіемъ въ рукахъ“. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ дѣло дѣйствительно чуть не дошло до вооруженныхъ столкновений.

При такихъ условіяхъ военный судъ со смертными приговорами, могъ бы повлечь за собой серьезныя неприятели для бюрократіи. Самъ Кутайсовъ усиленно хлопоталъ о передачѣ дѣла суду гражданскому, и Плеве пошелъ на уступки — „подъ условіемъ гарантіи, что репрессія будетъ достаточной“.

На происходившемъ въ Якутскѣ и продолжавшемся 10 дней, съ 30 іюля по 8 августа, судѣ, съ не отставающей ничего желать ясностью, была раскрыта ужасающая картина жизни невольныхъ обитателей Сибири. Какъ сами подсудимые, такъ и ихъ талантливые защитники \*) рассказали о дѣятельности господъ Кутайсовыхъ, сдѣлавшихъ существованіе въ и безъ того „гиблыхъ“ мѣстахъ совершенно невозможнымъ.

\* ) Владиміръ Вильямовичъ Беренштамъ и Александръ Сергѣевичъ Зарудный.

Судъ старался, какъ водится, узнать, кто были „зачинщики“ протеста; при этомъ подсудимыхъ увѣряли, что въ случаѣ обнаруженія зачинщиковъ, участь этихъ послѣднихъ отягчена не будетъ, между тѣмъ какъ остальные участники процесса отдѣляются сравнительно мягкимъ приговоромъ. Но подсудимые рѣшительно отказались такой цѣной купить снисхожденіе: лишенные очень и очень многихъ человѣческихъ правъ, они добивались хотя-бы равенства передъ судомъ. И судъ вынужденъ былъ санкціонировать это равенство: 55 человѣкъ было приговорено къ 12 годамъ каторжныхъ работъ каждый <sup>1)</sup>.

660 лѣтъ каторги! Репрессія вышла „достаточной“.

Дальнѣйшіе этапы Якутскаго протеста особаго интереса не представляютъ. Поезію борьбы смѣнила тяжелая проза этапныхъ и тюремныхъ мытарствъ, однообразіе которыхъ время отъ времени нарушалось побѣдами да преждевременными смертями. Версть за 50 отъ Александровскаго центра, въ который везли новыхъ каторжанъ, троимъ изъ нихъ (Максу Бройдо, Ольгѣ Викеръ и Науму Кагану) удалось бѣжать. Наканунѣ-же, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ къ побѣгу, покончилъ съ собой, въ селѣ Хаутѣ, бывший офицеръ Владиміръ Петровичъ Бодневскій. «Жизни въ неволѣ онъ предпочелъ смерть», какъ гласила надпись на красныхъ лентахъ громаднаго, возложеннаго товарищами, вѣнка изъ вѣтокъ сибирской ели.

Въ Александровскѣ неутомимые „Романовцы“ съ мѣста въ карьерѣ взялись за организацію массоваго побѣга. Больше трехъ мѣсяцевъ, какъ кроты, работали они надъ подкопомъ, который, начинаясь подъ одной изъ камеръ и проходя на протяженіи 10 сажень подъ тюремнымъ дворомъ, тянулся на цѣлыхъ 30 сажень за тюремной стѣной. Приходилось съ помощью самодѣльной пилки и скобеля пробиваться черезъ шестивершковый слой цемента и каменный грунтъ, но жажда свободы творила чудеса: она превращала слабыхъ, измученныхъ людей въ богатырей, давала имъ великую силу и неистощимое терпѣніе. И пятнадцать человѣкъ въ ночь на 16 января выбрались изъ подкопа на волю,дохнуло бодрящимъ, морознымъ воздухомъ окружающей тайги. Но совсѣмъ уйти удалось только пяти изъ нихъ, остальные въ разное время были пойманы <sup>2)</sup>.

Только въ концѣ октября 1905 года, когда въ результатѣ охватившаго Россію движенія для тысячъ узниковъ открылись двери тюремъ, вышли на свободу и „Романовцы“ <sup>3)</sup> 28 октября получена была на имя начальника тюрьмы телеграмма отъ Иркутскаго тюремнаго инспектора; „Поздравьте романовцевъ съ освобожденіемъ“. Старая тюрьма огласилась восторженными возгласами и революціонными пѣснями, которымъ съ воодуше-

<sup>1)</sup> Одинъ изъ протестантовъ, Никифоровъ, въ день убійства двухъ солдатъ находившійся по порученію товарищей въ городѣ, приговоренъ былъ къ году тюрьмы.

<sup>2)</sup> Ушли: Перазичъ, Фридь, Рабиновичъ, Хацкелевичъ и Гельфандъ; пойманы были: Виноградовъ, Викеръ, Камермахеръ, Рудаевскій, Трифоновъ, Журавель, Джогадзе, Соколинскій, Оржеровскій и Шогосовъ.

<sup>3)</sup> Только четверо изъ нихъ (Ольга Викеръ, Ревекка Рубинчикъ, Максъ Бройдо и Наумъ Каганъ) по какимъ-то, никому неизвѣстнымъ соображеніямъ, были исключены изъ амнистіи.

лением подтягивали тюремщики: исторія время от времени дарить людей свѣтлыми, волшебными, незабываемыми улыбками.

Увы, улыбка, которой она подарила русскій народъ въ октябрь 1905 года, скоро смѣнилась отвратительной гримасой. Догорѣли огни, облетѣли цвѣты. Свѣтлый праздникъ кончился и за радостнымъ пиромъ свободы наступило тяжкое похмелье. Со всѣхъ сторонъ поднимались мутныя, кровавыя волны—и много человѣческихъ жизней унесло чернымъ потокомъ.

Унесъ этотъ черный потокъ и одного изъ самыхъ видныхъ организаторовъ якутскаго протеста, Антона Антоновича Костюшко-Валюжанича. Приѣхавъ въ октябрьскіе дни, во время охватившаго Сибирь революціоннаго броженія, въ Читу, подъ именемъ техника Григоровича, онъ принялъ энергичное участіе въ движеніи, и потомъ выступалъ въ качествѣ делегата „Совета солдатскихъ и казачьихъ депутатовъ“ при переговорахъ съ мѣстными властями. Онъ-же организовалъ изъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ дружину въ 500—600 человѣкъ, вооруженную трехлинейными винтовками. Губернаторъ Холщевниковъ (впослѣдствіи арестованный Ренненкампомъ за потворство революціонерамъ) удовлетворилъ многія изъ предъявленныхъ ему требованій и, между прочимъ, освободилъ всѣхъ политическихъ заключенныхъ Читинской тюрьмы. Въ декабрѣ была снаряжена, при непосредственномъ участіи Костюшко и другого „романовца“, Виктора Курнатовскаго, вооруженная экспедиція въ Акауй—для освобожденія политическихъ каторжанъ (было освобождено 15 матросовъ съ „Прута“).

Вообще, Читинская революціонная организація проявляла интенсивную дѣятельность. Ей положилъ конецъ генералъ Ренненкампфъ, который 21 января приѣхалъ въ Читу во главѣ карательной экспедиціи,—съ двумя эшелонами войска, пулеметами и артиллеріей. Революціонеры были раздавлены, а Костюшко, вмѣстѣ съ тремя товарищами, Цуксманомъ, Столяровымъ и Вайнштейномъ, 2 марта былъ разстрѣлянъ.<sup>1)</sup>

Много съ тѣхъ поръ воды и крови утекло—и „Романовка“ въ значительной степени забыта. Но въ свое время значеніе этого протеста было огромно. Ссылные въ самыхъ медвѣжьихъ углахъ почувствовали приливъ бодрости, подняли головы и громко заявляли о готовности всѣми мѣрами отстаивать свое человѣческое достоинство. Настроеніе было такое, что полицейскіе агенты на мѣстахъ, изъ боязни вызвать новые вооруженные протесты, значительно присмирѣли.

На административныхъ верхахъ тоже забили отбой.—Уже 6 октября 1904 года графъ Кутайсовъ издалъ циркуляръ, предписывающій чинамъ полиціи „не позволять себѣ въ сношеніяхъ съ поднадзорными никакихъ проявленій власти, не основанныхъ на требованіяхъ закона“. 4 ноября того-же года выходитъ новый циркуляръ, въ которомъ, по поводу борьбы полиціи съ отлучками ссыльныхъ, говорится о „неправильномъ пониманіи низшими чинами полиціи своихъ обязанностей“ и указывается, что далеко

<sup>1)</sup> Курнатовскій еще раньше былъ приговоренъ тѣмъ-же Ренненкампомъ въ Верхне-Удинскѣ, къ смерти, но казнь была замѣнена безсрочной каторгой.

не всегда отлучки являются преступленіемъ. Наконецъ, 11 января 1905 года появляется еще одинъ циркуляръ, призывающій полицію къ большей тактичности по отношенію къ ссыльнымъ. Словомъ графъ, Кутайсовъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ сталъ отмѣнять свои собственныя, изданные до якутскаго протеста, циркуляры.

Довлѣтъ днєви злѡба его; прошлое понемногу оттѣсняется настоящимъ, старыя раны не такъ уже болятъ, когда появляются новыя, забвеніе изо дня въ день все больше окутываетъ туманомъ самыя острыя переживанія. Но такія драмы, какъ рассказанная здѣсь, не могутъ быть забыты: дѣйствительность то и дѣло напоминаетъ намъ о гиблыхъ мѣстахъ, гдѣ и понынѣ стонуть и задыхаются ссыльные.

Одно время казалось, что клеймо проклятія уже навсегда снимается съ Сибири, что административная ссылка отжила свой вѣкъ. Но это только казалось. „Обновленный“ строй оказался вполне совмѣстимымъ съ до-конституціонной административной расправой. „Такъ было, такъ будетъ!“ — безстрастно заявили торжествующіе побѣдители, и гиблыя мѣста стали вновь наполняться гибнущими людьми.

„Романовскій“ протестъ невольно приводитъ на память другую драму, вѣрнѣ трагедію, разыгравшуюся въ 1889 году, т. е. 25 лѣтъ тому назадъ, въ томъ-же Якутскѣ. Безпощадно расправились тогда съ безоружной кучкой политическихъ ссыльныхъ, за попытку ихъ мирнымъ путемъ добиться ничтожныхъ уступокъ.

Четверть вѣка прошло съ тѣхъ поръ. Пятнадцать лѣтъ спустя „Романовцы“ снова напомнили объ ужасахъ ссылки. На этотъ разъ моментъ былъ болѣе благопріятенъ, крикъ ихъ услышали не одни только интеллигентные верхи,—горячій, сочувственный откликъ нашелъ этотъ протестъ и въ рядахъ сформировавшейся тогда рабочей демократіи.

Съ тѣхъ поръ прошло еще десять лѣтъ, но Сибирь все еще продолжаетъ оставаться проклятіемъ русской жизни—и изо дня въ день доносятся съ ея безбрежныхъ равнинъ заглушенные разстояніемъ стоны несчастныхъ ссыльныхъ.

Такъ было, такъ есть.

*Н. Тасинъ.*

## Э т ю д ъ.

*(Посвящ. друзьямъ).*

Однажды въ своей жизни я былъ молодъ и видѣлъ красивыя минуты жизни. Каждая такая минута рисовала предо мною красивыя перспективы и одно блаженство!. Какъ все это чудесно припоминается... Помню—въ эти минуты бывало я вскакивалъ съ кресла, и начиналъ прислушиваться къ веселому

говору улицы. Это куда-то шли добрые, веселые люди, съ гимномъ великой будущности... Какъ все это было красиво!

Твое молодое лицо, бывало—жадно прильнетъ къ оконной рамѣ, хочется не пропустить ни единого звука, счастливой пѣсни, ты силишься задержаться на мѣстѣ... но увы!

Ты самъ уже въ рядахъ пѣвцовъ, и громко съ ними оглашаешь, сумрачныя, холодныя стѣны бездушнаго города.

О... эти пѣсни будущности!.. Сколько въ нихъ силы и задора молодости... Сколько правды и сочетанія прекраснаго изъ прекраснаго. О да!.. Это было, гдѣ-то—когда мы были еще молоды...

Теперь не то, Теперь мой старческій голосъ переливается хриплымъ свистомъ, и тихо, тихо тоскуетъ о молодости. Когда онъ вспоминаетъ свое прошлое, то начинаетъ осторожно нашептывать мнѣ на ухо — и я, вмѣсто радостныхъ пѣсенъ, рыдаю, какъ маленькое дитя.

Затѣмъ я вскакиваю со скамьи, и быстрыми, старческими шагами — подбѣгаю къ маленькому окошечку и начинаю прислушиваться къ незнакомымъ напѣвамъ.

Это уже не радостныя гимны о будущности, а тихій заунывный лепетъ сибирской тайги — о своей дѣвственности... Безумныя муки!.. Жизнь... гдѣ же твои высокіе порывы?.. Развѣ они созданы только для молодости... а мы? Ахъ да!..

Гдѣ-то когда-то и мы были молоды и пѣли гимны свободы!

*Арс. Кол.*

## Л Ъ Т О М Ъ.

Я пойду въ родное поле,  
 Поищу цвѣтовъ душистыхъ...  
 Зѣрна почки раскололи,  
 И роза блеститъ на листьяхъ.  
 Къ ячменямъ пойду усталымъ,—  
 Вѣдь въ поляхъ я, точно дома!  
 Подъ раскрашеннымъ закатомъ  
 Льетъ золотомъ солома.  
 Отчего-же жить угрюмо,  
 Сердце, точно расколосось?  
 Расскажу я матку-думу—  
 Всѣ пойметъ усатый колось.  
 Я усну подъ звѣзднымъ небомъ,  
 Отдохну для жизни новой...  
 Ахъ, какъ вкусно пахнетъ хлѣбомъ,  
 Какъ хорошъ закатъ липовый!

*П. Оръшинъ.*

## Въ сумеркахъ.

Сердце болѣло... Солнца лучи погасали...  
 Куталась въ дымку далекая, блѣдная даль.  
 Плакали розы... Крупныя слезы дрожали...  
 Вѣтеръ въ окно зазвенѣлъ, точно зловѣщая сталь...  
     Сумерки пали... Звуки рояля рыдали...  
     Звѣзды съ холодныхъ высотъ бросили въ душу печаль.  
     Сердце болѣло... Грезы въ душѣ исчезали...  
     Стало мнѣ грустно. Стало чего-то мнѣ жаль...  
 Кто-то стучался... Чьи-то шаги въ корридорѣ...  
 Звякнула звонко цѣпочка у чьихъ-то дверей.  
 Радостный возгласъ... Нотки любви въ разговорѣ...  
 Падали отблески, гдѣ-то зажженныхъ огней.  
     Стало темнѣе... Гулко часы куковали...  
     Сердце болѣло... Плакалъ тоскливо рояль...  
     Плакали розы... Крупныя слезы дрожали...  
     Вѣтеръ въ стекло зазвенѣлъ, точно зловѣщая сталь...

*В. Александровскій.*

## Нарушенный сонъ.

Въ лѣсную уснувшую тьму  
 Лучъ солнца пробрался  
 И весело стало ему  
 И онъ разыгрался.  
     По сморщеннымъ старымъ стволамъ  
     Скользнулъ онъ стрѣлою  
     И брызнулъ по темнымъ вѣтвямъ  
     Горячей струею.  
 Кудрявыя купы березъ,  
 Мохнатая ели  
 Подъ ласкою солнечныхъ грезъ  
 Сквозь сонъ зашумѣли.  
     Проснувшійся вѣтеръ вздохнулъ  
     И эхо вздохнуло...

.....  
 Но лучъ въ поднебесье скользнулъ  
 И вновь все уснуло.

*А. Сергѣевъ.*

## Послѣ грозы.

Гроза улетѣла со свитой  
Толпящихся тучъ  
И воздухъ, дождями омытый,  
И свѣжъ и пахучъ.  
Съ чарующимъ лепетомъ льются,  
Блестятъ ручейки,  
И слезы роняя смѣются  
Во ржи васильки.

*А. Сергѣевъ.*

---

## Хворый путь.

Послѣ долгихъ весень,—  
Я въ мѣстахъ знакомыхъ.  
Какъ шумять, проснувшись,  
Вкругъ души дубравы...  
    Ѣдешь полемъ: солнце.  
    Клонный хоръ былинокъ  
    Путь твой опѣваешь  
    Въ холодѣ вѣтринокъ.  
Хворый, глянешь въ небо,—  
А слеза мѣшаетъ;  
Радость грудь колышетъ...  
Боже! Другъ мой старшій...  
    Кто-же ты, знакомый,  
    На лицо мнѣ дышешь?—  
    Полдень машетъ тѣнью.  
    Подъ телѣгой—мостикъ.  
Холмъ уходитъ. Вижу:  
Въ дырной кацавейкѣ,  
Распластался—дремлетъ  
Паренекъ свирѣльный.  
    Кнутъ усталъ сгибаться,  
    Стадо чуетъ волю...  
    Ахъ, бодай баранъ васъ,  
    Милые ягнята!..  
Ну-ка, ты, замакай,  
Малышонокъ бѣлый:  
Я пойму твой голосъ,  
Обнимусь душою...



Ну-ка ты, плеснися,  
 Золотое море!..  
 Ну-ка, расплеснися.  
 Дней болѣзныхъ горе!..

*Степанъ Давыдовъ.*

## Первые шаги рабочего движения.

### I.

Это простая и старая истина: образование рабочей партіи есть обособленіе пролетаріата отъ буржуазіи. Но очень сложенъ тотъ путь, какимъ рабочій классъ приходитъ къ выработкѣ самостоятельной программы и правильной тактики; онъ различенъ въ разныхъ странахъ. При всемъ различіи, однако, въ національныхъ путяхъ развитія, есть нѣкоторыя общія черты, характерныя для первой стадіи самостоятельнаго политическаго движения рабочего класса большинства европейскихъ странъ.

Чартизмъ представляетъ первое крупное движеніе современнаго пролетаріата. Этотъ первый опытъ самостоятельной борьбы явился лишь въ результатѣ долгихъ блужданій и ошибокъ.

Уже въ концѣ 18-го вѣка начинаютъ возникать политическія организаціи среди рабочихъ промышленной Англіи. Въ отдѣльные моменты онѣ принимаютъ довольно значительные размѣры и подчасъ носятъ революціонный характеръ.

Но сознаніе особыхъ классовыхъ интересовъ начинаетъ медленно пробиваться лишь у отдѣльных—очень немногихъ—лицъ. О какой нибудь особой политической программѣ еще нѣтъ и рѣчи; революціонное настроеніе находитъ исходъ въ разрушеніи машинъ и т. под. Въ политикѣ же движеніе болѣе передовыхъ элементовъ сливается съ общимъ оппозиціоннымъ движеніемъ буржуазіи, и большинство политическихъ союзовъ объединяетъ рабочихъ со „среднимъ классомъ“.

Въ теченіе первыхъ десятилѣтій 19-го вѣка промышленная буржуазія Англіи ведетъ борьбу за власть съ земельной аристократіей. Но требованіемъ виговъ (англійскихъ либераловъ) было не всеобщее, а ценовое, избирательное право, которое исключало не только пролетаріатъ, но и значительную часть мелкой буржуазіи. Однако, ненависть къ торіямъ (консерваторамъ) въ широкихъ массахъ была такъ сильна, а духовная самостоятельность такъ слаба, что о „деталяхъ“ реформы почти не говорили. Она была той большой цѣлью, которая должна была принести всеобщее избавленіе и свободу. Всѣ силы буржуазіи сосредоточились на этой борьбѣ; съ энтузіазмомъ и самопожертвованіемъ шель за нее пролетаріатъ.

Юльская революція во Франці прозвучала для Англіи какъ набатный звонъ. Съ этого момента движеніе растетъ съ неимоверной силой, и никакія репрессіи не могутъ больше справиться съ нимъ. Десятки демонстрацій во всѣхъ промышленныхъ центрахъ, подкрѣпляемые боевыми статьями радикальныхъ газетъ, показываютъ, какъ глубоко и какъ сильно недовольство. Англія очевидно стоитъ наканунѣ революціи.

Чтобъ избѣжать ее, правительство сдается. Лѣтомъ 1832 г. избирательная реформа дѣлается закономъ, и осенью происходятъ новые выборы. Но торжество продолжается недолго. Уже при составленіи избирательныхъ списковъ обнаруживается смыслъ „великой реформы“; на выборахъ проходятъ одни виги. Для рабочихъ массъ, которыя на своихъ плечахъ вынесли все движеніе, этотъ результатъ означалъ глубокое пораженіе. Вмѣсто „народнаго парламента“—расширенное представительство господствующихъ классовъ. Вмѣсто социальныхъ реформъ, о которыхъ неопредѣленно и смутно мечтали—«великій принципъ свободы торговли». Вмѣсто всеобщаго избавленія—старья цѣпи и старый кнутъ.

Разочарованіе было полное. Стоило-ли тратить столько силъ для того, чтобъ доставить господство вигамъ? Да и лучше-ли виги, чѣмъ торіи? И первой реакціей былъ глубокой антипарламентаризмъ въ рабочихъ массахъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за реформой, интересъ къ парламенту и политикѣ исчезаетъ. Въ это время вырастаютъ всякія экономическія организаціи, вродѣ «базаровъ обмѣна» и кооперативовъ, которые должны были *замѣнить* политическую борьбу и освободить пролетаріатъ отъ капиталистическаго гнета. Робертъ Овенъ пріобрѣтаетъ вліяніе въ рабочихъ кругахъ, и утопическія теоріи освобожденія *безъ борьбы за государственную власть* распространяются среди тѣхъ, кто раньше воевалъ за власть для нуждъ буржуазіи. Профессиональные союзы быстро растутъ въ этотъ періодъ и экономическая борьба принимаетъ широкіе размѣры.

Эта эпоха политическаго индифферентизма и антипарламентаризма продолжается недолго. Съ 1835 года начинается возвратъ къ политикѣ. Но новая вѣра въ политическую борьбу обогащена всѣмъ предыдущимъ опытомъ. Прежнія разочарованія не забыты, и основнымъ принципомъ новаго движенія дѣлается полное отмежеваніе отъ *всѣхъ* буржуазныхъ партій. Чартизмъ, т. е. борьба за „народную хартію“ — чисто пролетарское движеніе, чуждое и враждебное всѣмъ остальнымъ классамъ.

Шесть пунктовъ „хартіи“ сводились къ демократической реформѣ избирательнаго права. Но неправильно было бы думать, что этимъ ограничивалось все чартистское движеніе. Избирательная реформа должна была передать власть въ руки рабочаго класса; но были болѣе широкія, болѣе отдаленныя цѣли, которыя воодушевляли чартистскихъ вождей и чартистскую массу. «Заднія мысли», о которыхъ тогда столько писалось, представляли смѣсь изъ естественнаго права, христіанства и утопическаго социализма. Но какъ ни мало ясности въ этихъ „заднихъ мысляхъ“ — онѣ сводились въ общемъ къ радикальному измѣне-

нiю всего экономическаго строя. Чартизмъ былъ социалистическимъ движенiемъ англійскихъ рабочихъ со всѣми отличительными чертами первой стадiи движенiя. Изъ этой стадiи онъ не успѣлъ выйти: вся исторiя его исчерпывается 14 годами.

Сказочный подъемъ англійской промышленности послѣ открытiя золотыхъ россыпей въ Калифорнiи, въ связи съ абсолютнымъ господствомъ надъ мировымъ рынкомъ, создали и для англійскаго пролетарiата исключительно благопрiятныя условiя. Они примирили его на время съ основами буржуазнаго строя и направили *всю* его энергiю въ область экономической борьбы. Въ 1849 г. чартизмъ сходитъ на нѣтъ.

Къ тому же чартизмъ не представляетъ непрерывнаго, постепенно развивающагося, движенiя. Въ годы промышленныхъ кризисовъ — 1837, 1842, 1848 — когда нищета англійскихъ рабочихъ достигала ужасающихъ размѣровъ, когда боевое настроенiе расло и рвалось наружу, чартистское движенiе достигало своего апогея. Но въ промежуткахъ оно опадаетъ и проявляется лишь рѣдко, безъ особенной силы. Поэтому оно лишь медленно и съ трудомъ вырабатываетъ свою интеллигенцiю, и поэтому же оно такъ и не успѣло выйти на широкую дорожку той тактики, которая впослѣдствiи сдѣлалась общепринятою для всѣхъ рабочихъ партiй.

Въ свои первые годы чартизмъ знаетъ только два теченiя. Въ терминахъ того времени эти разногласiя сводились къ разницѣ между тактикой „физической силы“ и тактикой «моральной силы». По существу это была борьба между старыми поклонниками либерализма и независимымъ рабочимъ движенiемъ. Фракцiя „моральной силы“, написавшая на своемъ знамени мирныя средства борьбы, не желавшая слышать ни о какой организаци, кромѣ просвѣтительныхъ обществъ, имѣла очень мало влiянiя въ промышленныхъ центрахъ Англiи. Ея единственнымъ оплотомъ былъ Лондонъ съ его массами полу-ремесленныхъ рабочихъ и значительнымъ слоемъ рабочей аристократiи. Во главѣ этой фракцiи стоялъ столярный подмастерье Вильямъ Ловетъ. Опытный, способный ораторъ, много видѣвшiй и читавшiй, онъ имѣлъ и то преимущество передъ вождями другой фракцiи, что онъ происходилъ изъ рабочей среды; въ тотъ перiодъ это играло большую роль. Пришлось ему пострадать также за свои убѣжденiя и просидѣть около года въ тюрьмѣ. И, несмотря на все это, онъ не имѣлъ никакого влiянiя на рабочихъ промышленной Англiи. Ихъ отталкивала отъ него его умѣренная мирная тактика и тѣсный союзъ съ либералами.

Во главѣ фракцiи „физической силы“ стоялъ «левъ свободы», Фергюсъ О'Конноръ. По своимъ взглядамъ и своему происхожденiю онъ какъ бы созданъ былъ для роли вождя въ ту эпоху, когда основной задачей было отмежеванiе отъ всѣхъ господствующихъ классовъ. Ирландскiй землевладѣлецъ и патрiотъ, онъ всѣми силами души ненавидѣлъ обѣ англiйскiя партiи. Для него между ними не было ни малѣйшаго различiя; отвѣтственность за подавленiе Ирландiи онъ несъ одинаково. Подчасъ ему казалось даже, что торiи лучше виговъ. Онъ говорилъ, что землевладѣльцы лучше обращаются съ рабочими, чѣмъ фабриканты; онъ видѣлъ зло въ томъ, что промышлен-

ность и торговля „лишили Англию національнаго лица“ и придали ей космополитическій характеръ. Въ его взглядахъ было вообще много реакціоннаго отрицанія капитализма, а великою цѣлью будущаго онъ считалъ уравнительное раздѣленіе земли. „Земля и хартія—вотъ наши цѣли!“ Въ 40-ыхъ годахъ онъ основывалъ съ этой цѣлью банки и кооперативы, но всѣ эти попытки окончились, конечно, полной неудачей.

Ни въ теоріи, ни въ тактикѣ у него не было ясности. Но его фанатическая ненависть къ господамъ положенія, его простая, прямолинейная политика, его постоянныя обращенія къ „небритымъ лицамъ, мозолистымъ рукамъ и грубымъ курткамъ“, его могучій голосъ и огненные рѣчи создали ему популярность, какой не имѣлъ никто изъ чартистскихъ вождей. Онъ всецѣло господствовалъ надъ движеніемъ. Ему подражали остальные вожди. Они всѣ старались другъ друга перещеголять силой выраженій, всѣ гордились своей „революціонностью“ и всѣ призывали вооружаться для рѣшительнаго сраженія.

Но борьба съ либералами часто приводила ихъ къ поддержкѣ торіевъ. Правда, либеральное министерство жестоко преслѣдовало чартистовъ; но никто не забылъ звѣрствъ торійскаго правительства въ 1813, 1819 г. и т. д. Однако, ненависть къ либераламъ толкала чартистовъ къ поддержкѣ ихъ враговъ. На парламентскихъ выборахъ 1841 г. передъ чартистами стоялъ вопросъ, за кого голосовать тамъ, гдѣ кое кто изъ чартистовъ имѣетъ избирательное право? О собственныхъ депутатахъ нельзя было и мечтать; но можно было своими голосами поддержать ту или иную партію. И вотъ чартистская конференція издаетъ лозунгъ: противъ правительственныхъ (т. е. либеральныхъ) кандидатовъ! Органъ чартистовъ „Сѣверная Звѣзда“ призываетъ: „Чартисты! Сметемъ либераловъ!“ А самъ О'Конноръ говоритъ что „тамъ, гдѣ нѣтъ возможности собственными кандидатами участвовать въ избирательной кампаніи, лучше всего помочь поражению виговъ“<sup>1)</sup>.

Противъ этой тактики выступили лондонцы во главѣ съ Лов етомъ: они хотѣли союза съ вигами. Ихъ планъ, однако, не встрѣтилъ нигдѣ поддержки. Но въ средѣ остальной чартистской массы не было единства. Недовольству этой тактикой далъ выраженіе виднѣйшій теоретикъ чартизма О'Бріенъ. До того ближайшій соратникъ и сотрудникъ О'Коннора, онъ рѣшилъ на этотъ разъ выступить противъ него. Онъ требовалъ полной независимости, не только отъ виговъ, но и отъ торіевъ; онъ выработалъ цѣлый планъ превращенія избирательной кампаніи въ большое агитаціонное движеніе.

За О'Бріеномъ пошла лишь небольшая часть чартистовъ. Рабочія массы, семь лѣтъ терпѣвшія на своей спинѣ либеральный режимъ, готовы были какой угодно цѣной купить поражение виговъ. Массы остались за О'Конноромъ. Вокругъ О'Бріена сгруппировалась часть новой рабочей интеллигенціи; впоследствии къ этому теченію примкнулъ и Эрнстъ Джонсъ, другъ и сотрудникъ Маркса и Энгельса въ 60-ыхъ годахъ. Между

<sup>1)</sup> М. Бэръ. Исторія социализма въ Англии с. 371.

объими фракціями разгорѣлась война, въ которой другъ друга обвиняли въ нечестности и предательствѣ.

На выборахъ 1847 г. О'Конноръ опять поддерживаетъ торіевъ; онъ самъ проходитъ съ торійской помощью въ парламентъ.

Исторія такъ и не разрѣшила этого спора. Чартизмъ обрывается съ 1849 г. и всякое самостоятельное политическое движеніе среди англійскихъ рабочихъ прекращается на полъстолѣтія.

## II.

Черезъ 12 лѣтъ послѣ конца чартизма начинается общественное оживленіе въ *Германіи*. Единственной партіей, которая становится въ оппозицію къ правительству, дѣлаются либералы (прогрессисты). Въ лицѣ своихъ вождей и въ своихъ требованіяхъ они стремятся играть роль наслѣдниковъ революціи и дѣйствовать въ интересахъ „всего народа“; они требуютъ объединенія Германіи и демократической конституціи. Они имѣютъ свой оплотъ въ буржуазіи; но и въ разныхъ другихъ классахъ они находятъ сторонниковъ; они пользуются почти неограниченнымъ довѣріемъ среди рабочихъ, для нуждъ которыхъ у нихъ есть свой Шульце-Деличъ \*), пресловутый „король въ социальномъ царствѣ“.

Общественное недовольство быстро нарастаетъ. Въ концѣ 1861 г. происходятъ выборы въ прусскую палату депутатовъ по трехклассной избирательной системѣ—той-же, что дѣйствуетъ и сейчасъ,—и прогрессисты получаютъ большинство мандатовъ. Начинается періодъ „конституціонной борьбы“, которая приводитъ къ расколу оппозиціи и кончается уходомъ буржуазіи въ лагерь Бисмарка.

Прусскіе прогрессисты, которые ясно помнили 48-ой годъ, были гораздо умѣреннѣе и трусливѣе своего англійскаго прообраза. Они въ своей программѣ не упомянули ни всеобщаго избирательнаго права, ни даже свободы союзовъ и собраній. Ихъ главнымъ козыремъ былъ полновластный парламентъ. Ни о какихъ социальныхъ реформахъ, конечно, не было и рѣчи. Но покуда они оставались въ меньшинствѣ, ихъ борьба противъ реакціи привлекала больше вниманія, чѣмъ ихъ положительная программа. Когда они достигли большинства, когда передъ всѣмъ міромъ обнаружилась ихъ безконечная умѣренность и безсиліе, ихъ обаяніе стало быстро исчезать. Съ этого пункта начинается обособленіе нѣмецкаго пролетаріата и организація его въ самостоятельную партію.

Каждое движеніе имѣетъ такихъ вождей, какихъ оно заслуживаетъ. Въ Германіи О'Конноръ былъ невозможенъ. Нѣмецкіе рабочіе стояли и тогда уже въ культурномъ отношеніи неизмѣримо выше своихъ забытыхъ и измученныхъ англійскихъ собратьевъ; они нуждались въ лучшихъ, болѣе дальновидныхъ и

\*) Ш.-Деличъ извѣстенъ своей пропагандой и организаціей разнаго рода кооперативныхъ союзовъ (производительныхъ, ссудо-сберегательныхъ, кредитныхъ), носившихъ мелкобуржуазный характеръ.

болѣе образованныхъ, вождахъ. Для нихъ независимость рабочаго движенія провозгласилъ Фердинандъ Лассаль.

Лассаль не былъ вождемъ типа Бебеля или Адлера. Въ немъ не было той беззавѣтной, абсолютной преданности движенію, которая отличаетъ другихъ пролетарскихъ вождей. Чрезвычайно сложная натура, онъ соединялъ глубокой интересъ къ борьбѣ пролетаріата съ огромнымъ честолюбіемъ, большое самопожертвованіе съ преслѣдованіемъ личныхъ цѣлей. Безграничная, вызывающая самоувѣренность, и страстный, боевой характеръ; гигантская работоспособность и огромныя знанія; кристальная ясность мысли и большой ораторскій талантъ сдѣлали изъ него то, чѣмъ онъ сталъ для рабочаго движенія Германіи: тѣмъ Моисеемъ, который вывелъ пролетаріатъ изъ буржуазнаго Египта.

Къ этому свелась его историческая роль. Онъ участвовалъ въ движеніи всего два года, но онъ далъ за это время все, что онъ могъ дать пролетаріату. Онъ не дожилъ до періода фракціонной вражды со всѣми ея дразгами и грязью; честолюбіе не успѣло увести его въ сторону отъ рабочаго движенія. „Онъ былъ для насъ ненадежнымъ другомъ“, писалъ Энгельсъ Марксу послѣ его смерти; „въ будущемъ—почти несомнѣннымъ врагомъ“. „Быть-можетъ и Лассаль сдѣлалъ бы то же, что и Бухеръ“, пишетъ Марксъ, т. е. „въ качествѣ „министра труда“ перешелъ бы въ лагерь Бисмарка“. 1)

Ожесточенная борьба съ прогрессистами за рабочій классъ сдѣлалась основной задачей Лассалья. Вокругъ него сгруппировалась очень небольшая партія,—но тѣмъ сильнѣе онъ стремится отвоевать рабочій классъ отъ либерализма. Въ своихъ рѣчахъ и сочиненіяхъ онъ удѣляетъ критикѣ либераловъ самое видное мѣсто; съ ихъ стороны онъ встрѣчаетъ не менѣе острую ненависть. Одна лишь консервативная партія смотритъ съ удовольствіемъ на расколъ оппозиціи, иногда поддерживая нападки Лассалья на прогрессистовъ и не ставя молодому движенію тѣхъ полицейскихъ препятствій, которыя могли на годы раздавить его. Лассаль, все болѣе сосредоточивая свою борьбу на прогрессистахъ, начинаетъ заигрывать съ Бисмаркомъ и консерваторами. Когда бургомистръ 2) Золингена закрываетъ собраніе, гдѣ выступаетъ Лассаль, послѣдній отправляется въ сопровожденіи многотысячной толпы на телеграфъ и проситъ Бисмарка произвести разслѣдованіе о дѣйствіяхъ „прогрессистскаго бургомистра“. Такого рода политическія безтактности повторяются все чаще. Двумъ осужденнымъ рабочимъ онъ совѣтуетъ подать королю прошеніе о помилованіи. Берлинскимъ печатникамъ онъ совѣтуетъ, въ случаѣ открытаго столкновенія короля съ буржуазіей, поддержать королевскую власть 3). Онъ вступаетъ наконецъ въ

1) Переписка Маркса и Энгельса, письма отъ 4 сент. и 10 дек. 1864 г. Въ другомъ письмѣ, отъ 27 янв. 1865 г. Энгельсъ пишетъ о Лассаль: „мы никогда не судили о людяхъ по тому, что они воображаютъ, а по тому, чѣмъ они были, и я не вижу основанія сдѣлать исключеніе для Лассалья. Субъективно быть-можетъ тщеславіе заставило его считать дѣло благодѣльнымъ, объективно-же это было предательствомъ пруссакамъ (т. е. Бисмарку С. Д.) всего рабочаго движенія“.

2) Городской Голова.

3) Мерингъ считаетъ, впрочемъ, что этотъ послѣдній фактъ представляетъ злостную клевету. Во всякомъ случаѣ характерно, что всѣ сонли это возможнымъ.

тайные переговоры съ Бисмаркомъ, надѣясь склонить его на сторону всеобщаго избирательнаго права и своихъ „производительныхъ товариществъ“. Теорія реакціонной массы кончается прямой поддержкой реакціоннаго правительства.

На этомъ пунктѣ обрывается жизнь и дѣятельность Лассалья. Если онъ былъ достаточно уменъ, чтобы ничѣмъ не связывать себя въ сношеніяхъ съ Бисмаркомъ, то иными были его политическіе наслѣдники. Самый видный изъ нихъ, Швейцеръ, сумѣлъ соединить тѣсныя сношенія съ властями съ ролью верховнаго вождя партіи. Его политика, которая диктовалась изъ кабинета Бисмарка, всегда встрѣчала поддержку лассальянской организаціи и лишь въ 1870 году, когда его политическая нечистоплотность обнаружилась, ему пришлось покинуть партію. Но въ теченіе шести лѣтъ онъ пользовался почти неограниченнымъ довѣріемъ. Восхваленія Гогенцоллерновъ, похвалы мужеству Бисмарка, избирательная агитація и голосованіе за Бисмарка, защита военныхъ проектовъ правительства и т. под.— все это казалось лассальянцамъ „принципіальной тактикой“, основнымъ принципомъ которой всегда должна служить борьба съ либеральной буржуазіей.

При жизни Лассалья его тактика встрѣчала сопротивленіе только со стороны Маркса и Энгельса; рабочіе Германіи дѣлились между фанатичными лассальянцами и прогрессистами; за послѣдними шло большинство. Молодой Бебель былъ ожесточеннымъ врагомъ Лассалья и его агитаціи, и въ своихъ воспоминаніяхъ онъ рассказываетъ о рѣчи *противъ* всеобщаго избирательнаго права, которую онъ тогда произнесъ.

Но политическая дѣятельность либераловъ, съ одной стороны, агитація и ошибки Лассалья—съ другой, дѣлали свое дѣло. Вокругъ Либкнехта и Бебеля начинаетъ группироваться новая рабочая партія, которая быстро отдѣляется отъ прогрессистовъ. Она кладетъ начало той тактикѣ, которую теперь можно назвать социалдемократической: борьба со *всѣми* буржуазными партіями, но поддержка болѣе прогрессивныхъ элементовъ противъ реакціи. Эта поддержка либераловъ повела къ рѣзкимъ обвиненіямъ и къ долгой войнѣ между лассальянцами и партіей Бебеля (эйзенахцами). Публичные собранія превращались въ публичныя побоища; страсти разгорались и драка нерѣдко продолжалась на улицѣ. Всѣ крѣпкія слова и оскорбительныя клички летѣли изъ одной партіи къ другой. Лассальянцевъ обвиняли въ пособничествѣ реакціи, въ угожденіи правительству; на голову эйсенахцевъ сыпались обвиненія вродѣ „буржуазныхъ наймитовъ“, „рабочихъ“ либераловъ“, трусовъ, предателей, „интеллигентовъ“ и т. под. <sup>1)</sup>

Однако, большинство рабочей массы въ концѣ 60-ыхъ годовъ шло за лассальянцами. Берлинъ высказался за Швейцера; профессиональные союзы въ большинствѣ принадлежали къ тому же теченію. Вырабатывается культъ Лассалья, и всякія уступки и компромиссы съ эйсенахцами отклоняются, какъ нарушеніе воли Лассалья. Швейцеръ не разъ высказывается противъ объединенія обоихъ теченій; ненависть доводитъ его до того, что

1) Среди эйсенахцевъ было много интеллигентовъ.

онъ для перебаллотировокъ издаетъ лозунгъ: за либераловъ, противъ эйзенахцевъ! „Лучше явные, чѣмъ скрытые либералы!“

Съ начала 70-хъ годовъ, въ особенности послѣ исключенія Швейцера, разногласія начинаютъ сглаживаться и тактическія линіи—сближаться. Борьба, ожесточенная фракціонная борьба продолжается еще почти до самаго объединительнаго конгресса; но на практикѣ обѣ партіи идутъ почти тѣмъ-же путемъ. Къ этому прибавляются усиленные полицейскія преслѣдованія, которыя съ одинаковой силой сыплются на обѣ партіи, и чрезвычайно возросшая сила Бисмарка въ объединенной Германіи. О теоретическомъ, принципиальномъ единствѣ еще долго не можетъ быть и рѣчи: проектъ программы для объединенной партіи представляетъ компромиссъ лассальянства съ марксизмомъ. Но существеннымъ было тактическое единство, и оно-то и побудило обѣ партіи принять плохую программу ради хорошей тактики.

Что объединеніе было очень своевременно, что оно чрезвычайно усилило социалистическое движеніе, это выяснилось очень скоро. „Исключительный законъ“, внесенный Бисмаркомъ черезъ два года послѣ объединенія, былъ показателемъ роста и вліянія партіи. А разногласія, раздѣлявшія лассальянцевъ и эйзенахцевъ, были очень скоро изжиты и въ партійной жизни больше роли не играли.

(оконч. слѣд.).

С. Далнъ.

---

## Национальный вопросъ въ Россіи.

(Окончаніе).

### III.

Предыдущее изложеніе привело насъ къ тому, что національное самоопредѣленіе не абстрактная формула, а конкретное историческое явленіе, отражающее стремленія различныхъ націй. Требованіе права на національное самоопредѣленіе необходимо въ платформѣ рабочей демократіи. Оно выражаетъ общій принципъ, которымъ послѣдняя руководится въ своей дѣятельности, происходящей въ крайне сложныхъ условіяхъ общественной жизни Россіи. Оно учитываетъ всю сложность процесса политическаго и національнаго сознанія во всѣхъ его наличныхъ и возможныхъ проявленіяхъ въ разные моменты развитія. Оно налагаетъ на марксистовъ обязанность вести выдержанную политическую линію въ сферѣ національнаго вопроса и вмѣсто безплодныхъ академическихъ споровъ о томъ, представляетъ-ли собой націю данный коллективъ, признать его таковой, если онъ обладаетъ элементами національной культуры и самъ считаетъ себя націей, и въ своей дѣятельности учитывать его политиче-



скія и національныя стремленія. Это, конечно, не лишаетъ ихъ права подвергать его требованія принципиальной критикѣ, особенно, если они противорѣчатъ прогрессивнымъ тенденціямъ капиталистическаго развитія или интересамъ единства пролетарскаго движенія, обуславливающаго осуществленіе всѣхъ классовыхъ задачъ пролетаріата.

Требованіе права на національное самоопредѣленіе не можетъ быть подмѣнено требованіемъ созданія изъ областей Россіи національныхъ государствъ \*), и совѣщаніе политическихъ друзей В. Ильина, сдѣлавъ это, тѣмъ самымъ ликвидировало основной принципъ позиціи россійскихъ марксистовъ въ сферѣ національнаго вопроса.

Отождествленіе перваго требованія со вторымъ недопустимо прежде всего по той причинѣ, по которой недопустимо его смѣшеніе и съ другими требованіями, напр. культурно-національной автономіей въ нынѣшней исторической моментъ, ибо означаетъ подмѣну общаго понятія частнымъ.

Недопустимо вообще выставленіе марксистами требованія раздѣленія Россіи на отдѣльныя національныя государства, такъ какъ оно: 1) находится въ противорѣчій съ тенденціями капиталистическаго развитія Россіи и самоопредѣленія населяющихъ ее націй; 2) выдвигаетъ передъ пролетаріатомъ каждой націи особыя задачи, не вытекающія изъ общихъ задачъ всероссійскаго пролетаріата, и отдѣляя его отъ послѣдняго, сближаетъ съ націоналистическими буржуазными элементами; 3) вызываетъ развитіе націонализма среди угнетенныхъ націй и усиливаетъ реакцію, оперирующую въ борьбѣ съ пролетарскимъ движеніемъ сепаратистскими лозунгами. Это, конечно, не значитъ, что марксисты будутъ противодѣйствовать отдѣленію той или иной области, если ея пролетаріатъ выступитъ на борьбу за него вслѣдствіе какихъ либо непредвидѣнныхъ нынѣ обстоятельствъ. Въ такомъ случаѣ, въ силу признанія права на національное самоопредѣленіе, они поддержатъ его. Но платформа марксистовъ не можетъ быть построена на основѣ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ.

Остальныя требованія россійскихъ марксистовъ въ сферѣ національнаго вопроса, вытекающія изъ ихъ общаго принципа, отвѣчаютъ и тенденціямъ самоопредѣленія націй и общегосударственнымъ интересамъ Россіи. Послѣдними диктуется полная демократизація ея государственнаго строя, которая въ свою очередь ведетъ къ ликвидаціи бюрократическаго централизма, лежащаго нынѣ въ основѣ управленія Россією.

Вслѣдствіе сложности и разнородности общественной жизни Россіи одинъ общегосударственный органъ народнаго представительства не въ состояніи будетъ успѣшно выполнить своихъ функцій, что вызываетъ необходимость введенія «широкаго областного самоуправленія для тѣхъ ея частей, которыя отличаются особыми бытовыми условіями и особымъ составомъ населенія», съ автономными сеймами во главѣ.

\*) Въ резолюціяхъ Совѣщанія оказано: «...право на національное самоопредѣленіе, т. е. созданіе особаго государства».

Эта мѣра прежде всего диктуется одной изъ настоятельныхъ задачъ наступающаго момента—потребностью обновленія совершенно деморализованнаго административнаго аппарата Россіи. Задача эта можетъ быть выполнена только путемъ введенія выборности чиновниковъ и контроля надъ ними, что лучше всего достигается передачей административныхъ функций въ руки областного самоуправленія. Введеніе послѣдняго необходимо и для проведенія аграрной реформы, а также преобразованія общегосударственнаго законодательства и примѣненія его къ мѣстнымъ условіямъ отдѣльныхъ областей.

Наконецъ, введеніе областного самоуправленія вызывается культурными потребностями ихъ населенія.

Предѣлы компетенціи областныхъ сеймовъ будутъ зависѣть отъ характера общественныхъ отношеній каждой области и степени демократизаціи государственнаго строя Россіи, а равно степени взаимнаго сплоченія областей въ моментъ введенія областного самоуправленія. Польскій сеймъ, ввиду крайняго своеобразія общественной жизни Польши, получить поэтому болѣе обширныя права въ сферѣ законодательной дѣятельности, чѣмъ, напр., литовскій. То же самое можно сказать и о Кавказѣ. Финляндія, которая втеченіе многихъ лѣтъ пользовалась полной автономіей, нуждается въ ея сохраненіи. Процессъ сплачиванія Польши съ Россіей въ концѣ концовъ ведетъ къ реализаціи въ ней автономіи типа, намѣченнаго Розой Люксембургъ въ ея статьяхъ „Національный вопросъ и автономія“ и выставленнаго въ программѣ представляемой ею партіи. Но если эта страна получитъ автономію въ то время, когда напр., гражданское законодательство Россіи не достигнетъ уровня гражданскаго законодательства, существующаго нынѣ въ Польшѣ, то необходимо будетъ сохраненіе въ ней послѣдняго.

Но въ сферѣ культурныхъ дѣлъ широкое областное самоуправленіе на началахъ исключительно территоріальнаго принципа—недостаточно. Какъ мы видѣли выше, населеніе различныхъ націй не только въ предѣлахъ областей, но даже въ округахъ и городахъ настолько перемѣшано, что для удовлетворенія его культурныхъ потребностей необходима полная гарантія правъ національныхъ меньшинствъ. Это же лучше всего можетъ быть достигнуто путемъ введенія на ряду съ органами областного самоуправленія, вѣдающими дѣла хозяйственнаго, административнаго характера, также учреждений, основанныхъ на персональномъ принципѣ и специально стоящихъ на стражѣ интересовъ духовной культуры націи, т. е. пополненія территоріальной автономіи культурно-національной. Характеръ этихъ учреждений опредѣленъ въ приведенной въ началѣ настоящей статьи цитатѣ изъ Отто Бауэра.

Только такого рода учрежденія могутъ вполне гарантировать „право cadaго получать образованіе на родномъ языкѣ“, котораго требуютъ російскіе марксисты. Ввиду этихъ обстоятельствъ имъ слѣдуетъ принять въ свою платформу требованіе культурно-національной автономіи. Оно, конечно, не замѣнитъ требованія права на національное самоопредѣленіе. Но, какъ видно изъ отмѣченныхъ нами общихъ тенденцій капиталистическаго развитія, культурно-національная автономія является

тѣмъ радикальнымъ средствомъ разрѣшенія національнаго вопроса, къ которому должны будутъ раньше или позже прибѣгнуть общественные элементы всѣхъ націй, тѣмъ идеаломъ въ этой сферѣ, по направленію къ которому въ силу исторической необходимости подвигается процессъ ихъ самоопредѣленія, что подтверждается появленіемъ все большаго числа его сторонниковъ среди марксистовъ латышскихъ, литовскихъ, украинскихъ, грузинскихъ, армянскихъ.

Отрицательное отношеніе къ нему почти всѣхъ \*) польскихъ марксистовъ объясняется, думается намъ, слѣдующими причинами: 1) реакціей противъ націонализма, ядомъ котораго отравляла сознание польскихъ рабочихъ старая П. П. С. и авантюристы изъ т. н. револ. фракціи П. П. С., къ силу которой польскіе марксисты въ настоящее время явно избѣгаютъ болѣе подробнаго обсужденія національнаго вопроса; 2) вліяніемъ на нихъ вульгарной упрощенной идеи ассимиляціи и специфическаго у польской и польско-еврейской интеллигенціи традиціоннаго, отжившаго отношенія къ еврейскому вопросу; 3) остротой партійной борьбы въ ихъ средѣ; 4) свойственнымъ польскимъ марксистамъ, особенно изъ лагеря Розы Люксембургъ, консерватизмомъ — слѣдствіемъ исключительно тяжелыхъ условій дѣятельности въ странѣ непрерывныхъ исключительныхъ положеній.

Еврейскіе марксисты, позаимствовавшіе требованіе культурно-національной автономіи у Отто-Бауэра, выставили его ранѣе другихъ, ввиду экстерриториальности еврейской націи и невозможности иного разрѣшенія еврейскаго вопроса.

Это послѣднее соображеніе усугубляетъ важное значеніе принятія этого требованія россійскими марксистами. Такія событія, какъ погромная дѣятельность вождей русской реакціи въ 1905 г., дѣло Бейлиса, польско-еврейскій конфликтъ, служащій средствомъ польской реакціи для упроченія своихъ позицій, доказали, что ненормальное положеніе евреевъ въ Россіи составляетъ постоянный источникъ, изъ котораго всероссійская реакція черпаетъ свои силы и что борьба за освобожденіе этого народа является не спеціальной задачей еврейскаго пролетаріата, а одной изъ важнѣйшихъ задачъ всероссійской демократіи. Борьба же за культурно-національную автономію до 1905 г. разсматривалась бундомъ, какъ особая задача еврейскаго пролетаріата и служила для этой партіи основой въ ея стремленіи къ переустройству россійской рабочей партіи на федеративныхъ началахъ. И это вызвало у многихъ россійскихъ марксистовъ крайне отрицательное отношеніе къ самому требованію культурно-національной автономіи. Но у Бунда была неправильна лишь тогдашняя постановка своего требованія.

Въ 1905 г. однако еврейскій пролетаріатъ, съ Бундомъ во главѣ, боролся въ рядахъ всероссійскаго освободительнаго движенія за общія требованія пролетаріата всей Россіи, ожидая отъ торжества этихъ требованій освобожденія еврейскаго наро-

\*) Въ разное время изъ среды марксистовъ высказались въ польской печати за культурно-національную автономію только Л. Крживицкій и авторъ настоящей статьи, и, кромѣ того, ревизионистъ Л. Кульчицкій.

да, організаційная же концепція Бунда подверглась извѣстному измѣненію.

Не смотря на это, марксисты изъ лагеря В. Ильина ведутъ усиленную атаку противъ культурно-національной автономіи, игнорируя всю важность еврейскаго вопроса въ Россіи, вслѣдствіе чего безосознательно дѣйствуютъ на пользу той самой реакціи, съ которой ведутъ постоянную борьбу. В. Ильинъ выдвигаетъ противъ культурно-національной автономіи слѣдующіе аргументы: 1) это требованіе не пролетарское, а мелко буржуазное; 2) оно содѣйствуетъ росту націонализма; 3) оно раздѣляетъ пролетаріатъ разныхъ націй и подчиняетъ его гегемоніи мелкой буржуазіи, доказательствомъ чего между прочимъ служитъ то обстоятельство, что всѣ еврейскія партіи приняли его въ свои программы; 4) его реализація сдѣлала бы школу расадникомъ націонализма и клерикализма; 5) оно создало бы постоянную арену для деморализирующаго пролетаріатъ сотрудничества классовъ.

Уже изъ всего сказаннаго до сихъ поръ ясно, что культурно-національная автономія отвѣчаетъ прежде всего интересамъ пролетаріата ибо: 1) касается духовной культуры, въ частности вопроса о преподаваніи на родномъ языкѣ, что въ высшей степени важно именно для этого класса; 2) ставитъ ясно и опредѣленно національный вопросъ, разсматривая его съ точки зрѣнія основнаго принципа пролетарской политики международной солидарности, вслѣдствіе чего является лучшимъ средствомъ обезпеченія пролетаріата отъ развитія въ его средѣ націонализма и подчиненія его идеологіи буржуазіи, 3) принятіе требованія культ.-національной автономіи буржуазными элементами еврейства доказываетъ лишь правильность марксистскаго метода—вліяніе той обстановки, въ которой живетъ еврейское населеніе въ Россіи на его идеологію—на форму его національнаго самоопредѣленія; 4) В. Ильинъ нежелаетъ понять, что принимая форму самоопредѣленія, общую съ идеологами пролетаріата, буржуазные политики вкладываютъ въ нее свое классовое содержаніе; 5) реализація культурно-національной автономіи создастъ лишь новую постоянную арену для классовой борьбы, раскѣтъ илюзію общности интересовъ пролетаріата и буржуазіи въ сферѣ культурныхъ дѣлъ; 6) основательное усвоеніе научныхъ данныхъ, возможное, согласно новѣйшей педагогикѣ, только при условіи преподаванія на родномъ языкѣ, служитъ лучшимъ средствомъ противъ клерикализма и подчиненія пролетаріата его вліянію; при томъ введеніе культурно національной автономіи отнюдь не исключаетъ веденія преподаванія согласно общему принципу обученія, установленному для всего государства (свѣтская школа).

Однако самъ В. Ильинъ въ концѣ концовъ создаетъ планъ раздѣленія областей, округовъ, общинъ по національному составу населенія. Но этотъ планъ, страдая крупными недостатками, составляетъ при томъ плодъ фантазіи его автора, обнаруживая лишній разъ его склонность къ субъективному методу. Дѣленія на области по національному составу населенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ невыполнимы безъ вреда для населенія, такъ какъ такіа области, какъ напр. Царство Польское, пред-

ставляютъ собою цѣльный организмъ — плодъ долготѣняго историческаго развитія, и выдѣленіе Холмскаго края служить прекраснымъ примѣромъ несостоятельности этого рода экспериментовъ. Дѣленіе согласно такому принципу меньшихъ единицъ самоуправленія: 1) не достигло бы цѣли; 2) провело бы къ созданію новыхъ гетто; 3) утопично, являясь попыткой къ раздѣленію хозяйственныхъ функцій самоуправленія, къ подчиненію матеріальныхъ отношеній идеологическому фактору; кладезь въ основу самоуправленія не матеріальные, а національные интересы.

Населеніе различныхъ націй въ Россіи, особенно на такихъ окраинахъ, какъ Польша, Кавказъ, Латышскій край такъ перемѣшано, что принципъ дѣленія, предлагаемый В. Ильинимъ — неосуществимъ. Капитализмъ, напр., въ Польшѣ сплелъ неразрывными узами экономическихъ интересовъ польское и еврейское населеніе края, живущее часто на однихъ и тѣхъ же улицахъ городовъ, въ однихъ и тѣхъ же домахъ. Въ акціонерныхъ компанияхъ преобладаетъ еврейскій капиталъ; оптовые склады находятся почти исключительно въ рукахъ евреевъ. Еврейскій предприниматель зависитъ отъ польскаго потребителя и обратно. Тоже въ большей или меньшей степени имѣетъ мѣсто и въ другихъ областяхъ населенныхъ иными націями, и раздѣленіе ихъ возможно только въ областяхъ духовной культуры на началахъ персональнаго принципа; но и тамъ невозможна изоляція, къ которой стремятся націоналисты и которой боится В. Ильинъ.

Ввиду сложности задачи обезпеченія въ такихъ условіяхъ правъ національныхъ меньшинствъ и проведенія въ жизнь началъ демократіи вообще, это дѣло можетъ быть легче всего выполнено въ Россіи общегосударственнымъ органомъ международнаго представительства, избраннымъ путемъ всеобщаго, равнаго, прямого, тайнаго голосованія, что отвѣчаетъ и тенденціямъ общественнаго развитія Россіи. Принципъ права на національное самоопредѣленіе, понимаемый, конечно, не абстрактно, но соотвѣтственно условіямъ историческаго момента и точкѣ зрѣнія пролетаріата, не будетъ этимъ нарушенъ. Напротивъ, именно такой законодательный органъ правильнѣе всего учтетъ этотъ принципъ и ту характерную при нынѣшнихъ соотношеніяхъ національныхъ силъ, его особенность, что права каждой націи кончаются тамъ, гдѣ они могутъ нарушить права другой націи. Гарантій же правильности дѣйствій народнаго представительства, гарантій права націй на самоопредѣленіе явится сила объединеннаго пролетаріата всѣхъ націй.

Но, для того, чтобы онъ въ соотвѣтствующій моментъ представлялъ собою такую силу, его идеологи должны въ своей сложной дѣятельности учесть между прочимъ и его культурныя потребности и, согласно намѣченнымъ въ настоящей статьѣ принципамъ, отстаивать ихъ, имѣя всегда ввиду его общія задачи и интересы единства пролетарскаго движенія.

*К. Залевскій.*

# Демагогія или марксизмъ?

(Итоги и наблюденія).

I.

## Роль „Правды“ и выборы въ Думу.

Такъ называемый ленинскій кружокъ, остатокъ бывшей большевистской фракціи, въ 1909—11 г.г. былъ лишь ничтожной эмигрантской группой, совершенно оторванной отъ какихъ бы то ни было живыхъ проявленій рабочаго движенія въ Россіи, и дискредитированный въ глазахъ всѣхъ безъ исключенія руководящихъ группъ русскаго марксизма, казалось, доживалъ послѣдніе дни, какъ самостоятельное цѣлое. Но, начиная съ 12-го г. онъ снова выплываетъ на политическую сцену и понемногу, къ концу 13-го г., становится во главѣ значительныхъ массъ рабочихъ, вытѣсняя изъ ряда позицій не только такъ назыв. „ликвидаторовъ“, но и всѣхъ меньшевиковъ вообще. Его легальныя газеты распространяются больше, чѣмъ изданія м-ковъ, онъ проводитъ 6 депутатовъ въ Думу по рабочей куріи, получаетъ массу сочувствующихъ резолюцій и денежныхъ сборовъ отъ самыхъ различныхъ группъ рабочихъ по всей Россіи; особенно усиливается онъ въ Петербургѣ: въ продолженіе 13-го г. ленинцы пріобрѣтаютъ здѣсь исключительное вліяніе въ правленіяхъ профес. союзовъ, захватываютъ рядъ профес. органовъ.

Для объясненія этого явленія необходимо прежде всего вспомнить, что ленинцы *первые* основали ежедневную газету въ Россіи и притомъ въ моментъ необычайно высокаго подъема рабочаго движенія, *перваго* общероссійскаго подъема послѣ нѣсколькихъ лѣтъ реакціи и упадка. Еще на пресловутой „всероссійской“ конференціи ленинскихъ кружковъ, созванной въ январѣ 1912 г., количество представленныхъ с.-д., въ лучшемъ случаѣ, доходило до 420 чел. на всю Россію, ибо на ней было 14 делегатовъ, выбиравшихся по одному отъ 30 членовъ партіи. (На самомъ дѣлѣ число это было гораздо ниже; какъ это было установлено для ряда городовъ, напр. Вильна, Николаевъ, Баку и даже Москва—делегатъ нерѣдко выбирался специально для этого созданнымъ кружкомъ въ 3—10 чел., иногда даже втайнѣ отъ существовавшей въ данномъ городѣ организациі). И лишь съ тѣхъ поръ, какъ, въ разгаръ ленско-майскаго забастовочнаго движенія весны 12-го г., появилась газета „Правда“, обѣщавшая стоять внѣ фракціонной борьбы и сразу почти достигшая тиража въ нѣсколько десятковъ тысячъ экз.,—вліяніе ленинцевъ вдругъ возросло въ огромныхъ размѣрахъ и съ тѣхъ поръ, правда, съ значительными колебаніями, все болѣе увеличивалось \*).

\*) У ленинцевъ еще съ конца 1910 г., была еженедѣльная газета, тогда какъ у меньшевиковъ такая газета явилась значительно позднѣе. Однако со „Звѣздой“ все еще успѣшно конкурировали въ 12-мъ г. м-скіе „Живое Дѣло“ и „Невскій Голосъ“, но съ ежедневной газетой они конкурировать не могли. И потому отъ апрѣля до сентября (когда появился „Лучъ“) „Правда“ была *единственной* рабочей газетой.

Появившись въ разгоряченной атмосферѣ ленско-майскаго движенія, „Правда“ сразу проникла въ слои рабочихъ, которые *изъ нея впервые* услыхали проповѣдь классовой борьбы и пропаганду идеаловъ рабочаго движенія. Вѣдь въ той многотысячной арміи, которую составляютъ постоянные читатели „Правды“, — *старыхъ* б-скихъ рабочихъ, рабочихъ 1905—7 г.г., — крошечная горсточка; „Правда“, проникнувъ подъ флагомъ нефракціонности въ довольно широкіе круги до тѣхъ поръ не затронутыхъ движеніемъ рабочихъ, создала свою читательскую армію изъ новаго, пореволюціоннаго матеріала, главнымъ образомъ, рабочей молодежи, не знакомой ни съ опытомъ 1905—7 г.г., ни съ исторіей партіи. Что это именно такъ, что масса читателей и почитателей „Правды“, масса т. н. „партійцевъ“ — это с. д. 1911—12 г.г., которые *впервые* изъ „Правды“ и *только* изъ „Правды“ вкусили отъ социалистическаго древа познанія добра и зла, — видно хотя бы изъ того, сколько резолуцій, сочувствующихъ „Правдѣ“, и денежныхъ сборовъ выходитъ изъ такихъ *словъ* рабочихъ, которые впервые въ исторіи русскаго рабочаго движенія втягиваются въ сферу интересовъ и споровъ соц.-демократіи. Въ наивномъ восторгѣ новообращенныхъ передъ газетой, несшей ей проповѣдь борьбы, эта рабочая молодежь, понятно, принимала на вѣру и все то, что „Правда“ писала о „ликвидаторахъ“, которыхъ ея массовые читатели до сихъ поръ въ простотѣ сердечной считаютъ предателями, либералами, опасными врагами рабочаго класса. И вотъ защитниками партіи отъ этихъ ликвидаторовъ, по печальной ироніи исторіи, стали рабочіе, не только не принимавшіе никакого участія въ ея созданіи, но имѣющіе самое смутное понятіе (а то и никакого понятія) о судьбахъ этой партіи, и отождествляющіе ее съ „правдистами“ \*).

Итакъ, разбудивъ тысячи новыхъ рабочихъ, ставъ ихъ ежедневной духовной пищей, „Правда“ вмѣстѣ съ тѣмъ привязала ихъ къ *своей* упрощенной философіи марксизма и влила въ ихъ незатронутые социалистической пропагандой умы *свой* фракціонный ядъ, сдѣлала ихъ орудіемъ *своихъ* кружковыхъ интересовъ. Ко времени появленія „Луча“ эта работа была продѣлана до такой степени, что читатели „Правды“ обыкновенно *не желали даже читать* «Лучъ» и „Лучу“ приходилось защищаться отъ клеветъ передъ рабочими, которые его не знали и знать не хотѣли.

Таково было положеніе *въ разгаръ избирательной кампаніи*. Еще лѣтомъ 12 г., какъ только началась подготовка къ выборамъ, „Правда“ сразу сбросила маску нефракціонности и стала изъ номера въ номеръ забрасывать „ликвидаторовъ“ клеветами, не встрѣчавшими ни отвѣта ни возраженія. Такъ продолжалось и втеченіе *всей* избирательной кампаніи, такъ какъ „Лучъ“ не

\*) Пишущій эти строки встрѣчалъ въ провинціи молодыхъ рабочихъ, членовъ „коллективовъ“, принимавшихъ *ярыя* антиликвидаторскія резолуціи, которые *не слышали никогда о 9 янв.* Это — фактъ, который могутъ подтвердить свидѣтели. Любопытнымъ примѣромъ подобной святой простоты можетъ также служить помѣщенное въ „Правдѣ“ письмо рабочаго, который принимаетъ упоминаемый въ статьѣ Мартова 15-лѣтній юбилей партіи за какой-то ликвидаторскій юбилей, мимо котораго съ презрѣніемъ должны пройти всѣ истинные „партійцы“, при чемъ редакція „Правды“ не считаетъ даже нужнымъ просвѣтить своего наивнаго читателя.

прерывно конфисковался и до провинціи не доходилъ почти вовсе. Первый номеръ „Луча“ вышелъ 16-го сент., въ день выбора уполномоченныхъ по рабочей куріи въ Петербургъ, а раньше, чѣмъ какой-либо номеръ этой газеты, хотя бы случайно, могъ дойти до рабочихъ въ провинціи, *главная* стадія выборовъ по раб. куріи, выборы уполномоченныхъ, была закончена по всей Россіи. Слѣдовательно, поскольку на эти выборы могла вліять рабочая печать, „Правда“ оставалась „*внѣ* конкуренціи“. И она, конечно, широко воспользовалась этимъ привилегированнымъ положеніемъ. Тѣмъ не менѣе, огромное большинство даже участвовавшихъ въ выборахъ рабочихъ оставалась за предѣлами воздѣйствія и „Правды“: въ результатѣ — очень большой процентъ безпартийныхъ уполномоченныхъ, что также слѣдуетъ принять во вниманіе для оцѣнки той „побѣды“, которую одержала „Правда“ на выборахъ по раб. куріи. Но, переходя къ этой оцѣнкѣ, необходимо сперва установить размѣры самой „побѣды“, особенно въ виду систематическаго утвержденія ленинцевъ, что за ними „вся рабочая курія“. *Рабочая курія* существуетъ не въ 6-ти губ. и областяхъ, какъ утверждаютъ ленинцы, а въ 44 губ. и областяхъ Европ. Россіи, 5 губ. и областяхъ Кавказа и 3-хъ губерніяхъ Царства Польскаго, а также въ *городахъ* Варшавѣ и Лодзи. И если лишь въ 6-ти губ. избраніе рабочаго депутата обязательно по закону 3 го іюня въ особую заслугу с.-д. и умалчивать или умалчать значеніе выборовъ *по рабочей же куріи*, гдѣ какъ въ Уфимской, Таврич. губерніяхъ и области Войска Донскаго, с.-д. на губернскихъ избират. собраніяхъ выбраны *не правыми и октябристами*, какъ въ Петербургѣ, а *оппозиціей*. Рабочая курія дала не 6 депутатовъ, а 10, и изъ нихъ четверо были сторонники м-ковъ \*). Что же касается 6 депутатовъ-ленинцевъ, то и о нихъ, ко всему тому, что писалось объ этомъ въ м-ской печати, не мѣшаетъ сдѣлать нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній фактическаго характера.

Ленинцы подчинили *всѣ задачи* избирательной кампаніи — одной: завоевать для своей фракціи какъ можно больше мѣстъ въ Думѣ, и главнымъ образомъ 6 мѣстъ, обезпеченныхъ закономъ 3-го іюня. Поэтому, впервые признавъ для выборовъ по 2-й городской куріи общеевропейскую и въ то же время старую меньшевистскую тактику поддержки оппозиціи на перебаллотировкахъ, въ случаѣ черносотенной опасности, — они объявили истребительную войну въ *раб. куріи* т. н. „ликвидаторамъ“, не смущаясь противорѣчіемъ, что эти ликвидаторы, „кучка интеллигентовъ“, могли представлять опасность въ *рабочей* куріи. А „опасность“ эта была очень велика. Въ „ликвидаторахъ“ состояли всѣ почти старые опытные работники, дѣятели 1905 — 7 г.г., особенно выдвинувшіеся въ открытомъ раб. движеніи, союзахъ, клубахъ и общественныхъ сѣздахъ въ 9—11 г.г.

И для борьбы съ этими именно рабочими выдвинуты были всѣ ресурсы „Правды“. Все, что можно было сдѣлать до выбо-

\*) 10-мъ является депутатъ варшавскихъ рабочихъ, с.-д. Ягелло, прошедшій на собраніи выборщиковъ гор. Варшавы опять таки голосами еврейской *оппозиціонной буржуазии противъ* польскихъ клерикаловъ и націоналистовъ-антисемитовъ.



ровъ уполномоченныхъ — въ смыслѣ систематическаго оклеветанія противниковъ передъ массою безпартийныхъ рабочихъ, — было сдѣлано „Правдой“. Множество *безпартийныхъ уполномоченныхъ* дало возможность сторонникамъ „Правды“ перейти къ личному воздѣйствію на нихъ; въ результатѣ многіе изъ нихъ въ нѣсколько дней становились „правдистами“, не становясь, конечно, соц.-демократами. Тамъ же, гдѣ, какъ въ Петербургѣ, всѣми этими мѣрами „ликвидаторская опасность“ не была устранена ни при выборѣ выборщиковъ, ни на губернскомъ избирательномъ собраніи, истребительная война продолжалась до конца и привела къ небывалому позору: *противъ* старыхъ и опытныхъ рабочихъ — сторонниковъ „Луча“ и даже нефракціонныхъ, — волею октябристовъ и правыхъ прошелъ рабочий, который (единственный изъ 6-ти выборщиковъ) „никогда не привлекался“, т. е. меньше всего участвовалъ въ рабочемъ движеніи.

Наоборотъ, въ Харьковѣ кандидатъ-ленинецъ получилъ въ первый день выбора выборщиковъ отъ рабочихъ *меньшинство* (большинство получили м-ки) и прошелъ въ выборщики лишь на второй день выборовъ относительнымъ большинствомъ; сталъ онъ депутатомъ только потому, что мѣстные м-ки подчинились результатамъ голосованія на случайномъ предварительномъ собраніи 17 с.-д. уполномоченныхъ и послѣ выбора выборщиковъ не желали вносить разладъ въ среду рабочихъ: несмотря на рядъ протестовъ со стороны уполномоченныхъ, недовольныхъ тѣмъ, что депутатомъ назначенъ выборщикъ, получившій *меньше половины* голосовъ на собраніи уполномоченныхъ (сорокъ съ лишнимъ изъ сотни), харьковскіе м-ки въ интересахъ единства и дисциплины не настаивали на пересмотрѣ кандидатуры.

Но все же нашлась губернія, гдѣ ленинцы были безсильны внести духъ раскола, гдѣ кандидатъ въ депутаты былъ назначенъ единогласно партийнымъ коллективомъ, состоявшимся изъ б-ковъ-„примиренцевъ“ и завѣдомыхъ „ликвидаторовъ“, гдѣ этотъ кандидатъ, правда, бывший 6-къ 1905—7 г.г., объявилъ себя нефракціоннымъ сторонникомъ единства *всѣхъ* теченій, и принялъ наказъ, являвшійся въ своихъ основныхъ чертахъ простой перефразировкой избирательной платформы «ликвидаторской» конференціи; мало того, кандидатъ этотъ самъ пользовался у своихъ старыхъ товарищей, рабочихъ—б-ковъ, репутаціей вполне опредѣленнаго «ликвидатора», такъ какъ онъ былъ сторонникомъ открытаго рабочаго движенія. Но, будучи избраннымъ въ Думу, этотъ кандидатъ (нужно ли прибавлять, что это, былъ депутатъ Петровскій?)... сталъ ленинцемъ *уже въ Думѣ*.

Итакъ, тѣми или иными путями, но дѣло было сдѣлано, Ленинскій кружокъ и «Правда» получили могущественнаго союзника въ лицѣ рабоч. депутатовъ 6-ти самыхъ промышленныхъ русскихъ губерній, въ томъ числѣ обихъ столичныхъ. И эти союзники оправдали возлагавшіяся на нихъ ленинцами надежды. Если только благодаря «Правдѣ» (а отнюдь не «подполью», котораго у нихъ почти не было) ленинцамъ удалось завоевать цѣлыхъ 6 мѣстъ въ Думѣ, то эти 6 депутатовъ, съ своей стороны, послѣ непродолжительныхъ колебаній, рѣшительно стали на сторону „Правды“ въ ея фракціонной борьбѣ.

Своимъ *публичнымъ выступленіемъ* противъ т. н. «ликвидаторовъ» они *первые открыли* ту вакханалію антиликвидаторскихъ резолюцій, которыя съ тѣхъ поръ заполняютъ страницы «Правдъ»: они популяризировали имя „ликвидаторовъ“, какъ опаснаго «внутренняго врага» въ самыхъ глухихъ закоулкахъ пролетарской Россіи, среди тысячъ рабочихъ, которые узнаютъ объ этомъ „внутреннемъ врагѣ“ при первомъ своемъ пробужденіи къ политической жизни, гораздо раньше, чѣмъ они узнаютъ азбуку соц.-демократіи, и притомъ узнаютъ въ освѣщеніи, вполнѣ соотвѣтствующемъ знаменитому ленинскому рецепту: сѣять о своихъ внутри-партийныхъ противникахъ «худшія подозрѣнія» среди рабочихъ.

Наконецъ, эти 6 депутатовъ помогли «Правдѣ» борьбу *идейныхъ теченій* внутри русскаго марксизма превратить въ борьбу между рабочими каждой мастерской, фабрики и завода, въ настоящую междоусобную войну среди активныхъ слоевъ русскаго пролетаріата, войну, въ сравненіи съ которой борьба б-ковъ съ м-ками 1904—7 г.г. кажется невиннымъ развлеченіемъ.

---

## II.

### „Ленинизмъ“ и „ликвидаторство“.

Такова *внѣшняя* сторона новѣйшихъ успѣховъ ленинизма. Но одну ея ограничиваться нельзя. Необходимо проанализировать *содержаніе* этой борьбы, или, вѣрнѣе, той *травли*, которая ведется на страницахъ „правдистскихъ“ изданій противъ „ликвидаторовъ“, необходимо выяснитъ, какія *стороны* этой травли, и почему именно, нанесли откликъ въ значительныхъ кругахъ рабочихъ.

Для этого надо прежде всего напомнить, *къмъ* и противъ *кого* ведется борьба, кто является ея инициаторомъ и кто главной мишенью. Мы все время позицію „Правды“ называемъ не большевизмомъ, а ленинизмомъ, и дѣлаемъ это вполнѣ сознательно. Старый большевизмъ послѣ лондонскаго съѣзда началъ систематически терять одну за другой всѣ свои идейно-политическія позиціи, началъ идейно разлагаться, какъ теченіе, какъ болѣе или менѣе стройная система тактическихъ возрѣній.

Какъ извѣстно, лѣтомъ 1907 г. на конференціи, рѣшившей принять участіе въ выборахъ въ 3-ю Думу, Ленинъ былъ *единственнымъ* изъ б-ковъ, высказавшимся противъ бойкота, т. е. тактики, въ тотъ моментъ наиболѣе соотвѣтствовавшей старому б-зму. А лѣтомъ 1908 г. въ главномъ органѣ б-ской фракціи Ленинъ уже писалъ, что аграрное (а, слѣдовательно, по мнѣнію Ленина, и политическое) развитіе Россіи можетъ итти *двумя* путями—американскимъ и прусскимъ, т. е. призналъ возможность для Россіи *прусскаго пути развитія*. Далѣе, на декабрьской конференціи 1908 г. б-ки приняли резолюцію о томъ, что Россія сдѣлала „еще шагъ по пути превращенія въ буржуазную мо-

нархію“. \*) Наконецъ, весной 1909 г. произошелъ открытый расколъ въ руководящемъ центрѣ бывшей б-ской фракціи, при чемъ отколовшіеся, или, вѣрнѣе, изгнанные „впередовцы“ (Александрскій, Богдановъ и др.) являлись носителями именно стараго большевизма и совершенно справедливо упрекали изгнавшій ихъ ленинскій кружокъ въ томъ, что онъ идетъ въ хвостъ за меньшевизмомъ. Въ борьбѣ съ впередовцами уже лѣтомъ того же 1909 г. Ленинъ писалъ, что „мы“ уже довольно говорили „по французски“, что пора научиться говорить „по нѣмецки“, т. е. тактикѣ „высшихъ формъ движенія“ (любимое выраженіе Ленина въ 1905—6 г.г.) противопоставлялъ медленную, упорную, рассчитанную на десятилѣтія, агитаціонную и организаціонную работу среди пролетаріата. Изъ ленинскаго же кружка осенью 1909 г. предложеніе созвать «внѣуставную» конференцію, въ которой, наряду съ представителями обломковъ «старой» партіи, должны были участвовать с.-д. дѣятели открытаго раб. движенія и легальныхъ безпартійныхъ организацій, при чемъ эту идею—въ оглашенномъ публично письмѣ—привѣтствовалъ и Плехановъ, какъ такую, которая въ малыхъ размѣрахъ напоминаетъ прежнюю идею «рабочаго съѣзда».

Такова была принципиальная „чистота“ и „выдержанность“ группы, которая съ начала 12 г. вновь стала вытаскивать заржавѣвшее б-ское оружіе и вновь заговорила о „высшихъ формахъ движенія“. Между тѣмъ наивные хранители „древляго“ б-скаго благочестія, впередовцы, какъ отдѣльная группа, фактически перестали существовать. Итакъ, вмѣсто стараго „твердокаменнаго“ большевизма, остался лишь *ленинизмъ*, т. е. съ одной стороны чистѣйшая демагогія, а съ другой—специфическіе приемы внутри—партійной политики, получившіе у насъ названіе нечаевщины. И этотъ именно ленинскій кружокъ овладѣлъ съ весны 1912 г. такимъ могучимъ оружіемъ борьбы, какъ ежедневная газета.

Но еще задолго до этого ленинцы рѣшили выступить подъ новымъ именемъ „партійцевъ“, объявившихъ себя единственными хранителями идейныхъ и организаціонныхъ традицій Р. С.-Д. Р. П. и противопоставивъ себя „ликвидаторамъ“, какъ группѣ, ликвидировавшей эти традиции, группѣ, отрицающей самую партію и тѣмъ поставившей себя *внѣ* этой партіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ оказалось, — и чѣмъ дальше, тѣмъ больше становилось очевидно, — что „ликвидаторство“ есть не что иное, какъ старый меньшевизмъ въ новыхъ, пореволюціонныхъ условіяхъ, что на сторонѣ „ликвидаторовъ“ очутились *всѣ* старые вожди и основатели меньшевизма, — ленинцы дали по всей линіи борьбы пароль: не считать ликвидаторовъ м-ками, объединеніе съ „настоящими“ м-ками

\*) Любопытно, что теперь въ такомъ „отказѣ отъ традицій“ и „укорачиваніи лозунговъ“ ленинцы обвиняютъ „ликвидаторовъ“, хотя виднѣйшіе представители м-зма, т. е. теперешняго „ликвидаторства“, съ самаго начала и во все время контр-революціи протестовали противъ положенія, что Россія *уже* становится буржуазной монархіей и не считали возможнымъ предсказывать, *какую форму* приметъ въ будущемъ неизбежный дѣйствительный переходъ власти къ буржуазіи. (Единственнымъ *исключеніемъ* среди м-скихъ публицистовъ въ этомъ вопросѣ былъ Ю. Ларинъ, но именно *его* всегда выставляютъ ленинцы, какъ *официальнаго* представителя м-кой точки зрѣнія).

привѣтствовать, а съ ликвидаторами вести безопаздную истребительную войну. При этомъ „настоящимъ“ м-комъ, въ концѣ концовъ, остался лишь новый союзникъ Ленина Плехановъ, да еще его литературный оруженосецъ Дневницкій. Эти „м-скіе“ *назначенцы* должны были въ новоиспеченномъ блокѣ „партиѣцевъ“ играть роль „лойяльныхъ“, „законопослушныхъ“ м-ковъ, которыхъ противопоставляли „ренегатамъ ликвидаторамъ“.

Въ основныхъ своихъ элементахъ „ликвидаторство“ такъ же старо, какъ самъ меньшевизмъ, и могло бы праздновать осенью 1913 г. свой десятилѣтній юбилей. Всѣ попытки объявить его „новымъ теченіемъ“ и даже новой „партией“, отнести его возникновеніе то къ лондонскому съѣзду и идеѣ „рабочаго съѣзда“, то къ еще болѣе позднему времени, къ 1908—10 г.г.,—или завѣдомо лицемѣрны или основаны на недоразумѣніи, на недостаточномъ знакомствѣ съ нашимъ недавнимъ прошлымъ или со взглядами „ликвидаторовъ“. Знаменитый споръ на второмъ съѣздѣ о первомъ пунктѣ устава партіи, т. е. споръ о томъ, одинаковы ли рамки партіи и организаціи, или же понятіе партіи при русскихъ условіяхъ должно быть *иначе* понятія организаціи — этотъ споръ заключалъ въ себѣ всѣ зародыши того „организац. оппортунизма“, въ которомъ обвиняють „ликвидаторовъ“. Какъ извѣстно, и самый терминъ былъ изобрѣтенъ Ленинымъ въ его пресловутой брошюрѣ—„Шагъ впередъ, два назадъ“, въ которой онъ выводилъ изъ этого „организац. оппортунизма“ всѣ будущіе смертныя грѣхи ликвидаторства. Заимствовавъ у прежнихъ „экономистовъ“ то довѣріе къ организаціонной самодѣтельности передовыхъ рабочихъ, которое составляло сильную сторону „экономизма“, и которое самъ Плехановъ, при первой своей „перебѣжкѣ“ отъ б-ковъ къ м-камъ, вынужденъ былъ признать „здоровымъ зерномъ“,—м-ки уже въ 905 г. подвергались обвиненіямъ въ пренебреженіи къ партіи, въ попыткахъ „замѣнить“ ее сперва безпартійными стачечными комитетами (на Югѣ), а потомъ — со-вѣтомъ раб. депутатовъ (въ Петербургѣ). Своей высшей точки эти вопли о желаніи м-ковъ упразднить партію достигли у б-ковъ въ 906—7 г.г., когда м-ки ухватились за идею П. Б. Аксельрода (*поддержанную Плехановымъ*) о раб. *съездѣ*. Неудивительно поэтому, что дѣйствительный родоначальникъ и руководитель истинно-марксистской *тактики* и истинно-марксистскаго пониманія организаціоннаго вопроса, П. Б. Аксельродъ объявляется теперь вполне послѣдовательно духовнымъ вождемъ „ликвидаторства“. Вѣдь и обвиненія м-ковъ въ „заигрываніи съ либералами“, въ отказѣ отъ „высшихъ формъ движенія“, въ сѣянніи „конституціонныхъ иллюзіи“, т. е. въ оппортунизмѣ, въ „укорачиваніи лозунговъ“, словомъ, во всемъ томъ, что ставится теперь въ вину „новому движенію“, что объявляется „ренегатствомъ“, — всѣ эти обвиненія, непрерывно разрастаясь, выставлялися б-ками, начиная съ 1904 г., со времени „земской кампаніи“ и вплоть до 906—7 г.г.

Есть еще одно существенное различіе между старой борьбой б-ковъ съ м-ками и теперешней травлей „ликвидаторовъ“ со стороны „партиѣцевъ“. Если раньше борьба эта все же носила сколько-нибудь *принципальный* характеръ, такъ какъ б-ки, нападая на м-ковъ, со своей стороны выставляли нѣчто въ родѣ

цѣльной системы, то теперь, ленинцы вынуждены сплошь и рядомъ дѣлать и повторять лишь то, что дѣлаютъ и говорятъ „ликвидаторы“; но за то, чѣмъ больше и чаще имъ приходится идти въ хвостъ за „ликвидаторами“, тѣмъ больше они отравляютъ даже эти крохи *положительной* работы присущимъ имъ духомъ безпринципной демагогіи и тѣмъ больше, чтобы прикрыть собственную идейную наготу, вынуждены они шумѣть о „рenegатствѣ“ и „оппортунизмѣ“ „ликвидаторовъ“ и о той „пропасти“ въ области программы и тактики, которая будто бы существуетъ между ними и „партіями“.

### III.

#### „Отрицаніе партіи“.

Ленинцы и Плехановъ любятъ говорить о „ликвидаторствѣ“, какъ объ „отрицаніи партіи“ или „уходѣ“ изъ нея въ связи съ массовымъ „рenegатствомъ“, „бѣгствомъ“ револ. интеллигенціи. Они хорошо знаютъ, что это завѣдомая неправда. Если ужъ говорить о дѣйствительномъ рenegатствѣ, о безповоротномъ уходѣ интеллигенціи въ ряды буржуазіи въ годы контрѣ-революціи, то это въ гораздо большей мѣрѣ относится къ бывшимъ б-скимъ „комитетчикамъ“. Руководящій штабъ старой м-ской фракціи насчитываетъ сравнительно очень мало идейныхъ дезертировъ. Наоборотъ, всѣмъ противникамъ „ликвидаторства“ хорошо извѣстно, что именно старая меньшевистская интеллигенція работала стойко и неутомимо въ самое тяжелое время реакціи, помогая всѣми силами передовымъ элементамъ пролетаріата отстаить тѣ открытыя позиціи, которыми теперь такъ ловко пользуются ленинцы. И не въ интеллигенціи тутъ дѣло, а именно въ передовыхъ рабочихъ, дѣятеляхъ 1905—7 г.г., выступившихъ въ эпоху реакціи съ богатымъ опытомъ и впервые въ исторіи русскаго марксизма составившихъ настоящіе кадры *дѣйствительно* рабочей партіи. Первыми „ликвидаторами“ въ узкомъ смыслѣ этого слова, т. е. людьми, пожелавшими дѣлать свое марксистское дѣло какъ въ области пропаганды и агитаціи, такъ и въ области организац. строительства—внѣ рамокъ старыхъ „коллективовъ“, „районовъ“ и „подрайоновъ“, были именно передовые, наиболѣе сознательные и энергичные рабочіе; имъ стало тѣсно въ этихъ рамкахъ, такъ какъ тамъ не велась *никакая* политическая работа, благодаря господству бойкотистовъ (особенно въ Петербургѣ и Москвѣ), такъ какъ эти „ячейки“, начиная съ конца 1907 г., все болѣе теряли связь не только съ массой, но и съ передовыми рабочими и распадались съ неудержимой быстротой. Этотъ „уходъ“ начали м-скіе рабочіе, но ихъ примѣру слѣдовалъ не одинъ изъ лучшихъ рабочихъ-б-ковъ, которымъ тоже надоѣли безплодныя „дискуссіи по платформамъ“ и захотѣлось живого дѣла, хотя бы въ формѣ организаціи профессиональныхъ союзовъ и просвѣтительныхъ обществъ, дѣла, свободнаго отъ опеки бойкотистовъ и фракціонныхъ дѣлъ мастеровъ.

Въ глазахъ первыхъ „ликвидаторовъ“ ихъ дѣло было не „уходомъ“ изъ партіи и не отрицаніемъ ея, а лишь разрывомъ съ ея наиболѣе отсталыми, консервативными или зараженными

фракціонной кружковщиной элементами, тормозившими всякое дѣйствительное развитіе; и если „уходомъ“, то во всякомъ случаѣ не изъ партіи, а лишь отъ пораженныхъ гангреной или парализованныхъ ея элементовъ—къ тѣмъ, въ которыхъ они видѣли зародыши подлинной марксистской работы и, слѣдовательно, подлиннаго организаціоннаго строительства.

То, что начали передовые рабочіе, лишь завершили литераторы и практики дѣйствовавшей въ Россіи м-ской интеллигенціи. Въ общихъ центральныхъ учрежденіяхъ они держались дольше всего и стали уходить оттуда только тогда, когда имъ показалось, что всѣ активныя силы меньшевизма направляютъ работу по другому руслу и что ихъ положеніе въ этихъ учрежденіяхъ не можетъ ни содѣйствовать положительной работѣ передовыхъ рабочихъ, ни препятствовать неудержимому процессу вяшняго и внутренняго разложенія, переживавшагося б-ской фракціей, которая притомъ заражала этимъ разложеніемъ всѣхъ, кто съ ней соприкасался въ общихъ учрежденіяхъ. \*)

Такимъ образомъ, въ эпоху всеобщаго развала старыхъ фракціонныхъ группъ, въ эпоху овладѣвшаго рабочими массами унынія и апатіи, наряду съ развращающими пережитками боевизма и экспроприаторства,—оставшіеся на посту офицеры и унтеръ-офицеры „великой арміи“ собирали ея остатки, чтобы въ *новыхъ* условіяхъ, наученные всѣмъ богатымъ опытомъ минувшей войны, готовить элементы ея *возрожденія* на новыхъ началахъ. Таковъ объективный смыслъ того „ликвидаторства“, которое съ легкимъ сердцемъ называютъ ренегатствомъ и предательствомъ.

Пока еще существовали въ важнѣйшихъ центрахъ б-скіе „комитеты“, почти всегда оторванные отъ рабочихъ, потерявшіе всякое чутье дѣйствительности и въ большинствѣ настроенные бойкотистски, всѣмъ живымъ элементамъ марксизма приходилось или игнорировать ихъ или даже бороться съ ними за самое *право* марксистской работы. И это, конечно, была борьба не съ *партіей*, а съ ея бывшими капралами, самозванцами, тормозившими всякую живую работу. И опять таки *первымъ*, кто далъ совѣтъ неповиновенія и борьбы съ официальной партіей, совѣтъ, прогрессивный на всю Россію, такъ какъ былъ направленъ противъ *центрального учрежденія партіи* всего нѣсколько мѣсяцевъ послѣ лондонскаго съѣзда, и притомъ напечатанъ на столбцахъ чуждой соц.-демократіи газеты „Товарищъ“,—былъ *все тотъ же Плехановъ*, предлагавшій всѣмъ добрымъ марксистамъ не подчиняться избирательной тактикѣ, принятой центральнымъ учрежденіемъ, а дѣлать свое марксистское дѣло *вопреки* его рѣшенію.

Другой, менѣе извѣстный, совѣтъ неповиновенія и борьбы, на этотъ разъ съ *петердургскимъ комитетомъ*, далъ *Ленинъ* въ газетѣ „Пролетарій“. Правда, это было въ 1909 г., когда этотъ „П. К.“ былъ въ рукахъ „отзовистовъ“ и бойкотистовъ, которые

\*) И *первымъ*, кто это сдѣлалъ, былъ Плехановъ, такъ осуждавшій впоследствии уходъ м-ковъ изъ „руководящаго“ учрежденія. Тотчасъ послѣ лондонскаго съѣзда 1907 г. онъ отказался отъ званія представителя партіи въ Междул. Соц. Бюро, мотивируя этотъ отказъ нежеланіемъ представлять партію, въ которой господствуютъ б-ки (тогда еще въ значительной массѣ, сторонники партизанства и боевизма).

препятствовали участию организованных групп рабочих в одном из общественных съездов. В том же 1909 г. дополнительные выборы в Думу по Петербургу проводились б-ками и „ликвидаторами“ совместно, *помимо всякаго участія* совершенно мертвого П. К.—Старая готтентотская мораль!

Ленинъ и Плехановъ очень любятъ ссылаться на единое (съ участіемъ м-ковъ) рѣшеніе собравшихся въ январѣ 1910 г. заграничей членовъ партійнаго центра; въ этомъ рѣшеніи „проявленіемъ буржуазнаго вліянія на пролетаріатъ“ считается.

„съ одной стороны, отрицаніе нелегальной с.-д. партіи, приниженіе ея роли и значенія, попытки укоротить программныя и тактическія задачи и лозунги послѣдовательной соц.-демократіи“, а съ другой—„отрицаніе думской работы соц.-демократіи и использованія легальныхъ возможностей, непониманіе важности того и другого, неумѣніе приспособить послѣдовательно—соц.-демократическую тактику къ своеобразнымъ историческимъ условіямъ современнаго момента“.

Какъ обстоитъ дѣло съ „укорачиваніемъ задачъ и лозунговъ“, мы увидимъ ниже, а теперь отмѣтимъ лишь то, что касается „отрицанія партіи“. Приведенное мѣсто имѣло въ виду возможную опасность развитія въ эпоху реакціи, съ одной стороны, равнодушія къ политикѣ, тредъ-юніонизма и отрицанія *необходимости* для пролетаріата имѣть свою с.-д. партію, а съ другой—всѣ виды анархо-бланкизма, выражающагося въ формѣ бойкотизма въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Оказалось, что *первая опасность была мнимой*, тогда какъ вторая, наоборотъ, очень дѣйствительной и опредѣляющей настроеніе довольно широкихъ слоевъ передовыхъ рабочихъ. Первая опасность оказалась мнимой потому, что въ русскихъ политическихъ условіяхъ не нашлось элементовъ для развитія аполитизма и тредъ-юніонизма въ рабочей средѣ. Въ частности же *никто* изъ такъ называемыхъ „ликвидаторовъ“, которыхъ будто бы имѣла въ виду резолюція, *никогда* не писалъ и не говорилъ, что русскому пролетаріату не нужно имѣть свою с.-д. партію. Но, говорятъ намъ, вскорѣ послѣ того, какъ принято было вышеуказанное рѣшеніе, А. Н. Потресовъ написалъ свою, ставшую знаменитою, фразу о томъ, что партія больше не существуетъ, „какъ организованное цѣлое“, а Ежовъ комментировалъ ее, говоря, что она не существуетъ, „какъ іерархія учреждений“. Какъ извѣстно, Плехановъ считаетъ это „преступленіе“ самымъ тяжкимъ изъ всѣхъ, совершенныхъ „ликвидаторами“, такъ какъ, по его мнѣнію, отрицать *необходимость* партіи значитъ совершать лишь теоретическую ошибку, а отрицаніе ея существованія есть злѣйшее предательство, приравниваемое имъ къ поступку Іуды Искаріота.

Мы раньше говорили, что, пока существовали еще б-скіе „комитеты“, всѣмъ, желавшимъ дѣлать живое марксистское дѣло въ новыхъ, пореволюціонныхъ условіяхъ, приходилось эти „комитеты“ игнорировать или бороться съ ними. Но суть то въ томъ, что и ихъ фиктивная, искусственная жизнь продолжалась недолго. Начиная съ 1908—9 г.г., и б-скіе комитеты распадаются, замираютъ и фактически перестаютъ существовать. Объ этомъ достаточно ярко свидѣтельствуютъ корреспонденціи въ б-скіе же заграничныя органы или, вѣрнѣе, отсутствіе этихъ корреспон-

денцій, а также напечатанныя б-ками письма съ мѣсть позднѣйшаго періода, гдѣ повторяется стереотипная фраза: до 1907—8 г.г. у насъ было все хорошо, но потомъ воцарилась мерзость запустѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, не было ни одного крупнаго центра с.-д. работы въ Россіи, не исключая и столицъ, гдѣ бы въ теченіе 8—10 г.г. не происходило *полнаго*, болѣе или менѣе продолжительнаго (отъ года до двухъ), *перерыва* не только въ „работѣ“ „старыхъ“ организацій, но и въ самомъ *существованіи* этихъ организацій, хотя бы на бумагѣ. <sup>1)</sup> И какъ разъ начало 1910 г., когда Потресовъ написалъ свою „роковую“ фразу, было временемъ наиболѣе полнаго *одновременнаго* распада старыхъ комитетовъ. Что же касается центральнаго учрежденія, и раньше, со времени лонд. съѣзда не пользовавшагося вліяніемъ и фактически жившаго лишь «внутренними» дѣлами, т. е. переживаніемъ фракціонной жвачки,—то оно съ весны 1908 г. въ сущности также умерло, такъ какъ собиралось (и то всего 3 раза до янв. 1910 г.) за границей, гдѣ жили эмигрировавшіе члены его, выбранные еще на лондонскомъ съѣздѣ. Поэтому не было ни одного с.-д., кто, положа руку на сердце, не долженъ былъ бы сказать тогда то же, что сказали Потресовъ и Ежовъ: да, партія, какъ *организованнаго цѣлаго*, или, какъ *іерархіи учрежденій*, не существуетъ; существуютъ лишь, прибавляя Потресовъ (и объ этомъ *всегда и систематически* умалчиваютъ наши «партійцы»), *обломки стараго, зародыши новаго, думская фракція и идейныя традиціи русскаго марксизма.*

Существовали еще (объ этомъ *тоже* писалъ Потресовъ) національныя и окраинныя организаціи (Бундъ, латышскіе, кавказскіе и польскіе с.-д., особенно наиболѣе жизнеспособные и чуткіе изъ нихъ—П. П. С.—„лѣвица“); благодаря ряду условій (и среди нихъ не послѣднюю роль играло отсутствіе или ослабленіе на окраинахъ той специфической фракціонной „склоки“, которую внесъ въ русскую соц.-демократію ленинизмъ) — имъ удалось не только сохранить свои старыя, главнымъ образомъ, впрочемъ, центральныя организаціи, но и приспособить ихъ къ руководству новыми, открытыми формами рабочаго движенія. Но все это вмѣстѣ было разрознено, не имѣло ни общей связи, ни общей тактики и, конечно, являлось лишь подтвержденіемъ отсутствія партіи, какъ „организованнаго цѣлаго“ <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Конечно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ все время сохранялись отдѣльныя, разрозненныя группки на фабрикахъ и заводахъ, но мы имѣемъ въ виду не ихъ, а общегородскія организаціи, объединяющія всю политическую работу с.-д. въ данномъ мѣстѣ.

<sup>2)</sup> Что это было именно такъ, что эта знаменитая фраза была простымъ констатированіемъ всѣмъ (и прежде всего, конечно, врагу) извѣстнаго факта,—видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго любопытнаго, очень немногимъ извѣстнаго и совершенно въ печати не упомянутаго, „документа“: осенью 1912 г. на съѣздѣ германской соц.-демократіи въ Хемницѣ делегатамъ раздавалась ленинцами брошюра на нѣмецкомъ языкѣ, изданная ленинскимъ „центральнымъ органомъ“; и въ этой брошюрѣ, для возвеличенія собственнаго кружка и посярпанія „ликвидаторовъ“, ленинцы говорили, что въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, вплоть до ленинскаго „всероссійской“ конференціи начала 12 г., партія, какъ организованное цѣлое, не существовала, такъ какъ мѣстныя организаціи были разбиты, а центръ не собирался, и что лишь упомянутая „конференція“ положила начало возрожденію партіи. Итакъ, ленинцы позволили себѣ роскошь—въ *нѣмецкой* брошюрѣ, въ своихъ кружковыхъ интересахъ, сказать *то же самое*, за что они до сихъ поръ травятъ „ликвидаторовъ“ передъ непосвященными русскими читателями.



То новое, что имѣлъ въ виду Потресовъ, были с.-д. дѣтели открытаго рабочаго движенія, единственные почти группы, сохранившія въ годы реакціи „свѣтильникъ“ русскаго марксизма и выработавшіе будущій авангардъ рабочей демократіи. Какъ извѣстно, съ начала 11 г. эти группы стали называться „иниціативными“ (и именно *иниціативными по возрожденію партіи*); Плехановъ воспользовался этимъ и поднялъ крикъ, что созданіе *новыхъ*, да еще *иниціативныхъ* группъ носить явно *учредительный* характеръ и служить лучшимъ доказательствомъ отрицанія ими *старой* партіи. Участіе представителей этихъ группъ на объединительной конференціи (въ августѣ 12 г.) послужило для него и формальнымъ поводомъ для отказа присутствовать на этой конференціи.

Въ этомъ противопоставленіи „новыхъ“ иниціативныхъ группъ „старой“ партіи, кромѣ софистической игры словами, имѣется еще умышленное игнорированіе одного весьма важнаго обстоятельства: „старая“ партія въ 11—12 г.г. состояла, за единичными исключеніями (рѣчь идетъ о коренной Россіи), изъ маленькихъ, разрозненныхъ группъ и кружковъ рабочихъ, возникавшихъ въ 10—11 г.г. послѣ *продолжительнаго организационнаго перерыва*, безъ всякой связи съ прошлымъ и другъ съ другомъ; эти группы и кружки, появившіеся съ началомъ политическаго пробужденія страны, въ значительной мѣрѣ подъ влияніемъ возвращавшихся ссыльныхъ, долгіе годы оторванныхъ отъ всякой жизни,—никѣмъ не были и не могли быть утверждены въ званіи „партійныхъ“, наконецъ, ни личный ихъ составъ ни характеръ и размѣры ихъ дѣятельности никому не были извѣстны \*). Между тѣмъ „иниціативныя“ группы (главнымъ образомъ, петербургская), хотя вначалѣ и въ неоформленномъ состояніи, работали всё время реакціи подъ руководствомъ старыхъ и опытныхъ марксистовъ, и самая работа ихъ, какъ проявлявшаяся на *открытой* аренѣ, была вся на виду: это было между прочимъ, *ведение профессиональныхъ органовъ*, которые *даже ленинцы* (въ „Мысли“ или „Просвѣщеніи“) вынуждены были похвалить за выдержанную классовую позицію, а также *руководство думской фракціи*, выступленіе которой въ 9—12 г.г. тѣ же ленинцы неизмѣнно одобряли, и которая, по справедливому замѣчанію Л. Мартова, больше всего содѣйствовала сохраненію въ широкихъ рабочихъ массахъ въ годы контръ-революціи самого имени и понятія соц.-демократіи, какъ пролетарской партіи. И эти-то „иниціативныя“ группы объявили Плехановъ „внѣ закона“, какъ чуждые и враждебныя партіи, и даже приравняли ихъ (въ одномъ изъ своихъ „Дневниковъ“) къ группамъ, которыя могли быть созданы провокаторами!

Такова фактическая сторона дѣла, и таковы логичность, искренность и добросовѣстность выдвинутыхъ ленинско-плехановскимъ блокомъ обвиненій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

**Б. И. Горевъ.**

\*) Такимъ образомъ, скорѣе ужъ возрожденная ленинская организція, составившая первоначально въ значительной мѣрѣ изъ такихъ именно кружковъ, можетъ быть названа *новой партіей*.

# Расколъ Франціи и задачи рабочихъ.

## *Вмѣсто предисловія.*

Моя статья въ № 3 „Н. З.“ вызвала возраженіе со стороны т. Л. М. Центрѣ тяжести этого возраженія заключается въ данномъ имъ объясненіи побѣдъ большевизма и во взглядѣ его на роль рабочей интеллигенціи. Такъ какъ оба эти вопроса разобраны мною въ предлагаемой статьѣ, написанной еще до появленія отвѣта Л. М., то я и отсылаю читателей къ ней, а здѣсь ограничусь нѣсколькими попутными замѣчаніями.

Свои возраженія Л. М. я не начну съ того, съ чего началъ онъ, т. е. съ признанія его отвѣта теоретически необоснованнымъ. Не потому, конечно, что отвѣтъ этотъ теоретически правиленъ, а потому, что какъ разъ перенесеніе вопроса о фактическомъ соотношеніи и роли рабочихъ и интеллигенціи въ нашемъ рабочемъ движеніи въ область теоріи дѣлаетъ весь этотъ споръ въ значительной степени безплоднымъ. Да и самъ Л. М. оперируетъ не столько теоретическими соображеніями, сколько практикой русскаго движенія.

Давая отпоръ большевизму, представители меньшевизма такъ увлекаются положеніемъ, что въ соц. демократіи не должно быть дѣленія на интеллигентовъ и рабочихъ, что благодаря этому совершенно ступшевуается основное меньшевистское положеніе—развитіе самодѣятельности рабочихъ. Характерно, что во всей замѣткѣ Л. М., посвященной отношенію обѣихъ фракцій къ рабочей интеллигенціи, нѣтъ ни слова объ этой задачѣ. Пусть, быть можетъ, мы поставили этотъ вопросъ немного однобоко, но вѣдь онъ волнуетъ сейчасъ умы сознательныхъ рабочихъ и замалчивать его, какъ это дѣлаетъ Л. М. въ своемъ отвѣтѣ, невозможно и даже опасно для меньшевизма. Напрасно Л. М. опасается нашего возвращенія къ точкѣ зрѣнія старыхъ „оппозицій“; оппозиція въ сущности никогда не умирала и однимъ фактомъ своего существованія производила давленіе на меньшевизмъ. Умереть она могла бы лишь съ исчезновеніемъ кружковщины, когда господство маленькихъ замкнутыхъ группъ смѣнится самоуправленіемъ самодѣятельнаго пролетарскаго организма. И теперешняя оппозиція отличается отъ старой тѣмъ, что не сводитъ всего вопроса къ простому перемѣщенію личностей, а думаетъ, что раб. интеллигенція могла бы внести въ современный меньшевизмъ много новаго и свѣжаго. Если этого не дѣлается теперь, то потому, что раб. интеллигенція сильна не въ одиночку, а какъ организованный коллективъ; лишь при этихъ условіяхъ возможно проявленіе ея творчества.

Теперь еще два слова о моихъ мнимыхъ уступкахъ большевизму. Я не идеализирую куріальныхъ переговорокъ, не признаю за избран-

ными по рабоч. куріи депутатами монополи на представительство пролетаріата; но изоляція пролетаріата въ избирательной кампаніи есть фактъ, который лишаетъ наше выступленіе по городской куріи достаточной классовой опредѣленности. И всѣ разсужденія Л. М. о превосходствѣ избирательной кампаніи, ведущейся въ атмосферѣ соприкосновенія классовъ бьютъ мимо цѣли, т. к. именно соприкосновенія классовъ не происходитъ ни въ рабочей куріи, ни въ куріи городской: въ рабочей куріи одинъ пролетаріатъ, въ городской всѣ классы, кромѣ пролетаріата. И, просматривая отчеты о выступленияхъ соціаль-демократіи въ избирательной кампаніи, намъ приходится констатировать, что соціаль-демократія показывала мелкобуржуазной массѣ лишь свое демократическое лицо и ставила своей главной задачей отрываніе ея отъ кадетовъ.

На этомъ я считаю возможнымъ закончить свои возраженія Л. М. и еще разъ отсылаю читателя къ прилагаемой статьѣ.

## I.

Расколъ соц.-дем. фракціи, несмотря на извѣстную давность, остался событіемъ, полнымъ специфическаго интереса и огромной принципиальной важности. Исторія русской соціаль-демократіи богата всевозможными внутренними переворотами и расколами; но поскольку эти перевороты и расколы совершались до сего времени въ подпольѣ, они не приковывали къ себѣ вниманія широкихъ слоевъ рабочихъ и ихъ общественное значеніе было чрезвычайно незначительно. Отрѣзанныя самимъ фактомъ своего подпольнаго существованія отъ широкой открытой политической арены, мало или, вѣрнѣе совершенно, не связанные съ массой, нелегальныя учрежденія могли безъ особаго ущерба для дѣла классоваго воспитанія и организациі пролетаріата заниматься фракціоннымъ заушеніемъ. Не только широкія политически неоформленныя массы, но и партійные низы безучастно относились къ фракціонной борьбѣ, равнодушно встрѣчали фракціонныя побѣды и пораженія. Борьба за власть, за обладаніе руководящими учрежденіями велась партійной аристократіей - интеллигенціей. Совершенно иное дѣло расколъ во фракціи. Рабочіе, будь то соціаль-демократы или безпартійные, привыкли видѣть въ лицѣ думской фракціи своего идейнаго и политическаго представителя. Чутко, внимательно слѣдили они за дѣятельностью своихъ избранниковъ во вражескомъ лагерѣ. Разбросанные на огромномъ пространствѣ Россіи, рабочіе соединялись въ лицѣ фракціи въ единую пролетарскую армію. Никто не могъ протестовать противъ выступленій фракціи отъ имени рабочаго класса. Расколъ, нарушивъ это гармоничное соединеніе, затронулъ непосредственные интересы рабочихъ. Вотъ почему впервые, за все долготѣнее существованіе соціаль-демократіи, рабочіе активно

вмѣшиваются въ фракціонный споръ, активно реагируютъ на фактъ внутрипартиіной жизни. Вопросъ о расколѣ во фракціи не сможетъ сойти со страницъ пролетарской прессы до тѣхъ поръ, пока въ ней вновь не будетъ возстановленно единство. Думская фракція стоитъ въ центрѣ рабочаго движенія. Какой бы вопросъ рабочей политики мы не подняли, мы неизбѣжно должны будемъ коснуться фракціи, а тѣмъ самымъ и раскола внутри нея.

Важность и огромное значеніе вопроса о расколѣ во фракціи подчеркнуты вмѣшательствомъ Интернаціональнаго Бюро, предложившаго свои услуги для ликвидаціи раздора. Но Интернаціональное Бюро не можетъ, конечно, своими постановленіями декретировать единство и создать у насъ единую фракцію въ Думѣ, единую социаль-демократію въ странѣ. Его рѣшенія имѣютъ лишь моральный вѣсъ. Желаніе и воля Межд. Бюро или конгресса будутъ исполнены у насъ лишь въ томъ случаѣ, если рабочій классъ Россіи выдѣлитъ изъ себя достаточно сильную группу сознательныхъ рабочихъ, способныхъ, несмотря на вѣшнія препятствія, преодолѣть всѣ затрудненія и выполнить волю рабочаго класса. Только тогда будетъ разрубленъ Гордіевъ узелъ, разрѣшена историческая задача. И для насъ важно выяснитъ себѣ: есть-ли въ наличности внутри самого рабочаго класса силы, способныя положить предѣлъ разрухѣ. А для этого намъ прежде всего придется коснуться сути раскола, вскрыть причины, побудившія нашихъ противниковъ двинуться форсированнымъ маршемъ къ разгрому фракціи.

## II.

Расколъ во фракціи является несомнѣнно новой крупной побѣдой большевизма. Кружковыя узко-фракціонныя тенденціи еще крѣпко сидятъ въ головахъ многихъ рабочихъ. Шагъ за шагомъ большевизмъ вытѣсняетъ меньшевиковъ съ ихъ, казалось бы укрѣпленныхъ, позицій. Послѣдовательно раскольническая линія доведена до конца. Лозунгъ борьбы съ ликвидаторами—этотъ боевой кличъ большевизма—имѣлъ успѣхъ у рабочихъ. Во имя его торжества былъ нанесенъ ударъ профессиональному движенію, ослаблена, разбѣдинена страховая кампанія, расколота фракція. Дальше итти уже некуда. Большевизмъ можетъ почивать на лаврахъ и заниматься закрѣпленіемъ своихъ позицій.

Каковы же объективныя причины, лежація въ основѣ пораженія однихъ и торжества другихъ? Прежде всего новый подъемъ общественнаго настроенія и высоко поднявшаяся волна экономическаго оживленія. Большевики любятъ опредѣлять „ликвидаторство“, какъ порожденіе безвременья реакціи. Это невѣрно. „Ликвидаторство“ появилось раньше реакціи. Если хотите, первыя вѣхи его положены Аксельродомъ извѣстными статьями въ „Искрѣ“. Болѣе или менѣе оформленное очер-

таніе „ликвидаторство“ приняло уже въ періодъ кампаніи за рабочій съѣздъ. Реакція и партійный кризисъ не создали, а лишь ускорили идейную кристаллизацию „ликвидаторства“. Снявъ съ порядка дня сложные кардинальные вопросы русской общественности, удаливъ съ поля общественной борьбы всѣ наиболѣе слабые колеблющіеся элементы, реакція встрѣтилась лицомъ къ лицу съ передовымъ отрядомъ пролетарской арміи, который не хотѣлъ сдавать безъ боя завоеванной борьбой 1905 года позиціи. Началась упорная неравная борьба. Прямотаки героическими усиліями сдерживали сознательные рабочіе натискъ реакціи, боролись за свое право на существованіе, за легальныя возможности. Эту борьбу за профессиональные союзы, за клубы, борьбу противъ всякихъ, все болѣе и болѣе суживающихъ ея компетенцію, ограниченій всецѣло вынесли на своихъ плечахъ тѣ самые сознательные рабочіе, которыхъ нынѣ третируютъ, которыхъ именуютъ „ликвидаторами“. Масса не понимала объективнаго значенія этой борьбы, а субъективно борьба приходила при такой будничной обстановкѣ, что не могла привлечь ее.

Напрасно, однако, мы—„ликвидаторы“ предполагали, что рабочая масса съ нами! Мы были небольшимъ дѣйствующимъ отрядомъ. Масса была равнодушна. Союзы съ 1907—1911 стояли все время на одномъ уровнѣ. Притокъ членовъ почти не замѣчался. Тоже самое было съ клубами. Масса не приходила къ намъ на помощь. Еще ярче это равнодушіе массъ къ нашей вполне сознательной классовой борьбѣ сказалось, когда мы призвали ее къ борьбѣ за свободу коалицій. Мы сумѣли собрать лишь нѣсколько тысячъ подписей. Конечно, главнымъ виновникомъ нашей неудачи была реакція. Нельзя однако все валить на нее. Несомнѣнно, тутъ дѣйствовали и другія причины. И одной изъ важнѣйшихъ является некультурность, классовая недоразвитость массъ. Онѣ не въ состояніи были охватить сложной программы политическихъ дѣйствій „ликвидаторства“. Только то обстоятельство, что на общественной аренѣ не было въ данный моментъ иныхъ дѣйствующихъ, борющихся, кромѣ „ликвидаторства“ силъ, давало ему право говорить отъ имени и именемъ рабочаго класса. Создавалась иллюзія;—и „ликвидаторы“ охотно вѣрили въ нее, что они являются выразителями не только объективныхъ интересовъ, но и субъективныхъ желаній и настроеній рабочей массы. Большевизмъ тогда ступешевался. Новая обстановка, новыя условія борьбы выбили его изъ колеи. Массовый слой большевистски настроенныхъ рабочихъ, мало чѣмъ отличающійся въ сущности отъ низовъ рабочихъ, кромѣ развѣ усвоенной ими революціонной фразеологіи, покинулъ социалдемократію и растворился въ обывательщинѣ. Ленинцы продолжали вѣрить въ близость революціи, считали реакцію кратковременнымъ случайнымъ явленіемъ, оставались въ разлагающемся подпольѣ, презрительно смотрѣли на легальное „крохоборство“, ругали дѣятелей легальнаго рабочаго движенія, звали ихъ возвратиться въ

революціонное подполье и требовали себѣ контроля надъ всѣми формами рабочаго движенія. Въ тотъ моментъ, когда рабочими по собственной инициативѣ, а часто даже вопреки агитаціи большевиковъ, удавалось использовать какую-либо „легальную возможность“, они являлись для того, чтобы контролировать работу отъ имени несуществующей партіи, никому неизвѣстныхъ учреждений. Не надуманно, не благодаря чьему либо вліянію, а столкнувшись съ дѣйствительностью, понявъ ее, пролетарская интеллигенція пришла къ убѣжденію, что подполье реакціонно, вредитъ самодѣятельности рабочихъ. Дѣйствительность ясно говорила имъ, что послѣдовать совѣту большевиковъ, пойти въ подполье—значитъ отдѣть реакціи безъ бою легальныя позиціи, потерять и то немногое, что завоевано огромными усиліями. Они поняли это, поняли, что всякое усиленіе подполья означаетъ ослабленіе легальнаго движенія и сдѣлали своимъ лозунгомъ: „мобилизація всего живого въ защиту профессиональнаго и культурнаго движенія“. Правы оказались „ликвидаторы“ рабочіе. Имъ удалось сохранить легальныя возможности, а новый подъемъ рабочаго движенія значительно расширилъ ихъ. Сконцентрировавъ всю наличность дѣятельныхъ силъ рабочаго класса въ профессиональныхъ и культурныхъ организаціяхъ, пролетарская интеллигенція постепенно въ процессѣ работы вытѣснила оттуда учащуюся интеллигенцію и такъ наз. профессионаловъ и взяла дѣло руководства легальнымъ движеніемъ въ свои руки. Такимъ образомъ, пролетарская интеллигенція постепенно пришла къ убѣжденію, что непосредственно практическая, жизненно необходимая, повседневно кропотливая работа въ легальномъ движеніи создаетъ условія, способствуетъ развитію самодѣятельности пролетаріата. Въ подпольѣ, по необходимости, благодаря отсутствію связей съ вышнимъ міромъ, міромъ дѣйствія, царила „теорія“, преобладала фракціонная политика. Тутъ невозможно было развернуться рабочимъ, и руководство организаціей естественно находилось въ рукахъ идеологовъ-интеллигентовъ, какъ наиболѣе приспособленныхъ. Иное дѣло легальное движеніе. Здѣсь центръ тяжести переносился въ область практической дѣятельности, а тѣмъ самымъ и открывался широкій просторъ для пролетарскаго творчества. Какъ въ подпольѣ естественнымъ ходомъ вещей выдвигалась для руководства интеллигенція, такъ въ открытомъ движеніи у руля становились сознательные самодѣятельные рабочіе. И, наконецъ, послѣдній выводъ, который пришлось сдѣлать рабочимъ-дѣятелямъ легальнаго движенія, это констатировать отсутствіе у насъ партіи, какъ организованнаго цѣлаго. Если еще въ 1907 году, въ періодъ кампаніи за рабочій съѣздъ, когда подпольная социалдемократія номинально насчитывала въ своихъ рядахъ десятки и сотни тысячъ членовъ, рабочесъѣздовцы не видѣли въ ней настоящей пролетарской партіи и призывали рабочихъ къ построенію посредствомъ агитаціи за рабочій съѣздъ новой дѣйствительно рабочей партіи, то станетъ вполне

понятнымъ, что у ликвидаторовъ-рабочихъ было еще меньше основанія признавать за жалкими обломками когда-то величественной организаціи значеніе партіи. Въ этотъ періодъ нелегальная организація почти совершенно распалась. Лишь въ столицахъ искусственно, да на окраинахъ (Кавказъ, Латышскій край) въ силу мѣстныхъ специфическихъ условій удавалось еще кой-что сохранить. Могли ли рабоче-дѣятели открытаго движенія признать за этими, никому невѣдомыми, никѣмъ не поддерживаемыми и неуполномоченными комитетиками роль партіи? Конечно, нѣтъ. Партіей въ представленіи этихъ рабочихъ являлась наличность въ рабочемъ классѣ живыхъ, самодѣятельныхъ и сознавшихъ свои объективные интересы элементовъ, выдвинутыхъ рабочимъ классомъ и тѣсно спаянныхъ съ послѣднимъ. Они имѣли въ тысячу разъ больше основаній и правъ сказать „партія это мы“. И если они не сказали этого, то только потому, что легальное движеніе только лишь пустило ростки, не вышло еще за предѣлы мѣстнаго движенія, не группировало и не централизовало разбросанную по всѣмъ концамъ Россіи пролетарскую интеллигенцію. Этотъ процессъ централизаціи только еще намѣчался. Съ каждымъ новымъ выступленіемъ на такъ называемыхъ общественныхъ сѣздахъ „ликвидаторство“ отвоевывало у подполья все новыя позиціи, укрѣплялось и въ провинціи. Лозунгъ сознательныхъ рабочихъ „партіи нѣтъ, она должна быть создана въ борьбѣ за легальность“ становился все реальнѣе... Наступившій передомъ въ настроеніи рабочей массы, вызванный общественнымъ и экономическимъ оживленіемъ, выступленіе ея на историческую сцену въ качествѣ дѣйствующаго лица нарушило прежнее теченіе и остановило, будемъ думать, на короткое время—выполненіе этой прогрессивной исторической задачи. Масса снова—исторія рабочаго движенія знаетъ уже нѣсколько такихъ примѣровъ—разошлась въ настроеніи со своей интеллигенціей. Ея выразителемъ и идеологомъ по-прежнему явился большевизмъ съ своимъ упрощеннымъ, разбавленнымъ сильной дозой народничества, марксизмомъ. Связанный еще тысячами нитей съ деревней, не прошедшій чрезъ чистилище ремесла, несознательный въ классовомъ отношеніи, неразвитый культурно, кинутый прямо отъ сохи въ омутъ политической борьбы массовый рабочий легко усваивалъ несложную теорію большевизма. Не познавшій и потому не могущій оцѣнить огромнаго революціоннаго значенія организаціи, масовикъ рабочий жадно внимаешь революціонной фразеологіи большевиковъ. Элементарные большевистскіе лозунги своей крайностью подкупаютъ массу; вполне соотвѣтствуя и удовлетворяя рѣзко повышенному настроенію рабочихъ, эти лозунги не требуютъ отъ нихъ въ то же время непосредственной политической работы. Давно извѣстно, что сознательность рабочихъ измѣряется степенью ихъ организованности и разнообразіемъ формъ борьбы. На практикѣ нашего рабочаго движенія это вполне оправдывается. Мы не знаемъ иныхъ формъ борьбы, какъ

на ура—забастовку. Масса отрицательно относится къ лозунгу сознательныхъ рабочихъ „свобода коалиціи“ не только потому, что она несознательна, не понимаетъ его; не только потому, что повышенное настроеніе и упрощенное сознаніе массовика рабочаго скорѣе воспринимаетъ большевистское „все“, чѣмъ частичное „ликвидаторское“ требованіе, но и потому еще, наконецъ, что этотъ лозунгъ требуетъ непосредственной кропотливой, сложной и упорной политической борьбы.

Большевизмъ несомнѣнно имѣетъ подъ собою почву въ настроеніи массъ. Но это уже не тотъ окаменѣлый большевизмъ, который мы наблюдали въ 1907—12 г. Онъ двинулся, онъ понялъ, что прежній бойкотизмъ, прежнее пренебрежительное отношеніе къ легальной работѣ немислимо, связано съ рискомъ быть выброшеннымъ за бортъ общественной жизни. Пробужденные общественнымъ оживленіемъ, воодушевленные своей собственной борьбой рабочіе, если и пойдутъ въ ту или иную организацію, то только въ легальную. Несмотря на подъемъ рабочаго движенія, несмотря на усиленіе активности рабочихъ и интереса къ общественнымъ вопросамъ, большевистская январская конференція представляла всего 450 ч. Какое жалкое представительство по сравненію съ Лондонскимъ съѣздомъ, представлявшимъ почти 200 тыс. армію. Не то легальныя организаціи. Хотя и ихъ ростъ далеко уступаетъ темпу и размаху рабочаго движенія, у насъ есть реальный и замѣтный показатель этого роста. Число членовъ въ проф. союзахъ неуклонно растетъ. Расширяются и просвѣтительные клубы. При такомъ положеніи вещей большевикамъ ничего не оставалось, какъ устремиться на завоеванную у реакціи легальную арену. И пусть большевики вносятъ сюда, въ легальныя организаціи, свой специфическій духъ, использованія, въ противовѣсъ „ликвидаторамъ“, которые видятъ въ нихъ опорныя базы въ политической борьбѣ рабочаго класса, все же это объективная побѣда „ликвидаторства“.

Хотятъ или не хотятъ того большевики, но фактически и они центръ тяжести своей работы переносятъ изъ подполья въ область открытаго движенія. И понятно, что поскольку въ легальныя организаціи хлынулъ новый массовый элементъ, а за нимъ потянулся слой воспитанныхъ въ подпольѣ съ узко кружковымъ фракціоннымъ горизонтомъ рабочихъ, постольку неизбѣжно, хотя бы на первое время, фізіономія легальныхъ организацій должна была измѣниться. Бывшій, а можетъ быть и сейчасъ еще не порвавшій съ подпольемъ, большевикъ рабочій переноситъ сюда тѣ средства и методы воздѣйствія на рабочихъ, которые преподала ему въ подпольѣ якобы марксистская интеллигенція. Объявляется, конечно, прежде всего священная борьба „ликвидаторамъ“. Безпомощные и несамостоятельные хотя, не рѣдко энергичные, большевики рабочіе дѣйствуютъ всецѣло подъ влияніемъ руководящаго интеллигентскаго кружка. Въ изображеніи



последняго „ликвидаторство“ выступает, как интеллигентскій либерализмъ, проникшій въ рабочую среду для ликвидаціи революціонныхъ задачъ и традицій пролетаріата, для ликвидаціи революціонной подпольной пролетарской партіи и совращенія рабочаго класса на путь мирнаго сотрудничества съ либеральной буржуазіей или даже правительствомъ. И чѣмъ гуще и сочнѣе краски, тѣмъ обезпеченнѣе и солиднѣе успѣхъ. Сѣмя пропаганды противъ „ликвидаторовъ“ падало на благопріятную почву. Масса, только что вступившая въ профессиональные союзы, не способная оцѣнить ихъ огромное значеніе для пролетарскаго движенія, легко увлекалась революціонной фразой и готова была принести въ жертву послѣдней цѣльноту профессиональныхъ союзовъ. Руководимая большевиками она проваливала „ликвидаторовъ“, цѣнныхъ работниковъ, во всѣ руководящія учрежденія. Одна легальная позиція за другой переходила отъ „ликвидаторовъ“ къ большевикамъ. Опытные кормчіе рабочаго движенія смѣнялись неопытными, но близкими по духу и настроенію массѣ.

Такъ перешелъ къ большевикамъ и одинъ изъ самыхъ крупныхъ и важныхъ союзовъ въ Россіи—союзъ металлистовъ въ Петербургѣ. Объективно революціонное дѣло: укрѣпленіе и расширеніе легальныхъ возможностей уступило мѣсто непосредственному проявленію субъективнаго революціоннаго настроенія массъ—разгрому „ликвидаторовъ“. Вышній революціонный фактъ еще разъ скрылъ реакціонную сущность. Это явленіе, аналогичное разгрому социалъдемократовъ социалистами революціонерами на выборахъ по рабочей куріи во II-ю Г. Думу. Полукрестьянская рабочая масса то же предпочла социалъ-револ. социалъдемократамъ, какъ теперь большевиковъ меньшевикамъ, потому что идеологія и социалист. революц. и большевиковъ, мало, чѣмъ отличающихся другъ отъ друга, ближе ихъ социальному положенію, ярче и выпуклѣе выражаетъ бунтарское вышнее революціонное настроеніе массъ. Какъ это ни странно, въ разгромѣ „ликвидаторовъ“ играло роль и то обстоятельство, что они выступали противъ подполья, призывали къ построенію новой партіи. Масса не пойдетъ въ подполье, какъ не пойдетъ она совершать террористическіе акты, но и то и другое для нея является чѣмъ-то святымъ и недосягаемымъ, героически революціоннымъ.

Какъ недопустимо для нея осужденіе террора, такъ точно недопустимо для нея и выступленіе противъ подполья. Тутъ сказывается еще, несомнѣнно, если можно такъ сказать, малая пропитанность русскихъ рабочихъ коллективностью, ихъ индивидуализмъ—индивидуализмъ мелко буржуазный, крестьянскій. Рабочая масса не выявила еще окончательно свой пролетарско-классовый ликъ. Она пассивна, у нея отсутствуетъ вѣра въ свое коллективное творчество. Пролетаріатъ больше, чѣмъ когда бы то ни было, чувствуетъ сейчасъ потребность въ организаціи, сознаетъ ея необходимость. И когда „ликвида-

торь“ заявляетъ: „партіи нѣтъ, она должна быть создана“, часто не указывая конкретныхъ путей для ея построенія, въ умѣ рабочаго это нерѣдко преломляется въ выступленіе противъ партіи вообще. Онъ предпочитаетъ вмѣстѣ съ большевиками рабочими *вѣрнуть* въ нелегальную партію. Во-первыхъ, худо ли, хорошо ли, принципиальные защитники подполья отражаютъ въ данный моментъ его настроеніе, а во-вторыхъ ему не нужно бороться за созданіе партіи. Его увѣряютъ, что въ подпольѣ все обстоитъ благополучно. Но эта бессознательная ложь, вѣра въ фетишь, въ революціонный мифъ, не можетъ долго скрывать истинное положеніе вещей. Рано или поздно обнаружится, что подполье и нелегальная партія это революціонный мифъ. И сдѣлается это тѣмъ скорѣе, что жизнь настойчиво выдвигаетъ предъ пролетаріатомъ все болѣе и болѣе сложные вопросы, заставляя его отъ фразъ переходить къ дѣлу активной борьбы за то или иное требованіе рабочаго класса. Тутъ то и обнажится вся пустота и бессодержательность подполья.

Пока же „ликвидаторы“ терпятъ, и вѣроятно еще будутъ терпѣть пораженія. Большевизмъ, интеллигентскій, узко-фракціонный, заговорщицко—якобинскій нашель себѣ поддержку въ настроеніи широкихъ слоевъ рабочихъ. На все рабочее движеніе онъ смотритъ съ точки зрѣнія интересовъ только своей фракціи, своего кружка. Для него легальное движеніе это не оплотъ пролетаріата въ борьбѣ съ реакціей за свои классовые интересы, а только средство фракціоннаго оформленія. Для него важно не столько то, чтобы профессиональное и культурное движеніе ширилось и развивалось, сколько чтобы оно протекало подъ большевистскимъ флагомъ. И въ этомъ несомнѣнная реакціонность и опасность большевизма для рабочаго движенія. Возраждающійся большевизмъ поставилъ себѣ задачей использовать благоприятное настроеніе въ массахъ для закрѣпленія гегемоніи своего кружка и полнаго уничтоженія противниковъ. Отнынѣ раскольническая политика привнесена большевизмомъ и въ легальное движеніе. И плоды этой политики уже на лицо. Пренебрегая интересами профессиональнаго движенія, не страшась возможности фактическаго раскола, большевизмъ открыто бросаетъ вызовъ „ликвидаторству“, предлагая забаллотировывать всякаго „ликвидаторски“ настроеннаго рабочаго.

Успѣхъ въ вытѣсненіи ликвидаторовъ изъ профессиональнаго, страхового, культурнаго движенія опынилъ большевизмъ. Давно лелѣянная мечта о подчиненіи классоваго движенія диктатурѣ кружка приближалась къ своему окончательному осуществленію. И поскольку думская и виѣ думская работа фракціи являются въ принципѣ завершеніемъ открытаго рабочаго движенія, объединяя и концентрируя разрозненныя силы пролетаріата, постольку единая фракція служитъ препятствіемъ для полнаго торжества фракціонности. Большевизму ничего не оставалось, какъ или отказаться отъ своей цѣли или произнести смертный приговоръ единой фракціи. Кружковая сектантская психологія, интеле-

ресы узко-фракціонные взяли верхъ. Расколъ во фракціи является такимъ образомъ завершеніемъ разгрома „ликвидаторовъ“ въ легальныхъ организаціяхъ и оформленіемъ большевизма, какъ теченія, претендующаго на монополію въ рабочемъ движеніи. Безразлично, были или не было разногласій внутри фракціи; расколъ все равно долженъ былъ бы свершиться. Безотвѣтственные узко-фракціонные политики никогда не смогли бы примириться съ тѣмъ фактомъ, что рабочіе сами становятся на ноги, не нуждаются въ опеку, допускаютъ внутри себя борьбу мнѣній; они всегда будутъ подходить къ намъ—рабочимъ съ ежовыми рукавицами, требовать по какому то невѣдомому никому праву контроля и подчиненія, проявлять сектантскую нетерпимость къ инакомыслящимъ. До тѣхъ поръ, пока въ лицѣ большевизма будутъ жить традиціи старой подпольной доисторической интеллигентской социалдемократіи, до тѣхъ поръ возможно будетъ кромсаніе тѣла пролетаріата, за счетъ послѣдняго будутъ продѣлываться всякіе опасные эксперименты. А эти традиціи живутъ и находятъ себѣ поддержку не только среди рекрутирующей изъ крестьянства рабочей массы, но часто даже среди самихъ сознательныхъ пролетаріевъ.

(оконч. слѣдуетъ).

*Ф. Булкинъ.*

---

## Къ вопросу объ интеллигенціи.

Появленіе въ печати статьи т. Булкина (Н. З. № 3) указываетъ на то, что классовое сознаніе проникаетъ въ самую толщу пролетаріата. Если ходъ этого развитія будетъ продолжаться съ такимъ же успѣхомъ, то черезъ 10 лѣтъ мы снова придемъ къ Махаевщинѣ. То „новое“, что сказалъ Булкинъ объ интеллигенціи, высказывалось уже тогда, когда сама интеллигенція выступала противъ интеллигенціи. Исходя изъ тѣхъ же опасеній, изъ какихъ исходитъ теперь т. Булкинъ, махаевцы привлекали на свою сторону тѣхъ рабочихъ, которые уже тогда понимали рабочее движеніе такъ, какъ понимаетъ его т. Булкинъ теперь. Но это продолжалось весьма недолго. Рабочіе не повѣрили интеллигенціи, говорившей въ пользу чистой рабочей организаціи партіи съ партійными рабочими вождями не потому, что не вѣрили въ возможность таковой въ будущемъ, а потому, что усмотрѣли въ ней плохо скрытыя личныя вождельнія. А судьба подобнаго рода фокусовъ въ концѣ концовъ вездѣ одинакова. Такъ было съ махаевцами, такъ будетъ и со всѣми, кто въ рабочемъ движеніи видитъ средство для осуществленія своихъ личныхъ плановъ. Само собою разумѣется, что процессъ изгнанія махаевцевъ изъ рабочей среды совершался въ верхнихъ

слояхъ партіи, въ которыхъ участвовала и интеллигенція, т. е. учащаяся молодежь, представители умственного труда и люди науки, руководившіе движеніемъ.

Но ничто не вѣчно подъ луной. Не успѣли мы освѣдниться о примкнувшей къ намъ интеллигенціи, кто она, какъ на ея мѣсто появляется другая, чтобы также быстро исчезнуть, не выживъ своей подошлеки.

Велика сила капитала. Несказанно тяжело его бремя, которое обреченъ нести пролетаріатъ. Крѣпка любовь крестьянина къ землѣ и рожденнаго къ мѣсту рожденія. Но еще крѣпче процессъ капиталистической пролетаризаціи, предъ которой рушится все. И необыкновенно многообразны пути, которыми отдѣльныя личности изъ интеллигенціи стремятся облегчить себѣ бремя пролетарскаго существованія. Посредствомъ прикладныхъ наукъ, приспособленныхъ къ потребностямъ капитала, находятъ себѣ теплыя мѣста одна часть интеллигенціи.

Другая лѣчитъ порождаемая капит. строемъ болѣзни. Третья поддерживаетъ капиталистическую „правду“ и святость штыка. Продажа совѣсти оптомъ и въ розницу и созданіе съ этой цѣлью научныхъ теорій, долженствующихъ представлять иллюзію совѣсти капитала, характеризуютъ ту часть интеллигенціи, которая представляетъ изъ себя кристально чистый видъ исторически необходимой гадости. Но вся эта интеллигенція будетъ на сторонѣ капитала до тѣхъ поръ, пока образованіе будетъ оставаться золотымъ дномъ. Интеллигентъ Каутскій говоритъ:

Капитализмъ, подгоняемый конкуренціей, бѣшено стремится впередъ къ конечной цѣли своего существованія. Его представители платятъ огромныя деньги образованнымъ людямъ разныхъ специальностей за услуги. Образование становится золотымъ дномъ. Къ нему стремятся всѣ, кто имѣетъ хоть нѣкоторую возможность, ибо видятъ въ немъ хоршее мѣсто, почетъ и уваженіе. Сами заводы въ своихъ нѣдрахъ вырабатываютъ опытныхъ механиковъ, мастеровъ и пр., а въ результатѣ образованныхъ людей становится гораздо больше, чѣмъ того требуетъ капитализмъ. Такимъ образомъ часть интеллигенціи остается не облаканнымъ капиталомъ.

Тогда начинается протитуированіе своего я среди интеллигенціи.

Политическая невинность и рабская покорность еще даетъ возможность интеллигенту занять теплое мѣсто на лонѣ капитала, но и это средство не долговѣчно. Вотъ почему теплыя мѣста обычно заняты бездарностями, между тѣмъ какъ истинно образованный человѣкъ зачастую принужденъ перебиваться съ хлѣба на квасъ, представляя изъ себя типъ доподлиннаго интеллигентнаго пролетарія.

Для него, какъ и для рабочаго, нѣтъ ничего краше и неотразимѣе идеи равенства людей, могущей осуществиться только при социализмѣ. Поэтому къ социализму стремятся не только пролетаріи, занимающіеся исключительно физическимъ трудомъ, но и всѣ виды умственного пролетаріата, чьи интересы лежатъ дальше капитализма. И въ этомъ стремленіи къ социализму, подъ неизбѣжнымъ давленіемъ капитализма, всѣхъ лучшихъ элементовъ

интеллигенціи есть залогъ крайней необходимости, а слѣдовательно и научности социализма. Интеллигенція всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ постоянно является носительницей передовыхъ идей вообще и социалистическихъ въ частности. И русскіе рабочіе могли воспринять эти послѣднія только отъ интеллигенціи, какъ сокровище великихъ трудовъ, великихъ социалистическихъ мыслителей. Умственное превосходство не могло не быть на сторонѣ интеллигенціи, наложившей свой отпечатокъ на зарождающуюся организацію русскаго пролетаріата. Иначе и не могло быть. По неумолимой необходимости интеллигенція руководила молодымъ рабочимъ движеніемъ въ Россіи и клала на него свой отпечатокъ непрактичности, романтизма и пр. Интеллигентскій составъ партіи подъ вліяніемъ великаго сортировщика—капитализма—постепенно измѣнялся. Капитализмъ отхватилъ для своихъ услугъ нужную ему часть интеллигенціи и пополнилъ убыль другою, съ болѣе явно выраженнымъ социалистическимъ міровоззрѣніемъ. И Булкинъ не можетъ не знать, что той интеллигенціи, противъ которой онъ направилъ пылъ своего краснорѣчія, уже нѣтъ. Мавръ сдѣлалъ свое дѣло и ушелъ, и теперь уже не замѣтитъ, какъ на него нападаетъ т. Булкинъ. Капиталистическое развитіе, не смотря на заявленія т. Булкина, неумолимо продолжаетъ свой процессъ. Онъ, съ одной стороны, толкаетъ интеллигенцію въ ряды пролетаріата, а съ другой заставляетъ пролетаріатъ учиться у этой интеллигенціи. И по мѣрѣ того, какъ пролетаріатъ растетъ духовно и въ постоянной борьбѣ съ капиталомъ зрѣетъ, какъ политическая личность, духовное превосходство надъ нимъ интеллигента сглаживается. А для того, чтобы ускорить этотъ процессъ, т. е. высвободить рабочее движеніе изъ-подъ интеллигентской опеки, нужно не покрывать на нее, а взять отъ нея все, чѣмъ она красна, прибавить свои достоинства и вопросъ разрѣшится самъ собой. Но вѣдь у насъ слабо выраженнымъ, не проникшимъ еще во всѣ поры хозяйственной жизни, капиталистическимъ отношеніямъ вполне соответствуетъ и слабая степень классовой дифференціаціи. Вотъ тутъ-то и зарыта собака. Не статья т. Булкина опредѣляетъ наше бытіе, а степень развитія отечественнаго капитализма, проще говоря, низкой ступени капиталистическаго развитія соответствуетъ у насъ и слабая, не проникшая еще во всѣ слои, степень умственного развитія и классоваго сознанія пролетаріата. Изъ этого положенія, по здравому смыслу слѣдуетъ, что, по мѣрѣ того, какъ капитализмъ раздвигаетъ рамки своей дѣятельности и тѣмъ самымъ арену организаціи пролетаріата, наиболѣе сознательная его часть должна распространять свѣтъ своего познанія на новичковъ—рекрутовъ. Это самая священная задача всѣхъ социалдемократовъ отъ вождя до послѣдняго сознательнаго работника. Это есть основной лозунгъ рабочей самодѣятельности. И этотъ лозунгъ т. Булкинъ затушевываетъ лозунгомъ непонятной самодѣятельности рабочихъ. Какъ ни красивъ этотъ лозунгъ на словахъ, онъ практически безсодержателенъ и смѣшонъ при данныхъ формахъ рабочей организаціи на почвѣ бессмысленнаго фракціонерства. Въмѣсто рабочей самодѣятельности игра въ бирюльки, писательство на страницахъ рабочихъ газетъ и резонерство на мѣстахъ. При надлежащей степени

развитія рабочихъ не можетъ быть ни раздачи клеймъ и патентовъ на званіе писателя и социалдемократа, ни того нравственнаго паденія, какое замѣчается теперь.

Ибо при нормальномъ нравственномъ уровнѣ рабочихъ сознательный рабочій не станетъ называть другого сознательнаго рабочаго врагомъ рабочихъ только потому, что ихъ мнѣнія не сходятся. Указанными обстоятельствами пользуются соответственные дѣятели рабочаго движенія, старающіеся быть вождями пролетаріата во что бы то ни стало. Эти заморскіе варяги пользуются отсталостью и наивностью русскихъ рабочихъ, раздѣляютъ ихъ и властвуютъ надъ ними. И въ то время, какъ русскіе рабочіе, раздѣленные на два лагеря, изъ которыхъ въ одномъ запугиваютъ громкими словечками и мезтью рабочихъ во имя Маркса, который не узналъ бы своихъ послѣдователей, если бы воскресъ, въ другомъ появляется новый Моисей и открываетъ рабочимъ путь прямо въ Англію черезъ море рос. капитализма, которое объщаетъ разсѣчь жезломъ рабочейю самодѣятельности.

Не знаю, что понимаетъ подъ лозунгомъ рабочейю самодѣятельности самъ т. Булкинъ, но судя по тому, какъ понимаютъ этотъ лозунгъ его послѣдователи, на немъ далеко не уѣдешь. Ибо послѣдователи Булкина понимаютъ рабочую самодѣятельность въ томъ смыслѣ, что о рабочемъ движеніи можетъ написать хорошо только рабочій, что никакой интеллигентъ ничего путнаго не скажетъ о рабочейю жизни и т. д., и что, слѣдовательно, рабочій долженъ отбросить интеллигенцію, какъ предлагаетъ Булкинъ, и самостоятельно создать себѣ научный социализмъ, сонату Бетховена и Реквиемъ Моцарта.

А пока т. Булкинъ преподноситъ намъ свою теорію научнаго социализма въ видѣ карманнаго изданія рабочейю самодѣятельности. Но ни т. Булкинъ, ни его послѣдователи не научатъ рабочихъ, какъ создать рабочую партію въ Россіи по образцу англійской, поскольку ни одинъ изъ нихъ не указываетъ на то, маленькое-маленькое обстоятельство, что дѣйствительный Марксъ призывалъ рабочихъ къ объединенію пролетаріата всего міра. У насъ же сейчасъ практикуется всѣми силами расколъ. Въ дѣйствительности же наиболѣе подходящимъ лозунгомъ для рабочихъ является и будетъ являться всегда стремленіе къ работкѣ научнаго пролетарскаго міросозерцанія посредствомъ болѣе глубокаго изученія науки въ цѣляхъ построенія своей организаціи. А потому товарищъ Булкинъ какъ и многіе другіе сознательные рабочіе и интеллигенты должны нести свѣтъ своихъ познаній въ низы, къ нуждающемуся въ этомъ свѣтѣ товарищамъ, а не углублять расколъ посредствомъ дѣленія с.-д. на рабочихъ и интеллигентовъ. Для этой цѣли всякое мѣсто и время хороши. Въ этой работѣ мы будемъ куда полезнѣе, чѣмъ бесплоднымъ писательствомъ и фракціоннымъ резонерствомъ.

С. Ф.

## Выборы во Франціи.

Францію всегда характеризуютъ, какъ страну развитой соціалистической мысли и слабой соціалистической организованности. Дѣйствительно, утопическій соціализмъ, въ лицѣ Бабефа, зародился въ ней уже въ самомъ началѣ XIX столѣтія, а классовая партія пролетариата, образованіе которой было замедлено разгромомъ Парижской Коммуны (1871 г.), образовалась только въ восьмидесятихъ годахъ этого-же столѣтія. Къ сожалѣнію, особенности французскаго рабочаго движенія, на которыхъ я не буду здѣсь останавливаться, привели къ организаціи не одной пролетарской партіи, а дѣлаго ряда враждующихъ между собой группъ, естественно вырождавшихся въ секты. Фракціонная рознь и склока вмѣстѣ съ личными счетами, возникавшими на почвѣ сектантства, до нельзя затрудняли ростъ соціалистическаго движенія. Наиболѣе сознательные и преданные дѣлу представители его употребляли всѣ усилія, чтобы внести въ него единство. Имъ удалось сначала собрать почти всѣ группы въ двѣ партіи—Французскую Соціалистическую Партію и Соціалистическую Партію Франціи. Наконецъ, въ 1905 году, подъ влияніемъ непреодолимаго стремленія французскаго пролетариата къ единству и по призыву Амстердамскаго Конгресса состоялось объединеніе этихъ двухъ партій, а также нѣкоторыхъ автономныхъ федерацій (организацій), не вошедшихъ ни въ одну, ни въ другую.

За девять лѣтъ, прошедшихъ съ этого времени, соціалистическая партія, принявшая названіе „Французская Секція Рабочаго Интернаціонала“, развила энергичную дѣятельность, которая сводилась, съ одной стороны, къ организаціи пролетариата, съ другой, къ просвѣтленію его классоваго самосознанія. И въ томъ, и въ другомъ направленіи упорная работа дала желанные результаты. Объ этомъ свидѣтельствуютъ данныя о числѣ членовъ партіи „объединенныхъ соціалистовъ“ и о числѣ поданныхъ за нее голосовъ.

Объединительный съѣздъ въ Парижѣ (1905 г.) собралъ 34.688 членовъ. Въ настоящее время эта цифра больше, чѣмъ удвоилась: на послѣднемъ съѣздѣ въ Амьенѣ (1914 г.) собрались представители 72.765 членовъ. На первыхъ выборахъ, прошедшихъ подъ знаменемъ пролетарскаго единства (1906 г.), кандидаты соціалистической партіи получили 878 т. голосовъ, а четыре года спустя, т. е. въ 1910 г.—уже 1 миллионъ 110 тысячъ.

За послѣдніе четыре года пропаганда велась въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Успѣхъ послѣдней избирательной кампаніи, давшей партіи 76 мѣстъ въ Палатѣ Депутатовъ, вселилъ въ товарищей вѣру въ свои силы, и въ то же время центробѣжныя стремленія, дававшія себя чувствовать въ первое время по объединеніи, уступили мѣсто тѣсной спайкѣ нѣкогда различныхъ фракцій.

Прошлый годъ въ особенности былъ годомъ усиленной пропаганды. Реакціонныя партіи, воспользовавшись тревожнымъ на-

строениемъ въ Европѣ, вызваннымъ Балканскими войнами, и тѣмъ, что Германія увеличила свою армію, рѣшили дать сраженіе социалистамъ на почвѣ патриотизма. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи былъ внезапно выдвинутый законопроектъ о 3-хъ-лѣтней военной службѣ вмѣсто 2-хъ-лѣтней, установленной въ 1905 году. Социалисты, смотрѣвшіе на законъ о 2-хъ-лѣтней службѣ, какъ на мѣру, которая облегчитъ въ будущемъ переходъ къ народной милиціи, повели энергичную борьбу противъ предлагаемаго законопроекта, цѣлью котораго было, увеличить срокъ казарменной службы, разобщить еще болѣе народъ съ арміей, сдѣлать изъ солдатъ—гражданъ солдатъ—профессионаловъ, которыми-бы можно было пользоваться противъ „внутреннихъ враговъ“. (Цѣлый рядъ случаевъ показалъ реакціонной буржуазіи, что солдаты, проведеншіе въ казармѣ 2 года, для этой цѣли не совсемъ пригодны).

Во всей странѣ социалистической партіей были организованы сотни митинговъ протеста противъ „трехъ лѣтъ“. Состоялся цѣлый рядъ весьма бурныхъ демонстрацій. Наконецъ, въ парламентъ была подана петиція, подписанная 730 тыс. гражданъ, съ требованіемъ отклонить законопроектъ, который, по выраженію Эд. Вальяна, является „преступленіемъ противъ Франціи“.

Но министерство Барту, бывшее тогда у власти, все же добилось своего и въ августѣ „преступный“ законъ вошелъ въ силу. Впрочемъ, социалисты добились того, чтобы солдаты, которые въ 1913 г. окончили свои 2 года, были отпущены по домамъ, въ то время, какъ Барту, вопреки принципу—законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ,—хотѣлъ ихъ оставить на лишній годъ въ казармахъ.

Не ограничиваясь частичнымъ успѣхомъ, социалисты продолжали упорную борьбу съ „закономъ трехъ лѣтъ“ и сдѣлали изъ вопроса о народной милиціи центральный пунктъ своей выборной программы. Въ тѣсной связи съ военной реформой ими былъ поставленъ на очередь дня вопросъ о сближеніи съ Германіей, такъ какъ франко-германская вражда, т. е. вражда буржуазіи этихъ двухъ народовъ, главнымъ образомъ поддерживаетъ европейскій милитаризмъ и „вооруженный миръ“ съ его всѣми извѣстными прелестями.

Далѣе социалисты выставили требованія прогрессивнаго налога на доходы и капиталы и, наконецъ, избирательной реформы—пропорціональнаго представительства.

Отмѣчу раньше всего огромную роль, которую въ дѣлѣ социалистической пропаганды сыгралъ центральный органъ партіи „L'Humanité“ („Человѣчество“). Онъ былъ основанъ Ж. Жоресомъ еще въ 1904 году. Но до начала прошлаго, 1913 г., имѣлъ небольшой тиражъ и никакъ не могъ освободиться отъ хроническаго дефицита. Въ связи съ общимъ оживленіемъ въ социалистическомъ движеніи во Франціи, о которомъ я говорилъ выше, стала все больше и больше выясняться для французскихъ товарищей истина, что развитая социалистическая періодическая печать есть необходимое условіе для образованія сильной рабочей партіи. На преобразование „L'Humanité“ была собрана солидная сумма, которая дала возможность превратить его въ большую, выходящую ежедневно въ 6 страницахъ и вполне от-



вѣчающую на всѣ запросы читателя, газету. Такимъ образомъ, социалистическая партія получила сильное оружіе, дающее ей возможность бороться съ ложью и клеветой, на которыя не скупится желтая пресса, когда рѣчь идетъ о рабочемъ движеніи. Къ сожалѣнію, размѣры настоящей статьи не позволяютъ мнѣ подробнѣе описать борьбу французскихъ товарищей за свою печать и достигнутые ими успѣхи. Ограничусь только маленькой справкой. Въ январѣ 1913 г.—до расширенія газеты—„L'Humanité“ расходилось въ 55 т. экземпляровъ, а въ декабрѣ этого же года, какъ видно изъ послѣдняго отчета, въ 89 т. экземпляровъ. Въ настоящее время тиражъ увеличился еще больше.

На ряду съ ежедневной прессой, отмѣтимъ начавшій выходить въ концѣ прошлаго года „двухнедѣльникъ „Socialisme et Lutte de Classe“ („Соціализмъ и Классовая Борьба“). Руководитъ имъ Жюль Гедъ, который придаетъ ему строго выдержанный марксистскій характеръ. Подобный журналъ долженъ имѣть большое вліяніе на французскихъ товарищей въ смыслѣ развитія въ нихъ классоваго самосознанія.

Этой же цѣли служить цѣлый рядъ научно-популярныхъ брошюръ, изданныхъ партіей. Число ихъ особенно увеличилось въ предвыборное время въ связи съ повышеніемъ интереса къ социальнымъ и политическимъ вопросамъ, что всегда замѣчается передъ выборами.

Укажемъ также на летучки, выпущенныя партіей по очень низкой цѣнѣ и разошедшіяся въ *нѣсколькихъ милліонахъ* экземпляровъ. Написаны были онѣ простымъ, доступнымъ даже для неподготовленнаго читателя языкомъ и сопровождались иллюстраціями и карриатурами. О содержаніи ихъ можно судить по заглавіямъ: „Къ чему стремится социализмъ?“, „Что такое пролетариатъ?.. Ничто!.. Чѣмъ онъ можетъ стать?.. Всѣмъ!..“. „Призывъ къ крестьянамъ“, „Противъ трехлѣтней службы“. „Прогрессивный налогъ“. „Куда дѣваются народныя деньги?“ „Безумства милитаризма“ и проч. Успѣхъ этихъ летучекъ, какъ показываетъ уже самый фактъ ихъ большого распространенія, не оставляетъ никакихъ сомнѣній

Наконецъ, изъ способовъ письменной агитаціи мнѣ остается указать на изданные партіей раскрашенные плакаты, въ которыхъ наглядно были представлены тяжелая жизнь трудящихся классовъ, ужасы войны и проч.

Но во Франціи, гдѣ всѣ граждане пользуются свободой слова, нельзя было, конечно, оставить безъ вниманія и устной пропаганды. И социалисты провели ее въ настоящую кампанію отлично. Раньше всего было постановлено выставить кандидатовъ въ возможно большемъ количествѣ округовъ. И здѣсь сразу же сказались плоды организаціонной работы. Число округовъ, въ которыхъ была выставлена социалистическая кандидатура, возросло съ 346 (1910 г.) до 424 (1914 г.).

Кандидатамъ были предоставлены общественныя зданія (школы), въ которыхъ они устраивали собранія, привлекавшія многочисленныхъ слушателей. Имъ разъяснялась программа и тактика социалистической партіи и необходимость вступленія въ ея ряды для ежедневной упорной работы, которая одна можетъ привести къ побѣдѣ труда. Социалистическіе кандидаты отпра-

лялись на собранія противниковъ и смѣло срывали съ нихъ личины народолобїя, которыя такъ любятъ надѣвать на себя самыя заядлыя враги народа, и эффектные ярлыки въ родѣ социалистовъ-патріотовъ, социалистовъ-націоналистовъ, независимыхъ социалистовъ, т. е. независимыхъ отъ социализма, какъ объясняли товарищи.

Страна не осталась глуха къ горячимъ призывамъ социалистовъ, и 26 апрѣля (день перваго тура) было настоящимъ триумфомъ для нихъ. Они собрали 1.398.000 голосовъ и провели безъ перебаллотировки своихъ лидеров—Ж. Гада, Эд. Вальяна, Ж. Жореса—и многихъ видныхъ членовъ партіи. Теперь передъ партіей всталъ вопросъ о дальнѣйшей тактикѣ, о позиціи, которую ей слѣдуетъ занять по отношенію къ буржуазнымъ партіямъ въ многочисленныхъ перебаллотировкахъ (въ 602 округахъ было избрано въ первомъ турѣ всего 350 депутатовъ и предстояло выбрать еще 252 депутата).

Общая линія поведенія была уже намѣчена на состоявшемся въ январѣ Амьенскомъ съѣздѣ. Онъ рѣшительно отвергъ блокъ съ буржуазными партіями и въ единогласно принятой резолюціи постановилъ во всѣхъ округахъ вести борьбу на свой рискъ и страхъ. Но, говорится въ резолюціи, „умѣя различать среди враждебныхъ буржуазныхъ партій тѣ, которыя наиболѣе угрожаютъ пролетаріату и социализму“, партія на перебаллотировкахъ въ округахъ, гдѣ социалисты пройти не могутъ, должна будетъ поддерживать кандидатовъ, которые выскажутся противъ трехлѣтней службы и за прогрессивный налогъ.

Этотъ принципъ меньшаго зла или, выражаясь изящнѣе, „республиканской дисциплины“ былъ примѣненъ за рѣдкими исключеніями во всей Франціи. Социалисты, получавшіе меньшее число голосовъ, чѣмъ кандидаты лѣвыхъ буржуазныхъ партій (объединенной радикально-социалистической и партіи республиканцевъ-социалистовъ \*), снимали свою кандидатуру и приглашали товарищей голосовать за нихъ. Надо отдать справедливость и буржуазнымъ демократамъ, что они въ общемъ также честно исполнили свой республиканскій долгъ по отношенію къ социалистамъ.

Послѣ перебаллотировокъ побѣда социалистовъ выяснилась уже столь несомнѣнно, что даже реакціонныя газеты должны были ее признать. Что могли онѣ подѣлать противъ цифръ, свидѣтельствовавшихъ, что парламентская фракція социалистовъ будетъ состоять изъ 103 депутатовъ, при чемъ усиленіе ея произошло главнымъ образомъ за счетъ правыхъ, потерявшихъ 34 мѣста. Ярость желтой прессы станетъ тѣмъ болѣе понятной, если принять во вниманіе, что правое и лѣвое крыло буржуазныхъ партій приблизительно равны и что социалистамъ въ парламентѣ придется нерѣдко играть при голосованіи рѣшающую роль.

Къ числу побѣдъ социалистовъ, которыя должны быть отмѣчены особо, принадлежитъ пораженіе Лепина, разбитаго социалистомъ Понсэ. Лепинъ... Кто изъ интересовавшихся жизнью

\*) Надо ли объяснять товарищамъ, что названіе „социалисты“, которое такъ охотно принимаютъ буржуазныя партіи, есть только реклама. Однако, она свидѣтельствуется о симпатіи, которой социализмъ пользуется въ широкихъ народныхъ массахъ.

Франціи за послѣднее время не знает имени этого бывшаго префекта (начальника) Парижской полиціи, который является главнымъ виновникомъ кровавыхъ расправъ съ рабочими, устраивавшими мирныя демонстраціи по случаю 1-го мая и пр.? Еще до сихъ поръ томятся въ тюрьмахъ жертвы этого сатрапа и память о его звѣрствахъ не изгладилась въ сердцахъ французскихъ рабочихъ. Понятно, конечно, съ какимъ радостнымъ чувствомъ встрѣтили они вѣсть о провалѣ отвратительнаго карлика—полицейскаго.

Отмѣчу также поражение „отцовъ трехъ лѣтъ“ Монтебелло и Жозефа Рейнака. вмѣсто нихъ прошли радикаль и республиканецъ—соціалистъ, за которыхъ на перебаллотировкѣ голосовали соціалисты.

Слѣдуетъ упомянуть еще о побѣдѣ соціалиста надъ бывшимъ соціалистомъ Вильмомъ. Послѣдній въ 1910 г. прошелъ большинствомъ въ 4 т. голосовъ, какъ кандидатъ соціалистической партіи. Недавно онъ былъ исключенъ изъ нея за свои симпатіи къ ренегату Бріану, но отъ мандата, полученнаго имъ, какъ членомъ соціалистической партіи, не отказался и снова выставилъ свою кандидатуру въ томъ же избирательномъ округѣ. Подобные случаи ренегатства всегда оказывали въ высшей степени деморализующее вліяніе на французскій пролетаріатъ. Конечно, они возможны исключительно благодаря его недостаточной организованности, благодаря тому, что въ массѣ соціалистическихъ избирателей члены партіи занимаютъ ничтожную часть (5,2%) на послѣднихъ выборахъ). Если бы французскій пролетаріатъ былъ лучше организованъ, какъ, напримѣръ, рабочіе въ Германіи, гдѣ соціалисты-члены партіи составляютъ свыше 20% общаго числа соціалистическихъ избирателей, то на слѣдующихъ—за измѣной партіи — выборахъ господамъ, подобнымъ Вильму, была бы крышка. Во Франціи же, гдѣ партійная организованность, въ особенности до недавняго времени, оставляла желать многого, неразборчивымъ въ средствахъ карьеристамъ, пользовавшимся соціалистической партіей, какъ трамплиномъ, чтобы добраться до тепленькаго мѣстечка, и переходившимъ затѣмъ въ станъ враговъ рабочаго класса, удавалось закрѣпить за собой депутатское мѣсто при помощи грубой демогогіи, которой не могла раскусить несознательная масса „инстинктивныхъ“ соціалистовъ. Измѣны Бріана, Мильерана, Лефевра и др. менѣе громкія дѣйствовали самымъ пагубнымъ образомъ на рабочихъ. Не понимая истинной причины этого явленія, они готовы были повѣрить анархистамъ, что зло въ самомъ парламентаризмѣ. И мы видѣли во Франціи довольно сильное антипарламентарное теченіе въ рабочихъ массахъ. Случай съ Вильмомъ показалъ, что партія окрѣпла и что теперь ренегатамъ не будетъ прежняго раздолья. Этотъ наглядный урокъ научить многому французскихъ товарищей.

Быть можетъ, еще больше пользы принесетъ имъ печальное событіе, котораго я сейчасъ коснусь.

Въ началѣ текущаго года во Франціи образовалась „Рабочая Партія“. Ее составили Камбье, исключенный на Амьенскомъ съѣздѣ изъ партіи, Шовенъ и др. проходимцы, прошедшіе огонь, воду и мѣдныя трубы. Ихъ задачей было дискредитировать въ глазахъ пролетаріата соціалистическую партію, которую они въ

своихъ газетахъ всячески обливали помоями, обвиняя ея лидеровъ въ семи смертныхъ грѣхахъ. Эта почетная задача была возложена на „шовенистовъ“ реакціонерами, которые давали имъ большія средства. Со стороны правыхъ ходъ былъ задуманъ хитро. Они надѣялись скомпрометировать „объединенныхъ социалистовъ“ тѣмъ, что выдвинуть противъ нихъ враговъ слѣва—„Рабочую Партію“, объявившую себя хранительницей заветовъ революціоннаго социализма и истинной защитницей пролетаріата, который де преданъ социалистами.

Широко субсидируемые „темными деньгами“, главари новопеченной партіи набрали себѣ достойныхъ помощниковъ, среди которыхъ были впрочемъ и честные, но наивные товарищи, и энергично стали готовиться къ выборамъ...

Къ чести французскаго пролетаріата нужно сказать, что поймать его на удочку не удалось. Въ прежнее время подобная диверсія могла бы имѣть успѣхъ, благодаря тому, что социалисты дѣлились на многочисленныя враждующія между собой фракціи. Теперь же, послѣ 9-ти лѣтней дружной работы на почвѣ единенія, съ такимъ трудомъ осуществленнаго и давашаго благіе результаты, ни одинъ сознательный и честный социалистъ не могъ и думать о новомъ расколѣ. Раскольники, нанятые для внесенія смятенія въ социалистическіе ряды, сѣли, какъ говорится, въ лужу. За выставленныхъ ими кандидатовъ было подано до смѣшного ничтожное количество голосовъ. \*) Только въ двухъ—трехъ случаяхъ они «честно» заработали свой хлѣбъ. Своей клеветнической кампаніей и тѣмъ, что выставленный ими кандидатъ отвлекъ голоса нѣсколькихъ десятковъ довѣрчивыхъ рабочихъ, они провалили бывшаго депутата, рѣзкаго, не стѣсняющагося въ словахъ и выраженіяхъ, рѣжущаго правду-матку въ глаза министрамъ и ихъ прихлебателямъ социалиста Колли. Они же способствовали побѣдѣ реакціонера надъ старымъ социалистическимъ дѣятелемъ Руанэ. Наконецъ, они добились еще одного «успѣха». Благодаря имъ прошелъ Патэ, «отецъ» и докладчикъ закона о трехлѣтней службѣ. Съ нимъ на выборахъ конкурировали социалистъ, радикаль-социалистъ и Аллеманъ. Послѣдній хорошо извѣстенъ во Франціи и даже за ея предѣлами: бывший членъ Коммуны, онъ игралъ видную роль во французскомъ рабочемъ движеніи. Теперь Аллеманъ былъ завлеченъ въ шайку Шовена, который заставилъ несчастнаго старика играть жалкую роль, пользуясь его славнымъ прошлымъ, какъ знаменемъ. На перебаллотировкѣ, чтобъ провалить Патэ, участіе котораго въ выработкѣ «преступнаго» закона дѣлало его какъ бы символомъ милитаризма, социалистъ послѣ перваго тура отказался въ пользу радикала-социалиста, получившаго наибольшее число голосовъ изъ трехъ лѣвыхъ кандидатовъ. Анатолий Франсъ и предсѣдатель Лиги Защиты Правъ Человѣка Бюиссонъ убѣждали своего стараго товарища Аллемана послѣдовать примѣру социалиста. Но онъ, подъ вліяніемъ темныхъ личностей, окружающихъ его, не снялъ своей кандидатуры. Въ округѣ нѣсколькими тысячами голосовъ

\*) Два независимыхъ социалиста, прошедшіе въ Палату Депутатовъ, объявлены „Раб. Парт.“ ея сторонниками. Надо полагать, что они откажутся отъ такой неприглядной дружбы и вступятъ въ фракцію „объединенныхъ социалистовъ“.

посылавшемъ его нѣкогда въ парламентъ, какъ кандидата социалистической партіи, онъ собралъ всего 566 голосовъ и далъ возможность пройти Патэ, получившему на 503 голоса больше рад-соц. Этими подвигами Шовенъ съ друзьями показали и немногимъ простодушнымъ товарищамъ, повѣрившимъ ихъ псевдо-революціонной фразеологии, всю свою низость. Дни ихъ сочтены. Тѣмъ болѣе, что они, послѣ выборовъ, ужь не нужны реакціи: мавръ сдѣлалъ свое дѣло, мавръ можетъ уйти.

---

Послѣдняя карта реакціонной буржуазіи, рассчитывавшей на несознательность рабочаго класса, была бита 10 мая (день вторыхъ выборовъ). Когда выяснились убійственные для нея результаты, она при помощи „большой“ прессы снова сдѣлала попытку,—увы! столь же неудачную, какъ и предыдущія,—взять социалистическую партію «не мытьемъ, такъ катаньемъ». Весьма ехидно она выражала увѣренность, что социалисты не откажутся «принять свою долю отвѣтственности въ управленіи страной», благо въ ихъ рукахъ судьба лѣваго министерства; «опьяненные побѣдой», какъ она выражалась, они не замедлятъ не только заключить блокъ съ радик.-соц., но, пожалуй, и сами вступятъ въ министерство. Реакціонеры не высказывали, конечно, своей затайной мысли, что этимъ социалисты сами накинута на себя мертвую петлю...

Не прочь вступить въ блокъ съ представителями пролетариата и радикалы. Они готовы даже взять въ свое министерство нѣсколькихъ социалистовъ, которые поддержать сильно за послѣднее время подмокшую репутацію своихъ буржуазныхъ коллегъ и подымутъ ихъ акціи, со дня на день падающія въ глазахъ народа.

Въ самой же социалистической партіи постоянный блокъ, налагающій на обѣ договаривающіяся стороны обязательство и заставляющій социалистовъ отвѣчать за грѣхи буржуазныхъ партій, такой блокъ, рѣшительно осужденный Парижскимъ (1900 г.) и Амстердамскимъ (1904 г.) конгрессами, не находитъ сторонниковъ. Даже оппортунически настроенный Альберъ Тома въ своей брошюрѣ „Politique Socialiste“ („Социалистическая Политика“), вышедшей въ ноябрѣ прошлаго года, соглашаясь на блокъ въ принципѣ, говоритъ о немъ очень осторожно, съ оговорками, и признаетъ, что голландскіе товарищи поступили правильно, не принявъ предложенныхъ имъ портфелей. Одинъ лишь Густавъ Эрвэ, бывшій немного лѣтъ назадъ лѣвѣе крайнихъ лѣвыхъ и мечтавшій удачнымъ возстаніемъ превратить буржуазный строй въ рай земной, продѣлавъ обычную для такихъ людей эволюцію, очутился на правомъ флангѣ соц. партіи: онъ спитъ и во снѣ видитъ блокъ.

Но на яву ему сна не видать. Наиболѣе видные представители французскаго социализма высказались въ этомъ отношеніи весьма рѣшительно на страницахъ „L'Humanité“: ни блока, ни тѣмъ болѣе принятія портфелей, но исключительно поддержка министерства, которое будетъ проводить демократическія ре-

формы. Французскіе социалисты остаются вѣрны испытанной классовой тактикѣ и продолжаютъ неуклонно борьбу съ буржуазнымъ строемъ. Въ этомъ заслуга гедистовъ (французскихъ марксистовъ), которые отъ объединенія съ менѣе революціонными товарищами не только не сдѣлались реформистами, но и ихъ повели за собой.

Французскіе выборы подтвердили справедливость принципа: Одинъ пролетаріатъ, едина должна быть партія его.

*Civis.*

Р. С. Когда эта статья была уже закончена, я узналъ, что ежедневная газета Шовена „La Voix du peuple“ („Голосъ Народа“) прекратила свое существованіе. Если это не конецъ, то, во всякомъ случаѣ, начало конца этой демагогической группы.

## ЕДИНСТВО.

Покойный „Лучъ“ однимъ изъ первыхъ противопоставилъ надвигающемуся фракціонному лекинизму идею единства рабочаго движенія, лозунгъ объединеннаго и согласнаго проведенія всѣхъ очередныхъ политическихъ кампаній пролетаріата. Съ тѣхъ поръ требованіе единства пропагандировалось организованными рабочими—„лучистами“ при каждомъ актѣ пролетарской борьбы (всѣ главныя политическія кампаніи, страховая кампанія, текущая работа въ обществахъ). Пропагандировалось довольно безуспѣшно. Ибо фракціонная волна, ломая всѣ преграды, заливала все больше ряды массоваго движенія, затемняя сознаніе и ожесточая сердца. И рабочее движеніе во *всѣхъ* пунктахъ своихъ превратилось, въ итогъ, въ арену мрачной ожесточенной борьбы съ инакомыслящими, губительной грубой схватки, въ конецъ истомившей пролетарскія силы. Ни было ни одного вопроса общественной жизни, обсужденіе котораго не было бы обращено въ поводъ расправы съ ненавистными „ликвидаторами“. Не было ни одного мѣстечка въ организаціонномъ строительствѣ рабочаго класса, на которомъ не выкидывался бы ленинцами зловѣщій сигналъ междоусобной борьбы. Прибывающая съ подъемомъ движенія свѣжая рабочая молодежь въ два дня получала патентъ „сознательности“, проходя ленинскую школу борьбы съ своими же товарищами. Демагогія, стадное подчиненіе двумъ-тремъ заученнымъ фразамъ фракціонной директивы, неуваженіе къ чужому мнѣнію, отсутствіе организаціонныхъ навыковъ, мелкія радости мелкой фракціонной борьбы и ея побѣдъ, — все это создавало тяжелую удушливую обстановку жизни почти всѣхъ открытыхъ рабочихъ организацій и развитія въ нихъ молодыхъ элементовъ движенія.

Сторонники единства, выдержанные и сознательные товарищи, дѣльнѣе работники и творцы организационнаго строительства, прямо *уставали* говорить объ „единствѣ“ — въ этомъ оглушительномъ и неутрахающемъ шумѣ фракціоннаго натиска. Обстоятельства долго держали идею единства на положеніи загнанной и лишенной практическаго успѣха.

Но неистовое шествіе ленинскаго фракціонизма должно было въ извѣстный моментъ натолкнуться на зараждающееся сопротивленіе утомленной рабочей среды. Этотъ моментъ теперь наступилъ.

Во времени празднованія дня рабочей печати тяготѣніе широкихъ массъ сознательнаго пролетаріата къ единству и суровое осужденіе этими массами раскольническаго направленія достигло особенно крупныхъ размѣровъ и яркаго выраженія. На рядъ собраній и совѣщаній рабочіе, въ противовѣсъ настойчиво рекомендуемымъ фракціоннымъ формуламъ, объявили день 22 апрѣля днемъ всей рабочей классовой печати, а не печати кружковой, фракціонной. Наконецъ, сотни привѣтствій, поступившихъ въ „Сѣв. Рабоч. Газету“ въ связи съ днемъ 22 апрѣля, привѣтствій со всѣхъ концовъ Россіи, изъ самыхъ даже глухихъ ея уголковъ,—всѣ громко и единодушно говорили о необходимости единства и вѣрѣ пролетаріевъ въ честную политическую линію въ этомъ вопросѣ, проводимую „Сѣв. Раб. Газ.“.

Въ связи съ ростомъ симпатій къ глащатаю единства—меньшевицкой газетѣ, изъ среды самого правдизма родилось чисто-рабочее большевицкое направленіе, объявившее себя врагомъ правдицкой фракціонности и сторонникомъ единенія большевизма съ другими теченіями социаль-демократіи.

Тутъ же рядомъ росло партійно мало осознавшее себя, неопредѣленно—примиренческое настроеніе, заявившее себя врагомъ не только всяческой фракціонности, но и вообще фракцій, какъ оформленныхъ теченій, и одинаково осуждающее объ фракціи.

Къ дѣлу разливающемуся болѣе или менѣе широко настроенію непосредственно примыкали противо-ликвидаторскія группки различныхъ (плехановскихъ и иныхъ) толковъ, находя въ смутной антифракціонности примиренческаго теченія большое удовлетвореніе для своей старой (и нынѣ наново раздуваемой) непріязни къ „ликвидаторской“ фракціи рабочаго движенія.

Всѣ эти теченія, несомнѣнно несли въ своемъ сознаніи *консервативные* элементы: одни—большевицскихъ симпатій, другія—притянутого изъ прошлаго, традиціонно—застывшаго отрицательнаго отношенія къ т. н. „ликвидаторству“, задѣтыя въ части своей крыломъ смутнаго общепримиренческаго настроенія,—вырабатывали форму и сущность своего *прогрессивнаго*, новаго содержанія (здороваго стремленія къ единству), приходя въ соприкосновеніе, на почвѣ текущей политической жизни въ различныхъ рабочихъ обществахъ, съ руководящими

выдержанными группами сторонников меньшевистских газет („Сѣв. Раб. Газ.“, „Нашей Раб. Газ.“).

Къ тому же мы имѣемъ теперь также два литературныхъ органа „объединительнаго“ направленія: „Борьба“ и Единство“. Журналъ Троцкого и газета Плеханова, отчасти являясь отраженіемъ содержанія упомянутыхъ примиренческихъ теченій въ рабочей средѣ, съ другой стороны суть лабораторіи выработки *сверху* самостоятельныхъ тактическихъ линій; въ этомъ смыслѣ они могутъ быть поставлены въ положеніе особыхъ факторовъ въ ряду различныхъ силъ и вліяній въ интересующемъ насъ вопросѣ.

\* \* \*

Обратимся сначала къ журналу „Борьба“.

Горячая проповѣдь единства и признаніе равноправія различныхъ группъ политическаго рабочаго движенія составляетъ несомнѣнное положительное свойство этого журнала. Къ этому необходимо прибавить стремленіе къ осуществленію просвѣтительно-пропагандистскихъ цѣлей, поставленное „Борьбой“.

Все это очень хорошо. Но есть въ позиціи и въ содержаніи журнала нѣчто, долженствующее вызвать къ себѣ отрицательное отношеніе—съ точки зрѣнія принципиальныхъ и практическихъ интересовъ единства рабочаго движенія.

Постановка вопроса объ единствѣ „Борьбою“ достаточно выяснилась въ вышедшихъ номерахъ журнала.

Существующія и борющіяся въ рабочемъ движеніи двѣ фракціи суть застарѣлыя формы интеллигентской опеки этого движенія („организованный выводъ изъ *внутренняго* характера нашихъ идейныхъ теченій“), и борьба всѣхъ фракцій есть фанатическое проявленіе „идейнаго сектанства“; фракціонное мнѣніе—*односторонне*, оно выражаетъ лишь *одну* какую-нибудь сторону или потребность движенія; рабочее движеніе развивается въ сторону увеличенія численности и вліяніе *нефракціонныхъ* элементовъ, „постепеннаго раскрѣпощенія социаль-демократической мысли отъ фракціоннаго ига“; и въ этомъ путь осуществленія единства. Вотъ смыслъ (какъ общій, такъ и буквальный) того, что повторяется на страницахъ „Борьбы“. Особенно настойчиво подчеркивается противопоставленіе „нефракціоннаго“ мнѣнія „фракціонному“, нефракціонныхъ рабочихъ элементовъ—старымъ фракціоннымъ группамъ; указывается достаточно ясно на необходимость или, по крайней мѣрѣ, желательность преодоленія не только фракціонизма, какъ губительнаго антидемократическаго внутрипартійнаго настроенія, не только организаціоннаго обособленія фракцій, но самихъ старыхъ фракцій, какъ теченій и направленій („одностороннихъ“),---



преодоленія посредствомъ торжества синтетическаго мнѣнія нефракціонныхъ элементовъ пролетаріата.

Въ позиціи „Борьбы“, конечно, нѣтъ „примирической“ прямолинейности. „Примиренчество“ нѣкоторыхъ рабочихъ группъ болѣе просто и болѣе рѣзко выражено.

Порокъ того, что называемъ мы нѣсколько общимъ и неточнымъ словомъ: „примиренчество“, заключается же въ его страстномъ стремленіи къ единству, а въ тѣхъ методахъ, которыми оно хочетъ возстановить это единство, и въ тѣхъ взглядахъ въ партійно-общественномъ вопросѣ, изъ которыхъ проистекають указанные методы.

„Примиренчество“ видитъ со стороны только утомительную и однообразную въ смыслѣ внѣшняго впечатлѣніе борьбу („склоку“) правдиста съ „ликвидаторомъ“; оно не видитъ и не хочетъ видѣть за шумомъ борьбы неустанную выработку и живое движеніе идей; *всякое* разногласіе ему начинаетъ представляться навязаннымъ извнѣ, и *всякая* идейная опредѣленность—проявленіемъ фракціонной исключительности. Оно не хочетъ видѣть, что, напримѣръ, „ликвидаторство“ давно уже стало органическимъ элементомъ растущаго сознательнаго движенія пролетаріата, и систему взглядовъ его и практическую работу его нельзя вычеркнуть изъ содержанія прошлаго, настоящаго и будущаго рабочаго движенія.

Здѣсь не мѣсто подробно повторять старыя истины о томъ, что можетъ быть крайне вредной и неудачной современная форма организаціоннаго существованія и выраженія фракціонныхъ теченій, можетъ быть безобразнымъ расцвѣтъ на этой почвѣ личныхъ и сектантскихъ настроеній, но что все это ни въ какой связи не стоитъ съ самой сущностью, содержаніемъ живыхъ и серьезныхъ теченій въ рабочемъ социализмѣ.

„Примиренчество“ до крайности упрощаетъ перспективу партійнаго развитія. И кончаетъ простенькимъ рецептомъ: чтобы уничтожить „фракціонизмъ“, нужно уничтожить фракціи, нужно установить благообразное единство взглядовъ... Если въ позиціи редакціи „Борьбы“ нѣтъ всѣхъ элементовъ чистаго и рѣзкаго „примиренчества“, то явственный уклонъ въ эту сторону несомнѣнно имѣется.

Трудно вѣрить „Борьбѣ“, когда она въ отвѣтъ т. т. впередцамъ въ № 5 пишетъ, что съ ея стороны вопросъ идетъ не объ „идейномъ примиренствѣ“, то есть не объ искусственной выработкѣ „средняго образа мыслей“, хотя бы и во имя такой цѣли, какъ единство рабочаго движенія, а возведеніи разсыпаннаго, расщепленнаго фракціонно—искаженнаго партійнаго сознанія къ высшему единству „марксизма“, ибо развѣ хотя бы вторая половина этой фразы (такого высокаго стиля!) не заключаетъ въ себѣ смутнаго провозглашенія „средняго образа мыслей“, о которомъ говорится въ первой половинѣ фразы? развѣ излюбленная тема журнала объ объединеніи

„нефракціонных“ и укрупненіи их „мнѣнія“ содержитъ въ себѣ только задачу борьбы съ „фракціонномъ режимомъ“, не содержитъ ли она также задачи борьбы съ теченіями, направленіями, какъ таковыми („односторонними“!)?, да развѣ, наконецъ, собственная позиція журнала въ общихъ тактическихъ вопросахъ, все болѣе выясняющаяся, не характеризуется обламываніемъ острыхъ угловъ другихъ теченій, т. е. типичнымъ „идейнымъ примиренчествомъ“?...

Тутъ мы подходимъ къ самому интересному и значительному для насъ.

Объединеніе, провозглашаемое „Борьбой“ — объединеніе не только противъ фракціонности, какъ помѣхи единству, но и противъ фракцій, какъ законченныхъ тактическихъ и политическихъ теченій, — не могло не притти къ созданію, — помимо программы тактики въ вопросѣ единства, — своей особой, индивидуальной тактической политической платформы во всѣхъ вопросахъ партійной общественной борьбы и работы. Такъ оно и выходитъ.

У „Борьбы“ есть *своя собственная политическая линія*.

Это — антиликвидаторство \*). Изъ номера въ номеръ „Борьба“ все болѣе детально выясняетъ различіе своей политической позиціи отъ позиціи меньшевистской газеты. Мы не будемъ здѣсь разбирать по существу статьи Н. Троцкого, Ана, Эмъ — Эля и др. Въ статьяхъ Л. М. въ „Нашей Рабочей Газетѣ“ довольно подробно разобрана статья т. Ана, и развѣ, кстати сказать, не типичный образецъ примиренческаго „средняго образа мыслей“ представляетъ эта полная противорѣчій и высокоумдраго скепсиса антиликвидаторская, антиправдистская система „анархо — реформистскаго“ винигрета?

Въ задачу нашей темы не входитъ разборъ и критика деталей политической позиціи „Борьбы“ и ея отношенія къ меньшевизму „Нашей Рабочей Газеты“, изображенному во всѣхъ „ошпортунистическихъ“, „реформистскихъ“ сквернахъ. Намъ интересуется тактическая позиція этого журнала въ вопросѣ единства.

И съ этой-то точки зрѣнія достойно вниманія, что окрашенный въ цвѣта „примиренчества“, „нефракціонный“ журналъ, такъ сказать, силою вещей, съ разбора тактики въ области единства отдѣльныхъ группъ россійской соціалъ-демократіи переходитъ на критику существа этихъ теченій и постепенно вырабатываетъ отмѣченную детальными чертами, свою собственную *грунтовую* (фракціонную) политическую программу.

Извѣстно также, что рабочія „борьбистскія“ группы самоопредѣляются съ первыхъ своихъ шаговъ — не столько своей тактикой въ вопросѣ единства, сколько опять-таки *чисто-политически*, въ

\*) „Борьба“, конечно, и противъ правдизма, но это естественный и прямой выводъ изъ ея „августовской“ общей позиціи.

своимъ отношеніемъ къ сосѣднимъ—„ликвидаторскимъ“ рабочимъ группамъ, въ своихъ мелкихъ, но настойчивыхъ политическихъ *отталкиваніяхъ* отъ послѣднихъ группъ... Передъ нами процессъ неудержимаго политическаго обособленія маленькаго новаго теченія.

Конечно, ничего нѣтъ плохого въ возникновеніи и оформленіи того или иного новаго теченія въ социаль-демократіи. Но здѣсь другое дѣло. Здѣсь получается *литературное* и—далѣе—*организационное* обособленіе, закрѣпленіе групповаго теченія всѣми способами противопоставленія его инымъ около живущимъ с.-д. теченіямъ. И такъ какъ точки расхожденія, хотя бы съ современнымъ „ликвидаторствомъ“ не могутъ не быть весьма и весьма незначительными, то это групповое обособленіе характеризуется совершенной недостаточностью поводовъ къ нему, искусственнымъ раздуваніемъ въ дальнѣйшемъ процессѣ этихъ почти фиктивныхъ различій.

Если бы троцкистскія варіаціи меньшевизма проповѣдывались на страницахъ, скажемъ, „Нашей Раб. Газ.“ или „Нашей Зари“, съ ними мы, можетъ быть, спорили бы, и все было бы нормально и благополучно. Но когда подъ флагомъ единства и организациі „нефракціоннаго“ пролетаріата, создается особый литературный органъ, пріобрѣтающій силою вещей все болѣе явственный политически-групповой характеръ, создаются особыя рабочія *фракціонныя* группки, занимающіяся политическимъ противопоставленіемъ (мелкимъ и искусственнымъ) себя сосѣднимъ передовымъ меньшевистскимъ коллективамъ, то мы вправѣ указать нашимъ товарищамъ изъ „Борьбы“, что они какимъ-то страннымъ образомъ стали на путь, въ корнѣ противорѣчащій ихъ собственнымъ хорошимъ словамъ, что тутъ искусственно создается новая ненужная фракція, и, вмѣсто сплоченія силъ, дѣлается объективно—вредное дѣло новаго политическаго и организационнаго размежеванія и такъ расколовшагося пролетаріата, что, однимъ словомъ, нефракціонный журналъ и его добрые единомышленники начинаютъ залѣзать, можетъ быть, сами того не замѣчая, въ глубокія фракціонныя дебри...

\*  
\*  
\*

Взглянемъ теперь на газету „Единство“, выходящую „при ближайшемъ участіи Г. В. Плеханова“.

Если въ „Борьбѣ“ мы можемъ предполагать наличность доброй воли къ единству, и лишь въ качествѣ стихійнаго, такъ сказать, послѣдствія роковой тактической ошибки видимъ фракціонныя уклоненія, то въ Плехановской газетѣ мы не можемъ не замѣтить (какъ это ни странно подъ фирмой „Единство“) хорошей порціи сознательнаго раскольничества.

Правда, въ передовой статьѣ № 1 мы встрѣчаемъ указанія на то, что вотъ сотрудники „Единства“ „объединились, несмотря на та-

ктическое разномысліе и сохраняя полную свободу тактических взглядовъ“, и въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ мы находимъ указанія на объединеніе „большевиковъ и меньшевиковъ“ и перепѣвы на всѣ лады, дѣйствительно, хорошаго слова „единство“.

Но Г. В. Плехановъ своей статьей въ № 1 сразу разбиваетъ первую радость прекраснотушнаго читателя. Плехановъ твердь, какъ камень, и знакомую всѣмъ коротенькую тактическую догму свою старается вбить въ голову читателя, изукрасивъ швейцарскими „притчами“ и представивъ въ видѣ ясной и простой директивы или приказанія.

Г. В. Плехановъ прямолинеенъ, точенъ, ставитъ точки надъ і.

Повернитесь спиной и къ тѣмъ, и къ другимъ, — говоритъ онъ, — „отвергайте и тѣхъ, и другихъ, и узурпаторовъ \*), и ликвидаторовъ, требуйте единства, единства и единства, поддерживайте только его сторонниковъ“. Какъ просто все и мудро тутъ. Повернуться спиной — вотъ дѣйственная программа осуществленія единства, вотъ разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ!

Воистину — это производить безотрадное впечатлѣніе.

Изъ своего далека многого не видитъ и не знаетъ Г. В. Плехановъ. Не видитъ онъ той послѣдовательной линіи единства всѣхъ кампаній пролетаріата, которая искренно и настойчиво, съ проявляющимся нынѣ успѣхомъ, провозглашается на дѣлѣ передовыми рабочими группами сторонниковъ. „Нашей Раб. Газ.“ Не знаетъ онъ того, что эти передовыя группки занимаютъ крѣпкое и опредѣленное положеніе въ текущей политической жизни рабочаго класса, и, конечно, не исчерпывается ихъ дѣятельность только и бросающейся въ глаза Плеханову оборонительной политикой съ правдивистскимъ фракціонизмомъ. Не понимаетъ онъ того, что игнорированіемъ, пассивнымъ бойкотомъ нельзя уничтожить эти коллективы, какъ бы того хотѣлось ему, и нельзя разрѣшить этимъ вопроса объ единствѣ. Не видитъ и не понимаетъ этого старый вождь и... рассказываетъ швейцарскіе анекдоты.

Въ Плехановскихъ директивахъ заключается конкретный призывъ къ объединенію противъ „ликвидаторовъ“ и „узурпаторовъ“, кого?.. — всѣхъ „сторонниковъ единства“. Ясно — этотъ призывъ обращенъ ни къ „ликвидаторамъ“, ни къ „узурпаторамъ“, и объединеніе должно въ первую голову пройти за предѣлами рабочихъ группъ этихъ наименованій и должно коснуться лишь тѣхъ, кто по тѣмъ или инымъ причинамъ находится „по ту сторону“. Чѣмъ характеризуется у Плеханова принципъ противопоставленія тѣхъ, къ кому онъ обращается, тѣмъ, на кого онъ ополчается? Нежеланіемъ пойти на объединеніе со стороны послѣднихъ? — Не совсѣмъ такъ. Плехановъ „ликвидаторовъ“

\*) Правдивость.

прицаеть въ своей статьѣ за... „нарушеніе партійной дисциплины“.  
„Ликвидация—преступное дѣло“,—говорить онъ.

Это, конечно, только не критика тактическаго отношенія „ликвидаторства“ къ осуществленію единства. Это не что иное, какъ старая, оперирующая даже старыми терминами, критика политическаго существа „ликвидаторскаго“ теченія. Знакомая критика, знакомые мотивы „отлученія“ ликвидаторовъ! Не то ли самое мы читали въ статьяхъ Г. В. Плеханова въ правдистской газетѣ подъ эффектнымъ заглавіемъ „Подъ градомъ пуль“, въ которыхъ за скверные взгляды и скверное политическое поведеніе онъ изгонялъ изъ партіи „измѣнниковъ“ „Маевского, Ежова, Потресова“?

Правда, другіе сотрудники „Единства“ настроены болѣе благодушно и готовы допустить въ сферу партійнаго объединенія „ликвидаторовъ“ (хотя, какъ говоритъ „б-къ Андрей“ въ № 1,—только потому, что нынѣшніе рабочіе „ликвидаторы“ совсѣмъ не похожи на „ликвидаторовъ“, а съ настоящими „ликвидаторами“ въ 1910 году объединенія не могло и не должно было быть...); но эти сотрудники, какъ они сами заявили въ № 2 газеты,—не „отвѣтственны“ за направленіе и содержаніе газеты, и, конечно, тактическія директивы Г. В. Плеханова дѣлаютъ главную музыку.

„Ликвидаторское“ теченіе исключается изъ партійнаго объединенія просто потому, что оно—„ликвидаторское“.

И, естественно, объективнымъ послѣдствіемъ этой раскольнической литературной линіи будетъ не осуществленіе единства, какъ организационной формы равноправнаго сосуществованія и сотрудничества различныхъ теченій рос. социаль-демократіи, а образованіе и оформленіе новаго политическаго кружка, новой фракціи на почвѣ искусственно подогрѣваемой борьбы, главнымъ образомъ, съ политической дѣятельностью „ликвидаторскихъ“ рабочихъ группъ и раздуваемаго расхожденія съ этими группками отнюдь не въ пониманіи конкретной задачи осуществленія единства, а по ряду тактическихъ вопросовъ и вопросовъ, заранѣе признанныхъ неразрѣшимыми... Почти однородныя послѣдствія съ тѣми, которыя мы установили при разсмотрѣннйи позиціи „Борьбы“. Только тутъ все сознательнѣе, откровеннѣе и проще.

Новый клинъ вбиваютъ въ рабочее движеніе тактическіе планы Г. В. Плеханова, новое сѣмя глухой вражды бросаютъ они въ рабочую среду.

\* \* \*

Передъ нами несомнѣнно печальное явленіе. Литературные органы, поставившіе себѣ почетную задачу достиженія единства, сбиваются на роковой ложный путь. Одинъ изъ нихъ „Борьба“—все

больше самоопредѣляется въ качествѣ новаго группового органа, противостоящаго инымъ теченіямъ, и со своей стороны неминуемо содѣйствуетъ образованію рабочихъ коллективовъ своихъ сторонниковъ, отмѣченныхъ не своими задачами въ вопросѣ единства, а своей какой-то особой групповой политикой (не „ликвидаторской“). Эти настроенія и тенденціи все явственнѣе и сильнѣе проявляются въ „Борьбѣ“, заглушая многія ея собственныя хорошія и разумныя слова объ единствѣ, отнимая у нихъ огромную долю ихъ возможнаго реального значенія. Газета же Плеханова, въ лицѣ своего главнаго руководителя, — стала на простой путь стараго грубаго „отлученія“ и тѣмъ играетъ на руку самому неприглядному расколу.

Въ рабочихъ „примиренческихъ“ кругахъ начинается глухой процессъ безконечнаго межеванія, кружкового обособленія, взаимнаго оглядыванія и охаживанія, пустыхъ формальныхъ организаціонныхъ комбинацій...

Воля потухаетъ въ этой бездѣйственной, запутанной обстановкѣ, получается топтаніе на мѣстѣ...

Если все обстоитъ такъ плохо, если добрые друзья единства дѣлаютъ роковыя ошибки, если съ хорошими словами объ единствѣ переплетаются новыя раскольническія дѣянія, если самодѣятельность нѣкоторыхъ примиренческихъ рабочихъ круговъ попала въ трясины темной и пассивной кружковщины, — то гдѣ дѣйствительный выходъ къ единству рабочаго движенія, гдѣ здоровая почва для его достиженія?.

Оставивъ страницы литературныхъ органовъ, перейдемъ въ область рабочаго движенія.

Въ этой области самимъ ходомъ жизни отчасти намѣчена уже возможная почва для осуществленія единства. Какъ мы указывали выше, передовыя меньшевистскія группы рабочихъ — сторонниковъ „Н. Р. Г.“ энергично ведутъ выдержанную линію объединенія всѣхъ кампаній пролетаріата, и рядъ кампаній въ послѣднее время былъ проведенъ въ этомъ смыслѣ съ растущимъ успѣхомъ.

Помимо крупныхъ размѣровъ манифестаціи въ пользу единства, которую съ такою искренностью произвели широкіе круги пролетаріата въ связи съ днемъ рабочей печати и съ тактикой рабочихъ-меньшевиковъ, мы имѣемъ также серьезный фактъ объединеннаго выступленія марксистовъ обоихъ теченій въ Литературномъ Обществѣ, въ январѣ с. г., на сѣздѣ писателей. Потомъ правдисты всячески старались прикрыть и замазать свое участіе въ этой кампаніи, но непосредственныя впечатлѣнія участниковъ говорятъ о вполнѣ удачномъ осуществленіи этой кооперации.

Мы не будемъ касаться многочисленныхъ фактовъ внутренней текущей жизни различныхъ открытыхъ рабочихъ организацій, въ которыхъ проявилась съ тѣмъ или инымъ успѣхомъ неослабѣвающая

инициатива рабочих — „ликвидаторовъ“ въ области дѣловой сплоченія фракціонныхъ силъ на конкретной работѣ.

Въ качествѣ непосредственныхъ и ближайшихъ задачъ текущей дѣятельности, передовыя меньшевистскія группы должны настойчиво продолжать эти попытки объединеннаго проведенія политическихъ кампаний пролетариата, дѣйствительнаго осуществленія кооперации фракціонныхъ силъ въ процессѣ массоваго движенія. Это—единственно возможная арена для созданія прочной почвы дальнѣйшаго уже организационнаго единства, для разрѣженія сгущенной атмосферы фракціонизма и кружковщины, для воспитанія *массы* въ духѣ единства и развитія *массовой* самодѣятельности въ этомъ направденіи. Съ этого нужно начинать, а не съ различныхъ организационныхъ комбинацій, къ чему какъ будто бы въ первую голову стремятся наши „примиренческія“ группы. Только на почвѣ реального дѣла пріобрѣтаютъ значеніе тѣ или другіе организационные шаги.

Конечно, сторонники „Нашей Раб. Газ.“ не могутъ и не должны оставлять безъ вниманія такіе цѣнные и интересные шаги объединительной самодѣятельности, какъ объединеніе большевиковъ и меньшевиковъ въ Петербургѣ, на фабрикѣ Эриксоновъ, на Петербургской сторонѣ и др.

Крайне необходимо устраивать дѣловыя совѣщанія съ этими элементами по всѣмъ очереднымъ вопросамъ рабочаго движенія—политическимъ, культурно-просвѣтительнымъ и экономическимъ,—ставя эти вопросы на практическую почву, для выясненія ближайшихъ путей совмѣстной работы въ массѣ. Не менѣе необходимо серьезное выясненіе „нашихъ разногласій“, не только на этихъ совѣщаніяхъ, но и въ болѣе обширныхъ аудиторіяхъ, въ рядѣ популярныхъ докладовъ и собесѣдованій.

Къ этому для передовыхъ меньшевистскихъ группъ непосредственно примыкаетъ новая, чрезвычайно важная задача пресѣчь намѣчающееся политическое отталкиваніе и искусственное обособленіе антиликвидаторскихъ „примиренческихъ“ группъ, создаваемое общимъ ошибочнымъ уклономъ „Борьбы“, „Единства“ и ихъ ближайшихъ единомышленниковъ—практиковъ, возможно скорѣе нейтрализовать пагубныя послѣдствія роковыхъ ошибокъ идеологовъ единства, всю эту мелкую, бездѣйственную кружковщину.

Этому успѣшно будутъ содѣйствовать указанныя средства: объединенныя совѣщанія, просвѣтительная работа и,— главнымъ образомъ,— совмѣстное энергическое участіе подъ знакомъ единства во всѣхъ массовыхъ кампаніяхъ пролетариата. Въ процессѣ этой дѣятельности и борьбы будетъ брошенъ яркій лучъ свѣта на искусственную взвинченность, фиктивность тѣхъ разногласій съ „ликвидаторствомъ“, которыя раздуваются въ „борьбистскихъ“ и иныхъ группахъ.

Массовая работа постепенно объединитъ и болѣе широкіе поли-

тическіе слои пролетаріата, высвобождаѣ ихъ изъ-подъ вліянія правдистской демагогіи, ликвидируя въ нихъ навыки фракціонной нетерпимости. Это уже началось...

*Только въ этой перспективѣ массовой самодѣятельности въ сторону единства, дѣлового сотрудничества различныхъ группъ среди движенія массы—можетъ быть цѣлесообразно поставленъ вопросъ о партійноорганизаціонномъ единствѣ, какъ непосредственномъ и общемъ продуктѣ намѣчающагося единства дѣйствительнаго рабочаго движенія.*

Въ разрѣшеніе этого вопроса предлагаются разные проекты. Ю. Ларинъ рекомендуетъ на страницахъ „Борьбы“ федерацію по всей странѣ. Редакція „Борьбы“ не согласна съ этимъ проектомъ, указывая, что федерація можетъ изъ „объединительной повязки“ легко превратиться въ клинъ, задерживающій расколъ.

Я готовъ присоединиться къ точкѣ зрѣнія редакціи „Борьбы“, предвидя извѣстную опасность въ этомъ закрѣпленіи раздѣльнаго существованія. Единство организаціи, при доброй волѣ, при наличности уже имѣющихъ мѣсто теперь (пусть нѣсколько поспѣвшихъ, но все же весьма цѣнныхъ) попытокъ частнаго организаціоннаго объединенія, и какъ болѣе отдаленное слѣдствіе расширенія единства рабочаго движенія,—думается, вполне достижимо. И не нужно разбивать волю къ единой организаціи консервативнымъ вліяніемъ федераціи...

Институтъ „раздѣльнаго жительства“ несомнѣнно многимъ понравился и продолжаетъ нравиться. Фракціоннаго противника нѣтъ подъ бокомъ; онъ далеко, на страницахъ другой газеты, въ другихъ организаціяхъ; никто не суетъ палокъ въ колеса... Ну, что жъ, конечно, придется встрѣтиться лицомъ къ лицу съ нѣкоторыми „семейными неприятностями“ въ первое время возстановленнаго сожительства. Тутъ искренніе сторонники единства должны призвать къ себѣ на помощь всю свою выдержку, весь свой политическій тактъ, свое живое чувство ответственности передъ общими интересами рабочаго движенія, чтобы изъ-за мелкихъ столкновеній не разбить хрупкую скорлупу перваго объединенія.

\*  
\* \* \*

Передъ рабочими коллективами сторонниковъ „Нашей Рабочей Газеты“ стоитъ большая задача. Дѣло единства, приобрѣтающее все новыя силы, въ то же время осложнилось. Появилась опасность, идущая отъ ошибокъ нѣкоторыхъ литературныхъ и рабочихъ группъ. И эту опасность нужно учесть, ее нужно преодолѣть.

Рабочіе—меньшевики въ дѣлѣ единства будутъ продолжать свою старую работу, расширяя, углубляя, детализируя ее.

Рабочіе—меньшевики не повѣряютъ, что ихъ выношенные въ борь-



бѣ взгляды „односторонникъ“, и что вся ихъ работа въ движеніи есть проявленіе какой-то фракціонной односторонности. Они не повѣряютъ тому, что для осуществленія единства они должны пожертвовать своими взглядами и замѣнить ихъ благообразнымъ „среднимъ образомъ мыслей“. Они пройдутъ мимо швейцарскихъ анекдотовъ Г. В. Плеханова, и, укрѣпляя свое теченіе, не отказываясь отъ своихъ тактическихъ принциповъ, займутся дѣломъ воспитанія массоваго движенія въ единствѣ дѣйствій, ликвидаціи кружковщины, сплоченія всѣхъ друзей единства на конкретномъ сотрудничествѣ ихъ въ массовомъ движеніи.

Эта работа, эта честная, дѣйственная, демократическая линія непосредственно приведетъ къ расчищенію путей для воплощенія воли Интернаціонала, авторитетъ слово котораго мы скоро услышимъ.

**К. Оранскій.**

† **Даніиль Деліонъ**<sup>1)</sup>.  
(1852 — 1914 г.).

Въ одномъ Нью - Йоркскомъ госпиталѣ, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, 11 мая (нов. ст.) скончался на 62 г. одинъ изъ наиболѣе крупныхъ, если не самый выдающійся во многихъ отношеніяхъ, американскій социалистъ, лидеръ Соціалистической Рабочей партіи („S. L. P.“) Даніиль Деліонъ.

Извѣстіе о его смерти, — какъ это не покажется страннымъ съ перваго взгляда, — въ рядахъ американскихъ социалистовъ — вызвало діаметрально противоположныя чувства: между тѣмъ какъ одни, меньшинство, были очень огорчены, огромное большинство другихъ, наоборотъ, встрѣтило его болѣе, чѣмъ равнодушно. Вотъ, напримѣръ, что по поводу кончины Деліона написала самая выдержанная, послѣдовательная американская марксистская нѣмецкая газета и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе старшій социалистическій органъ, здѣсь существующій 36 лѣтъ — Ньюйоркскій „Volkszeitung“:

„Съ умершимъ... случилось, то же, что и со многими другими: онъ умеръ на пару десятилѣтій позже, чѣмъ ему слѣдовало, — онъ давно пережилъ себя. Вѣрный своему правилу — уничтожать все то, чего онъ не могъ себѣ подчинить, Деліонъ въ

<sup>1)</sup> *Примѣч. отъ редакціи:* Печатаемая ст. Л. Дейча о Деліонѣ, редакция считаетъ вѣрнѣе вернуться къ болѣе подробному освѣщенію отрицательной роли Деліона въ рабочемъ движеніи Америки.

послѣдніе 15 лѣтъ своей жизни всѣ свои силы и способности сосредоточилъ на разрушеніи того, что онъ же самъ создалъ или въ возникновеніи чего онъ принималъ участіе. Въ этомъ отношеніи онъ былъ великъ,—значительно болѣе великъ, чѣмъ въ созиданіи". „Деліонъ являлся гениемъ разрушенія, онъ былъ великъ какъ разрушитель. Со времени своего вступленія, въ 1892 г., въ американское рабочее движеніе онъ съ ненасытной ненавистью боролся противъ всякаго проявленія рабочаго класса этой страны, имѣющаго шансы на успѣхъ... Онъ былъ прирожденнымъ хулителемъ, породившимъ всюду промахи и недостатки; для него на всемъ земномъ шарѣ существовала одна лишь непогрѣшимая личность — Даниилъ Деліонъ... Враждебное отношеніе этого человѣка имѣло всегда дурныя послѣдствія не для тѣхъ, на которыхъ онъ непосредственно нападалъ, — жертвой его, страдающимъ объектомъ являлся лишь американскій рабочій классъ, котораго онъ втягивалъ въ склоки, приносившія пользу исключительно капиталистамъ... Дружба его была опаснѣе его вражды... Смерть его не оставила ни малѣйшаго проблѣа".

Такъ проводилъ въ могилу, несомнѣнно выдающагося человѣка самый серьезный марксистскій органъ въ Соед. Шт.

Не менѣе, вѣроятно, страннымъ покажется сообщеніе, что на похоронахъ Деліона совершенно отсутствовали представители господствующей въ Соед. Штатахъ Соціалистической партіи („S. P.“ \*). Все же и это отношеніе къ умершему соціалисту является еще умѣреннымъ по сравненію съ тѣмъ, что до его смерти писалось о немъ въ соціалистической прессѣ и говорилось на публичныхъ собраніяхъ. Едва ли будетъ преувеличеніемъ, если скажу, что невозможно придумать тѣхъ недостатковъ и прегрѣшеній, которыхъ политическіе противники не приписывали бы Деліону. Въ ихъ изображеніи онъ являлся: „интриганомъ“, „честолюбцемъ“, „деспотомъ“, „человѣкомъ, не останавливавшимся ни передъ какими средствами и т. д. и т. п.

Смерть Деліона заставила, однако, нѣкоторыхъ изъ недавнихъ его противниковъ признать за нимъ кое-какія заслуги, а иные нашли въ немъ и крупныя черты. Такъ, Ньюйоркскій „Call“, — также органъ враждебной Деліону „Соціалистической Партіи“ („S. P.“), въ передовой статьѣ, написанной по поводу его кончины, причислилъ его даже къ „великимъ людямъ“.

Но каково-бы то ни было отношеніе современниковъ—американскихъ соціалистовъ—къ Деліону, никто изъ нихъ, полагаю, не станетъ отрицать, что съ нимъ тѣсно связана значительная полоса въ исторіи мѣстнаго соціалистическаго движенія. При хладнокровномъ и всестороннемъ обсужденіи, которое, надо думать, вскорѣ наступитъ, даже многіе изъ недавнихъ его враговъ должны будутъ признать, что Деліонъ, на ряду съ отрицательными чертами, обладалъ и многими положительными, что онъ сыгралъ крупную роль въ соціалистическомъ движеніи Сѣв. Ам. Соед. Шт. Кромѣ того, какъ личность, Деліонъ являлся однимъ изъ наиболѣе оригинальныхъ людей, какихъ мнѣ случалось видѣть.

\* \*  
\*

---

\*) Однако, конференція Націон. Комитета С. П., засѣдавшая въ это время въ Чикаго, прислала телеграмму съ выраженіемъ соболѣзнованія по поводу смерти Деліона.

Своеобразнымъ, во многихъ отношеніяхъ совершенно отличнымъ отъ движеній въ европейскихъ странахъ, являются и до сихъ поръ американскія рабочія и социалистическія организаціи. Начать хотя бы съ того, что и до настоящаго времени эмигранты, а не урожденные американцы, во многихъ мѣстностяхъ играютъ выдающуюся, если не преобладающую, роль въ рабочихъ и социалистическихъ организаціяхъ. Двадцать же съ чѣмъ то лѣтъ тому назадъ, когда Делонъ присоединился къ американскому социалистическому движенію, въ этомъ отношеніи дѣло было еще того хуже. Тогда, въ началѣ 90-хъ годовъ мин. столѣтія, за незначительнымъ исключеніемъ, почти весь контингентъ, какъ чисто рабочихъ, такъ и социалистическихъ организацій, состоялъ изъ эмигрантовъ, главнымъ образомъ, нѣмцевъ и евреевъ, нерѣдко мало или вовсе не говорившихъ на господствующемъ въ странѣ англійскомъ языкѣ и вовсе не знавшихъ мѣстныхъ условий и обычаевъ. Понятно, поэтому, что, не смотря на огромныя усилія и старанія, эти пионеры рабочаго и социалистическаго движенія втеченіе долгаго времени имѣли очень ограниченный успѣхъ среди коренного населенія Сѣв. Ам. Соед. Шт. Не малую роль въ послѣднемъ играли, конечно, также относительно довольно благопріятныя экономическія и политическія условія, господствовавшія въ Сѣверо-Америк. республикѣ въ концѣ минувшаго столѣтія, — обиліе свободныхъ земель, легкость нахождения выгоднаго заработка въ неимоვნно быстро развивавшейся промышленности.

При этихъ условіяхъ, не смотря на разныя свободы, крайне труднымъ дѣломъ являлось распространеніе социалистическихъ взглядовъ, а тѣмъ болѣе — объединеніе разрозненнаго рабочаго движенія. Едва-ли, поэтому, еще въ какой-либо другой странѣ можно указать на одновременное существованіе столь большаго числа другъ отъ друга независимыхъ организацій, какое имѣло мѣсто здѣсь втеченіе многихъ десятилѣтій, причемъ почти каждая изъ этихъ организацій обязательно принимала названіе „партіи“. Поэтому, существовали, напр., „Социальная партія Нью-Йорка и окрестностей“, „рабочая партія Иллинойса“ и т. д.

Неизбѣжными спутниками этого хаоса являлись борьба, раздоры и распри изъ-за принципиальныхъ, а нерѣдко и изъ-за личныхъ разногласій, прикрывавшихся только теоретическими взглядами; словомъ, происходило, — въ большемъ или меньшемъ масштабѣ, — все то, что имѣло мѣсто, — а отчасти продолжается и въ настоящее время, — въ пролетарскихъ и социалистическихъ движеніяхъ Европы, не исключая и нашей благословенной родины.

Но, кромѣ обще-европейскаго и обще-человѣческаго, въ пролетарскомъ движеніи Соед. Шт. происходило, — а отчасти совершается еще теперь — и кое-что специфически — мѣстное, что вполне естественно, если примемъ во вниманіе отличныя условія этой демократи-

ческой федераціи отъ существующихъ въ странахъ стараго свѣта. Подобно тому, какъ въ республикахъ центральной и южной Америки часто происходятъ „перевороты“, при чемъ одинъ президентъ „волею народа“ свергаетъ другого, въ многочисленныхъ рабочихъ и социалистическихъ партіяхъ Соед. Шт., существовавшихъ въ послѣдней четверти минув. столѣтія, тоже совершались иногда перевороты, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что новый лидеръ не лишалъ „президентскаго поста“ своего предшественника и, такимъ образомъ, вмѣсто одной, возникали двѣ независимыя „партіи“, носившія подчасъ одно и тоже названіе, издававшія органы подъ тѣми самыми заглавіями и т. д. Само собой разумѣется, что какъ новый „лидеръ“ со своими приверженцами, такъ и старый съ его сторонниками, другъ друга обвиняли во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ. Все это случалось въ исторіи американскаго рабочаго и социалистическаго движенія и до вступленія въ него Деліона \*). Повторилось это также и съ нимъ.

\* \*  
\*

Не юношей и не молодымъ человѣкомъ „безъ опредѣленныхъ занятій“, а уже почти въ сорокалѣтнемъ возрастѣ, въ качествѣ лектора университета, Деліонъ заинтересовался социализмомъ и душой и тѣломъ отдался дѣлу освобожденія угнетенныхъ массъ.

Сынъ довольно зажиточнаго врача, Деліонъ родился въ республиканской Венецуэлѣ въ 1852 г. и 16-ти лѣтъ отправленъ былъ отцомъ въ Зап. Евр., гдѣ онъ, сперва въ Гейдельбергѣ (Германіи), затѣмъ въ Лейденѣ (Голландіи), посѣщалъ университеты, изучая въ нихъ филологію, философію, юриспруденцію и исторію.

Отличаясь выдающимися способностями, трудолюбіемъ и настойчивостью, Деліонъ стремился къ ученой карьерѣ. Съ этой цѣлью онъ двадцатилѣтнимъ юношей пріѣхалъ (въ 1872 г.) въ Нью-Йоркъ, гдѣ вскорѣ блестящимъ образомъ выдержавъ въ Колумбійскомъ университетѣ экзамень по юридическимъ наукамъ, сталъ тамъ же лекторомъ международного права. Ему, въ совершенствѣ владѣвшему, кромѣ древнихъ языковъ, также англійскимъ, франц., нѣмецкимъ, испанскимъ, голландскимъ, итальянскимъ и ново-греческимъ, несомнѣнно открывалась блестящая будущность; но въ срединѣ 80-хъ годовъ, когда въ Соедин. Штатахъ выдвинулся Генри Джорджъ съ его теоріей націонализаціи земли, а затѣмъ Беллами съ его знаменитой утопіей, Деліонъ заинтересовался социальными вопросами. Втеченіе нѣкотораго времени онъ являлся ярымъ сторонникомъ идей Джорджа, а затѣмъ, познакомившись съ социалистами и подъ ихъ вліяніемъ, года на два засѣлъ за изученіе произведеній К. Маркса, Энгельса, Лассалья, Кауцкаго и др. Послѣ

\*) Подробно объ этомъ см. въ „Ист. Соціализма въ Соедин. Штатахъ“ нашего соотечественника М. Хилквита.

этого, оставив лекторство и мысль объ ученой карьерѣ, Деліонъ съ чисто юношескимъ энтузіазмомъ посвятилъ себя социалистической дѣятельности.

Не трудно заранѣе представить себѣ, какъ встрѣтили социалисты новаго ихъ адепта. Выше я уже сказалъ, что преобладающій контингентъ ихъ издавно составляли здѣсь нѣмцы, къ которымъ въ 80-хъ годахъ присоединились русскіе евреи, въ большемъ числѣ устремившіеся въ Соедин. Шт. послѣ погромовъ начала 80-хъ гг.

Всѣ эти лица, почти неумѣвшія подойти съ проповѣдью къ американскому рабочему, естественно, чрезвычайно обрадовались, увидѣвъ въ своихъ рядахъ талантливаго оратора, обладавшаго большимъ умомъ, характеромъ и знаніями. Деліона вожаки партіи, какъ говорится, готовы были на рукахъ носить. И онъ быстро занялъ не только выдающееся, но и первенствующее мѣсто въ американскомъ социалистическомъ движеніи. На это у Деліона безспорно имѣлись всѣ данныя.

Онъ безспорно во многихъ отношеніяхъ былъ выше, крупнѣе всѣхъ остальныхъ. Рѣшительно никто изъ нихъ не могъ итти съ нимъ въ сравненіе ни по энергіи, ни на темпераменту, ни по дарованіямъ и развитію. Даже по признанію нѣкоторыхъ лицъ, ставшихъ впослѣдствіи ярыми врагами Деліона, онъ являлся выдающимся лекторомъ, остроумнымъ полемистомъ и замѣчательнымъ агитаторомъ. Къ тому же Деліонъ умѣлъ и въ другихъ вызывать страсть къ дѣятельности, къ борьбѣ за то, что онъ считалъ истиннымъ и справедливымъ. На ряду съ нимъ появились въ рядахъ социалистовъ выдающіеся дѣятели, какъ изъ среды рабочихъ, такъ и интеллигентовъ. Самое видное мѣсто между послѣдними занялъ нѣмецъ Гуго Фогтъ, являвшійся втеченіи долгаго времени ярымъ сторонникомъ Деліона, такъ сказать—правой его рукой.

Существовавшая уже до присоединенія Деліона „Американская рабочая социалистическая партія“ (съ 1877 г.) и насчитывавшая очень незначительное число членовъ, стала довольно быстро расти, что можно отчасти видѣть и по все возрастающему числу поданныхъ за нее голосовъ. Такъ, въ 1887 году за ея кандидатовъ всего подано было 2000 гол., а пять лѣтъ спустя число ихъ увеличилось болѣе, чѣмъ въ десять разъ, достигнувъ въ 1892 г. 21000 гол.; еще черезъ пять лѣтъ, въ 1897 г., ихъ было подано 55,000, а въ 1899 оно достигло почти 90,000 гол. \*). Это былъ наибольшій успѣхъ, какой имѣла „Соц. раб. партія“. Съ этимъ годомъ совпадаетъ также, какъ ниже увидимъ, потеря вліянія и значенія самого Деліона, а вмѣстѣ съ этимъ и его партіи.

\* \*  
\*

\*) См. „Socialist Campaign Blok“, 1912, p. 34.

Разногласія между Деліономъ и руководителями „Volkszeitung“а органа, пользовавшагося большимъ вліяніемъ въ Америк. Соціал. рабоч. партіи,—возникли довольно скоро послѣ вступленія его въ ея ряды. Первоначально они имѣли исключительно принципиальный характеръ и касались, главнымъ образомъ, вопроса объ отношеніи къ рабочимъ организаціямъ, — въ частности, къ довольно сильной „Американской федераціи труда“. Послѣ неудачныхъ попытокъ заставить эту консервативно настроенную и отсталую профессиональную организацію принять опредѣленную соціально-политическую программу, Деліонъ объявилъ ее въ этомъ отношеніи безнадежной, а ея вожаковъ „продавшимися“ буржуазіи. Поэтому онъ создалъ конкурировавшую съ нею „Соціалистическую ремесленную и рабочую Лигу“ („Socialist Trade and Labor Alliance“). Это, конечно, повело къ большому разстройству въ рабочей средѣ и вызвало въ широкихъ массахъ неудовольствіе противъ „Соціалистической рабочей партіи“.

Но Деліонъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые способны хладнокровно выслушивать справедливыя указанія другихъ. Наоборотъ, въ малѣйшемъ несогласіи съ нимъ онъ видѣлъ крупное принципиальное расхожденіе и съ яростью накидывался на инако-мыслящихъ.

Хотя онъ и усердно занимался изученіемъ произведеній Маркса и Энгельса, онъ все же не совсѣмъ вѣрно усвоилъ духъ ихъ ученія: онъ понялъ его довольно односторонне, почему при примѣненіи его на практикѣ получалась чисто сектантская тактика. Ни малѣйшихъ уступокъ дѣйствительности, никакихъ рѣшительно сдѣлокъ съ нею нельзя допускать, „нужно всегда быть твердымъ, какъ скала“, и со временемъ всѣ рабочіе будутъ на нашей сторонѣ,—такъ понималъ Деліонъ вопросъ объ отношеніи къ рабочимъ, профессиональнымъ организаціямъ. Значительно болѣе правы были въ этомъ вопросѣ его противники.

Оппозиція понимала, что такой тактикой, какую примѣнял Деліонъ можно лишь совершенно оттолкнуть массы отъ соціалистической рабочей партіи. Поэтому на страницахъ „Volkszeitung“, редактировавшейся извѣстными ветеранами эмигрантами Александромъ Юнасомъ и Шлиттеромъ, началась полемика съ „The Weekly People“, — официальнымъ органомъ партіи, редакторомъ котораго былъ Деліонъ (съ 1902 г. вплоть до самой его смерти). Отношенія между Деліономъ и его сторонниками, съ одной стороны, и руководителями „Volkszeitung“ и ея единомышленниками, съ другой—все болѣе обострялись. А такъ какъ всѣ выборные общественные посты въ партіи занимали деліонцы, то они не останавливались и передъ „чистой“ ея: какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя рабочія секціи, — если сами заблаговременно не покидали соціалистическихъ рядовъ, нерѣдко подвергались исключеніямъ за теоретическія несогласія или изъ-за нарушеній партійной дисциплины, своеобразно понимаемыхъ Деліономъ.

Само собою разумѣется, что подобная тактика не вела къ благо-

получію социал. рабочей партіи. Этого, однако, нисколько не сознавалъ лидеръ. Съ упорствомъ и непоколебимой настойчивостью религіознаго фанатика-сектанта думалъ онъ править путемъ прямолинейной тактики рабочей партіею, давно переросшей тѣсныя рамки замкнутаго кружка или тайнаго общества. „Кто не со мной, тотъ противъ меня“, слѣдовательно, онъ противъ общаго дѣла, — искренно полагалъ Деліонъ и шагъ за шагомъ вооружалъ противъ себя все большій и большій кругъ лицъ. Онъ долго не замѣчалъ, что число его единомышленниковъ, его ярыхъ приверженцевъ быстро таетъ, и что, наоборотъ, ряды оппозиціи все болѣе и болѣе увеличиваются.

Случилось, поэтому то, что можно было заранѣе предвидѣть: противники Деліона объединились и на состоявшихся въ началѣ іюля 1899 г. выборахъ представителей въ центральныя учрежденія партіи были избраны лица, принадлежащія къ оппозиціи. Но, вслѣдствіе нарушенія при этомъ нѣкоторыхъ формальностей, — какъ мотивируютъ сторонники Деліона, — онъ и его друзья не признали правильности состоявшихся выборовъ и не захотѣли подчиниться имъ. Тогда загорѣлась ожесточенная и крайне печальнаго характера борьба за то, кому изъ двухъ фракцій слѣдуетъ считаться „Америк. рабочей социалистической партіею“. Дѣло дошло до разбирательства буржуазнаго суда Соедин. Штатовъ, — фактъ, насколько мнѣ помнится, не случавшійся въ исторіи социалистическихъ партій въ европейскихъ странахъ. Государственный судъ призналъ за Деліономъ и его сторонниками право на удержаніе стараго названія партіи, — „SLP“, хотя побѣдившая его оппозиція представила доказательства большаго за него числа членовъ. Послѣдняя должна была назваться просто „Социалистической партіею“ („S. P.“), каковое названіе она сохраняетъ и въ настоящее время.

Съ возникновеніемъ, такимъ образомъ, двухъ совершенно независимыхъ партій, между которыми, въ сущности, чрезвычайно мало принципиальныхъ разногласій, начавшаяся задолго до раскола борьба еще болѣе обострилась. Глубоко убѣжденный въ своей правотѣ, Деліонъ значительную часть своихъ силъ, способностей и знаній посвятилъ изобличенію всякаго рода тактическихъ и теоретическихъ промаховъ и прегрѣшеній своихъ противниковъ. Остроумный, ѣдкій полемистъ, обладавшій большимъ юморомъ и сарказмомъ, Деліонъ, — какъ это водится въ такихъ случаяхъ, — не останавливался и передъ личными, подчасъ далеко непохвальными нападками, стараясь представить того или другаго изъ членовъ „S. P.“ въ смѣшномъ и карикатурномъ видѣ.

Само собою разумѣется, что и противники Деліона не оставались у него въ долгу. Кто изъ нихъ кого превзошелъ въ этомъ отношеніи, не берусь рѣшать. Полагаю, однако, что въ виду темперамента Деліона и присущаго ему полемическаго таланта, больше досталось противникамъ отъ него, чѣмъ ему отъ нихъ.

Но, хотя за Деліономъ и его приверженцами, сохранилось названіе партіи, имѣвшей за собою болѣе двадцатилѣтней давности, все же онъ не вышелъ побѣдителемъ изъ разгорѣвшейся братоубійственной борьбы. Не смотря на неутомимыя усилія Деліона, на неимовѣрную его трудоспособность и настойчивость, все же онъ постоянно терялъ въ глазахъ рабочихъ. Противники же его, наоборотъ, замѣтно съ каждымъ годомъ завоевывали симпатіи широкихъ массъ. Успѣхъ дѣйствовалъ заразительно не только на лицъ, стоявшихъ внѣ борющихся партій, но и на многихъ изъ приверженцевъ Деліона, вмѣстѣ съ нимъ ведущихъ „оборонительныя и наступательныя кампаніи“: одинъ за другимъ переходили они въ лагерь побѣдителей или, какъ энергичный помощникъ его Гуго Фогтъ и др. вовсе сходили съ общественной арены. Вскорѣ Деліонъ остался лишь съ чрезвычайно незначительной группкой вѣрныхъ приверженцевъ, не представляющихъ, однако, сколько-нибудь замѣтной силы въ рабочемъ и социалистическомъ движеніи Соединен. Штатовъ.

Правда, втеченіи многихъ лѣтъ Деліону и немногимъ его приверженцамъ удавалось издавать два органа,—на англійскомъ и еврейскомъ языкахъ, что требовало отъ нихъ огромныхъ затратъ силъ и средствъ,—все же число голосовъ, подававшихся на выборахъ въ союзный парламентъ и на разныя государственныя должности (президента Соед. Штатовъ, губернатора Нью-Йорка и пр.) Съ каждымъ годомъ, хотя и съ колебаніями, сильно падало, между тѣмъ какъ число голосовъ за „Соціал. партію“ почти непрерывно возрастало, что наглядно видно изъ слѣдующей таблицы. Такъ, мы уже знаемъ, что въ годъ раскола за „Соц. раб. партію“ было подано около 80 тыс. гол., а три года спустя, въ 1902 г., число это упало до 53.763, между тѣмъ въ этомъ же году за Соц. парт. 96.935.

въ 1906 г. . . . .	за Соц. Раб. Пар. =	20.265
” ” ” . . . . .	за Соц. Пар. =	331.043
” 1910 ” . . . . .	за С. Р. П. =	34.115
” ” ” . . . . .	за Соц. Пар. =	607.674
а въ послѣд. выборы въ 1912 г. . . . .	за С. Р. П. =	35.000 *)
	за С. П. около милл.	
	голосовъ.	

Видя огромный успѣхъ своихъ противниковъ и, наоборотъ, быстрое паденіе своихъ приверженцевъ, Деліонъ вынужденъ былъ, наконецъ, признать тактику вожаковъ „Соціал. Пар.“ болѣе цѣлесообразной, хотя и не правильной,—какъ онъ продолжалъ утверждать,—въ принципиальномъ отношеніи. Онъ склонялся уже къ примиренію и

\*) Цифры эти заимствованы изъ того же офиц. партійнаго изданія — „Soc. Camp. Book.“



готовъ былъ присоединиться къ восторжествовавшимъ надъ нимъ противникамъ. Но это стало невозможнымъ. Усилившіеся и окрѣпшіе лидеры социалистической партіи не соглашались принять Деліона съ его приверженцами въ качествѣ цѣлой группы, какъ онъ того желалъ, а допускали только отдѣльный пріемъ членовъ Соц. раб. партіи, послѣ полного роспуска послѣдней. На такое унижительное, по мнѣнію Деліона и его сторонниковъ, „прохождение подъ ярмомъ побѣдителя“ онъ не могъ согласиться, а потому до самой смерти продолжалъ энергично бороться и не покладая рукъ работать на пользу, въ сущности, безнадежнаго дѣла поддержанія погибающей „Соціал. раб. партіи“. Съ рѣдкими, если не сказать, безпримѣрными среди американскихъ социалистовъ самоотверженностью и безкорыстіемъ трудился Деліонъ, отказывая себѣ и семьѣ подѣ часть въ самомъ необходимомъ и доведя свои потребности до крайняго минимума.

Я былъ положительно пораженъ, увидѣвъ, при посѣщеніи его, его квартиру и обстановку: такъ въ С. Америкѣ, — да и въ Зап. Евр., — не живетъ не только никто изъ лидеровъ, но и средней руки рабочій.

Отдавая все свое время, силы и знанія общему дѣлу, Деліонъ отказывался въ пользу партіи и отъ того вознагражденія, которое ему безусловно слѣдовало. Такъ, для увеличенія средствъ „Соц. Раб. Пар.“ имъ переведены были на англійскій языкъ многочисленныя произведенія Евг. Сю. Деліонъ читалъ также безвозмездно много лекцій, привлекавшія огромное число слушателей, на разныя социальнo-политическія темы. Ему же американскіе социалисты обязаны пріобрѣтеніемъ въ переводѣ на англійскій языкъ нѣкоторыхъ произведеній Маркса, а также Эрфуртской программы Кауцкаго. Уже изъ этого, далеко неполнаго перечня, видно, на сколько невѣрнымъ является утвержденіе „Uolksezeitung'a“, будто-бы Деліонъ „всѣ свои силы и способности направилъ только на уничтоженіе того, что имъ же было создано.“ за нимъ безспорно числится не мало и положительной работы.

Опредѣленіе ея — дѣло будущаго историка американскаго социалистическаго движенія. Несомнѣнно онъ по достоинству оцѣнитъ беззавѣтную, ни передъ какими жертвами неостанавливавшуюся преданность этого выдающагося человѣка дѣлу просвѣщенія угнетенныхъ массъ, дѣлу классоваго развитія пролетаріата.

*Левъ Дейчъ.*

---

## Иностранное обозрѣніе

### *1. Изъ современныхъ нравовъ буржуазной Германіи.*

Было время, когда прусское чиновничество славилось своей честностью. Честность, какъ говаривалъ еще Добролюбовъ,

есть добродѣтель пассивная: не велика заслуга людей, которые могут похвалиться лишь тѣмъ, что они никогда не крали. Но и эта пассивная добродѣтель все же до извѣстной степени скрашивала старый капральско-юнкерскій режимъ въ Пруссіи.

Современная буржуазія лишила прусскую бюрократію невинности. Не сумѣвъ въ свое время справиться съ ней и съ юнкерствомъ въ открытой политической борьбѣ, она теперь покоряетъ ихъ силой золота. Теперь она ихъ покупаетъ и подкупаетъ, и не только оптомъ въ формѣ сдѣлокъ между двумя классами и партіями, но и въ розницу—въ формѣ тайныхъ, нечистыхъ сдѣлокъ между отдѣльными буржуа и отдѣльными сановниками. Нѣкогда спѣсивая и „честная“ прусская бюрократія въ атмосферѣ капиталистической наживы начинаетъ сейчасъ продавать выскочкамъ изъ буржуазіи за наличныя всѣ свои „прелести“—чины, титула, ордена.

Недавнія разоблаченія, сдѣланныя с.-д-омъ Карломъ Либкнехтомъ, пролили яркій свѣтъ на этотъ упадокъ нравовъ, на этотъ духъ продажности, проникающій во всѣ поры жизни новой капиталистической Германіи.

Въ февралѣ нынѣшняго года въ Германіи умеръ одинъ очень высокопоставленный сановникъ—генераль-лейтенантъ Ф. Линденау. Онъ занималъ отвѣтственный постъ коменданта Мецкой крѣпости, былъ въ теченіе ряда лѣтъ начальникомъ перваго отдѣленія генеральнаго штаба, былъ кандидатомъ на постъ военнаго министра, пользовался особенной симпатіей императора Вильгельма, пославшаго вѣнокъ на его гробъ. И вотъ оказывается, что этотъ генераль оставилъ послѣ себя миллионъ марокъ долговъ и что онъ при жизни, пользуясь своимъ вліяніемъ въ придворныхъ сферахъ, продавалъ за деньги профессорскіе дипломы. Когда Либкнехтъ разоблачилъ этотъ фактъ, консервативная „Крестовая газета“ требовала, чтобы дѣло это было расслѣдовано до конца, чтобы всѣ видѣли, что въ Пруссіи правосудіе имѣетъ мужество бороться съ развратомъ, въ какой бы средѣ онъ ни проявился. При этомъ вся буржуазная пресса успокоительно увѣряла: видно рѣдки подобныя явленія въ Пруссіи, разъ Либкнехту для ихъ обнаруженія пришлось копаться въ гробу у мертваго.

Въ отвѣтъ на эти успокоительныя заявленія Либкнехтъ немедленно же опубликовалъ второй документъ, на этотъ разъ исходящій уже не отъ умершаго Ф. Линденау, а отъ нѣкаго здравствующаго Франца Людвига. Въ этомъ документѣ, въ доверительномъ письмѣ къ своему кліенту, Францу Людвигу опредѣляетъ условія, на которыхъ послѣдній можетъ получить отъ министра нар. просвѣщенія титулъ прусскаго профессора медицины: Я, пишетъ онъ, долженъ былъ дать справки о Ваней личности, ибо цѣна профессорскаго титула мѣняется въ зависимости отъ того, хлопочетъ ли объ немъ иностранецъ или нѣмецъ, еврей или христіанинъ. Теперь, продолжаетъ онъ, отъ Васъ требуется, во 1-хъ чтобы Вы „для соблюденія приличія“ представили какую нибудь небольшую напечатанную научную работу или хотя бы статью въ спеціальномъ журналѣ; это, впрочемъ, имѣетъ „чисто формальное значеніе“, во 2-хъ, чтобы Вы „въ извѣстномъ мѣстѣ“ заплатили 40 тысячъ марокъ—и одновременно 1500 марокъ

комиссіонныхъ“. Плата эта, пишетъ онъ, высокая, но прусскіе титула теперь очень высоко стоятъ въ курсѣ“ и „Вы сами должны уже разсудить, подходитъ ли для Васъ такая плата и сможете ли Вы на затраченный капиталъ получить соотвѣтственные проценты и сможете ли Вы его быстро амортизировать. Въ возможности послѣдняго я, впрочемъ, не сомнѣваюсь“. Письмо это не нуждается въ комментаріяхъ. Кто же авторъ этого письма? Какое общественное положеніе занимаетъ этотъ Францъ Людвигъ? Оказывается, что это нѣкоторымъ образомъ „столпъ отечества“, что это буржуазный публицистъ, правовѣдъ и финансистъ, который въ 1907 г. состоялъ наряду съ генераломъ Ф. Либертомъ главноуправляющимъ дѣлами „Императорскаго союза для борьбы съ социалдемократіей!“

Дальнѣйшія разоблаченія Либкнехта показали, что торговля титулами вошла нѣкоторымъ образомъ въ систему въ Германіи, что она ведется не только въ Пруссіи, но и въ другихъ союзныхъ государствахъ Германіи, что продаются не только профессорскія, но и всякіе другіе почетныя званія и ордена, что существуетъ даже опредѣленный тарифъ на титула и ордена: Орденъ Краснаго Орла для людей съ высшимъ образованіемъ стоитъ 8 тыс. марокъ, титулъ прусскаго коммерческаго совѣтника—отъ 50 до 60 тысячъ марокъ, титулъ гессенскаго или баденскаго коммерческаго совѣтника—40 т. марокъ, титулъ прусскаго профессора можетъ быть приобрѣтенъ врачомъ или художникомъ за 25 тыс. марокъ; титулъ придворнаго поставщика императора или императрицы за 15 тыс. марокъ, придворнаго поставщика кронпринца—за 12 тыс. марокъ, титулъ консула стоитъ отъ 10 до 30 тыс. марокъ, дворянскій титулъ въ Пруссіи—отъ 300 до 400 тыс. марокъ и т. д.

Въ новой капиталистической Германіи всѣ блага жизни, которыми раньше люди пользовались на основаніи своего „благороднаго происхожденія“ и на основаніи своихъ „заслугъ передъ отечествомъ“ стали предметомъ купли-продажи. Но этого мало. Вмѣстѣ съ ростомъ экспорта продуктовъ германской промышленности германская крупная буржуазія стала экспортировать и за границу систему взяточничества и подкупа, совершая эту патристическую работу подъ покровительствомъ германскихъ властей. Еще свѣжи въ памяти всѣхъ скандальныя продѣлки знаменитой пушечной фирмы Круппъ, а уже обнаружился новый громкій скандалъ—систематическій подкупъ высшихъ чиновъ морского вѣдомства, которымъ занималась въ Японіи германская богатѣйшая фирма Сименсъ-Шукертъ и который привелъ уже къ отдачѣ подъ судъ трехъ японскихъ адмираловъ, Савасани, Фуджи и Муранами. Берлинская фирма Сименсъ-Шукертъ, имѣющая свои филиальныя отдѣленія въ Англіи и Японіи, какъ видно изъ опубликованной переписки представителей этой фирмы, добилась путемъ подкупа монопольнаго положенія при сдачѣ японскимъ провительствомъ казенныхъ морскихъ заказовъ, причемъ ей удавалось всегда обезвреживать и отстранять отъ должности неудобныхъ ей лицъ, служащихъ въ японскомъ морскомъ вѣдомствѣ. Но любопытнѣе всего то, что германскія власти во всемъ этомъ дѣлѣ играли роль укрывателей. Когда японское правительство возбудило преслѣдованіе противъ своихъ

офицеровъ - взяточниковъ, агентъ германской фирмы Германъ уничтожилъ компрометирующіе фирму документы на квартирѣ германскаго генеральнаго консула въ Йокагамъ и въ его присутствіи. Одновременно въ Германіи преданъ былъ суду и осужденъ былъ за вѣроломство мелкій служащій фирмы Рихтеръ, который грозилъ разоблаченіями изъ шантажистскихъ соображеній и имѣвшіеся у него документы опять таки конфискованы были германской прокуратурой, отказавшейся впослѣдствіи выдать ихъ японскому суду. Тѣмъ же укрывательствомъ воровской крупной фирмы занимались германская буржуазная печать и вожди буржуазныхъ партій въ рейхстагѣ, начиная отъ аграріевъ и кончая національ-либералами.

И на это грязное дѣло пролили свѣтъ разоблаченія неутюжимаго с.-д.-а Карла Либкнехта. Въ лицѣ Либкнехта — адвоката и члена прусскаго ландтага — германская соц.-демократія ведетъ систематическую кампанію противъ новѣйшаго капиталистическаго разврата въ Германіи. За это на него, какъ и слѣдовало ожидать, ополчились всѣ буржуазныя партіи, отстаивающія, „семью, собственность и государство“, до національ-либераловъ включительно.

Еще въ 1910 г. министръ юстиціи на основаніи доноса адвоката Швабе пытался возбудить противъ Либкнехта уголовное преслѣдованіе за рѣчь, сказанную имъ въ Магдебургѣ, содержащую оскорбленіе главы дружественной державы. Германская прокуратура въ то время отъ возбужденія *уголовнаго* преслѣдованія отказалась, не найдя въ рѣчи состава уголовного преслѣдованія. Тогда это дѣло вновь возбуждено было противъ Либкнехта, какъ адвоката, въ порядкѣ *дисциплинарномъ*... Но и на этотъ разъ въ 1911 г., дѣлу не былъ данъ ходъ, потому что прусскій ландтагъ, согласно парламентской традиціи, отказался выдать своего депутата до окончанія парламентской сессіи. Съ тѣхъ поръ послѣ роспуска ландтага дѣло это уже было, наконецъ, разобрано въ одной инстанціи и въ нынѣшнемъ году въ ландтагъ опять поступило требованіе о выдачѣ Либкнехта для разбирательства того же дѣла во второй инстанціи. Если-бъ ландтагъ остался вѣренъ своимъ традиціямъ, онъ и теперь потребовалъ бы отсрочки дѣла до окончанія парламентской сессіи. За это и высказались въ ландтагѣ прогрессивцы и с.-д-ты. Но съ тѣхъ поръ Либкнехтъ успѣлъ достаточно надѣлать хлопотъ буржуазнымъ партіямъ своимъ разоблаченіемъ. Требуя его выдачи представители консервативной партіи заявили: „Д-ръ Либкнехтъ издѣвается надъ всѣми нашими учрежденіями; онъ сдѣлалъ себѣ профессию изъ оскорбленія высокопоставленныхъ лицъ“ и потому на этотъ разъ необходимо нарушить наши парламентскіе обычаи, и отдать его въ руки правосудія немедленно. Консерваторовъ поддержали клерикалы и національ-либералы и Либкнехтъ былъ выданъ въ руки „правосудія“. Въ итогѣ, прусскій ландтагъ самъ ограничилъ свои парламентскія права, лишь бы защитить права буржуазіи на развратъ.

## **II. Всеобщая забастовка въ Италіи.**

Дать объективную оцѣнку недавно окончившейся всеобщей

забастовки въ Италіи весьма трудно на основаніи имѣющихся пока отрывочныхъ и отчасти противорѣчивыхъ газетныхъ свѣдѣній. Но одно можно уже сейчасъ сказать. Она свидѣтельствуешь объ огромномъ горючемъ матеріалѣ, накопившемся въ странѣ, благодаря народному разоренію, вызванному триполитанской авантюрой и великодержавной политикой правительства. Она свидѣтельствуешь о чрезвычайно быстромъ ростѣ рабочаго движенія, съ одной стороны, и наличности въ нѣкоторыхъ слояхъ населенія еще довольно сильныхъ республикански-революціонныхъ традицій со времени Гарибальди. Въмѣстѣ съ тѣмъ формы, въ которыя вылилась забастовка, говорятъ о весьма низкой еще степени организованности итальянскаго рабочаго движенія.

Всеобщая забастовка вызвана была событіями въ Анконѣ. 7-го Іюня въ Италіи празднуется ежегодно установленіе нынѣшняго конституціоннаго режима. Къ этому дню социалисты и республиканцы пріурочили устройство повсемѣстныхъ демонстрацій протеста противъ милитаризма и специально противъ дикихъ порядковъ въ дисциплинарныхъ баталіонахъ, въ которые по военному уставу солдаты ссылаются за разные проступки, начиная отъ „изнасилованія и педерастіи“ и кончая „покушеніями на отечественныя учрежденія“. Демонстрація, устроенная въ Анконѣ, вопреки полицейскому запрету, главнымъ образомъ республиканцами и анархистами во главѣ съ анархистомъ Малатестой, привела къ столкновенію между толпой и карабинерами (полицейскими). Въ отвѣтъ на нѣсколько камней, брошенныхъ изъ толпы, карабинеры дали залпъ, которымъ двое демонстрантовъ было убито, а 5 ранено. Это сыграло роль искры, зажегшей всеобщій пожаръ.

8-го Іюня Конфедерация Труда (союзъ профессион. организацій) опубликовала воззваніе къ устройству всеобщей забастовки во всей странѣ.

Въ согласіи съ конфедерацией труда такое же воззваніе выпустило Главное Правленіе социалистической партіи. Забастовка сразу охватила массу городовъ во всѣхъ концахъ Италіи. Почти всюду вопреки запретительному министерскому циркуляру устраивались демонстраціи, сопровождавшіяся кровавыми столкновеніями съ полиціей и карабинерами. Такія столкновенія имѣли мѣсто въ Анконѣ, Неаполѣ, Римѣ, Флоренціи, Туринѣ, Пармѣ, Миланѣ, Барѣ и т. д.

Въ Туринѣ и Флоренціи строились баррикады. Во Флоренціи были убиты 3 демонстранта, въ Неаполѣ одинъ былъ убитъ и 42 ранены, въ Равенѣ былъ убитъ одинъ, въ Пармѣ—одинъ, въ Барѣ двое демонстрантовъ были убиты и 12 полицейскихъ легко ранены.

Премьеръ-министръ Саландра, сильно смущенный размѣрами, которые приняло движеніе, распорядился объ арестѣ карабинеровъ, стрѣлявшихъ въ толпу въ Анконѣ и о преданіи дисциплинарному суду префекта Анконы, самовольно объявившаго въ городѣ военное положеніе. Одновременно министръ внутреннихъ дѣлъ въ циркулярѣ къ префектамъ рекомендовалъ крайнюю осторожность при употребленіи оружія противъ демонстрантовъ.

Несмотря на этотъ видимый „нейтралитетъ“ правительства, оно разрѣшало однимъ то, что запрещало другимъ: уже на вто-

рой день забастовки въ разныхъ городахъ, въ Римѣ, Неаполѣ, Барѣ, съ разрѣшенія властей и подъ прикрытіемъ полиціи, начали устраиваться шумныя патріотическія контръ-демонстраціи, въ которыхъ участвовали націоналисты, студенты, лавочники и и вообще разношерстная буржуазная толпа, провоцировавшая забастовщиковъ на насильственныя дѣйствія. Въ воздухѣ запахло провокаціей.

Съ самаго начала движенія замѣтно было, что на ряду съ сильной порывистостью и страстностью, оно отличается недостаточной организованностью и дисциплинированностью. Частичная желѣзно-дорожная забастовка, напр., началась тогда, когда всеобщая забастовка въ большинствѣ городовъ уже прекратилась. Въ Римѣ социалистическая партійная и профессиональная организація заявили, что снимаютъ съ себя отвѣтственность за движеніе, какъ только префектъ запретилъ устройство демонстрацій.

Когда по истеченіи двухъ дней очень внушительное забастовочное и демонстраціонное движеніе грозило превратиться въ распыленное возстаніе съ весьма сомнительными шансами на успѣхъ, конфедерація труда призвала къ прекращенію забастовки. Центральный органъ соц. партіи „Avanti“ рѣзко осудилъ это рѣшеніе, а Главное Правленіе партіи, настроенное также какъ „Avanti“, выпустило воззваніе, въ которомъ оно дипломатически заявляетъ, что „принимаетъ къ свѣдѣнію рѣшеніе конфедераціи труда, которая взяла на себя отвѣтственность за прекращеніе забастовки“ и призываетъ и впредь энергично протестовать противъ реакціоннаго правительственнаго режима. Социалистическая парламентская фракція, реформистская въ своемъ большинствѣ, напротивъ того, въ резолюціи своей не только опредѣленно солидаризировалась съ рѣшеніемъ Конфедераціи Труда—прекратить забастовку, но еще нарочито подчеркнула, что „освобожденіе пролетаріата не можетъ быть достигнуто внезапнымъ возстаніемъ неорганизованныхъ массъ“ и что только „глупая политика господствующихъ классовъ“ мѣшаетъ социалистической партіи заниматься „медленнымъ преобразованиемъ политическаго и социальнаго строя“.

Несмотря на то, что Конфедерація Труда призвала къ прекращенію забастовки и что Главное Правленіе соц. партіи «приняло это къ свѣдѣнію», мѣстныя рабочія организаціи въ Неаполѣ, Миланѣ и Анконѣ отказались этому рѣшенію подчиниться и продолжали забастовку. Одновременно въ Романьѣ, отрѣзанной отъ всей страны благодаря приостановкѣ телеграфныхъ и желѣзно-дорожныхъ сообщеній, произошло республиканское возстаніе. Романья—провинція съ густо-населеннымъ, главнымъ образомъ сельскимъ населеніемъ, крестьянскимъ и батрацкимъ—стонала нѣкогда подъ гнетомъ папскаго ига и сохранила сильныя республиканскія традиціи еще со времени борьбы за освобожденіе и объединеніе Італіи.

Когда въ Анконѣ началась желѣзно-дорожная забастовка и когда Романья благодаря ей отрѣзана была отъ окружающаго міра, въ ней сразу учрежденъ былъ республиканскій агитаціонный комитетъ, прокламировавшій республику и оповѣстившій объ этомъ мелкіе города и села черезъ посредство агитаторовъ, разбѣжавшихъ на велосипедахъ и автомобиляхъ. При полномъ

почти отсутствіи войскъ, сельскому населенію безъ особенныхъ усилій повсюду удалось смѣстить старыя власти, закрыть церкви и устроить реквизицію хлѣба для продажи его населенію по низкимъ цѣнамъ.

Эта маленькая безкровная революція совершена была романцами въ полной увѣренности, что республика уже провозглашена одновременно во всей Италіи; поэтому батальонъ солдатъ, посланный туда для усмиренія, по недоразумѣнію, встрѣченъ былъ населеніемъ съ неописуемымъ восторгомъ, какъ якобы республиканская армія. 4 дня прoderжалась въ Романіи эта республиканская идиллія, и эти дни не были омрачены кровопролитіемъ, благодаря счастливой случайности: взятый романскими сельскими батраками въ плѣнъ генеральъ Агліарди при приближеніи войскъ для его освобожденія былъ отпущенъ подъ условіемъ, чтобы онъ уговорилъ солдатъ вернуться и генеральъ въполнилъ это условіе честно, за что теперь и лишился генеральскаго званія...

Всеобщая забастовка, повидимому, усилила реакціонное настроеніе буржуазіи въ Италіи. Вѣроятно, этимъ, въ связи съ послѣднимъ рѣшеніемъ социалистическаго конгресса въ Анконѣ— не вступать на коммунальныхъ выборахъ ни въ какія соглашенія съ буржуазными партіями—объясняются результаты коммунальныхъ выборовъ, имѣвшихъ мѣсто во всей Италіи 14 Іюня. Въ Римѣ клерикалы одержали побѣду надъ 6 лѣтъ прoderжавшимся демократическимъ блокомъ, собравши 32 тысячи голосовъ, причемъ социалисты собрали всего-на-всего 3000 голосовъ.

Въ Генуѣ и Туринѣ клерикалы и клерикальные консерваторы тоже завоевали городскую думу, хотя здѣсь социалисты все же получили представительство, какъ значительное меньшинство. За то въ промышленномъ Миланѣ социалисты одержали блестящую побѣду. Всѣ 64 мѣста большинства достались социалистамъ. Такимъ образомъ, социалисты впервые стануть хозяевами большого европейскаго города, если не считать кратковременнаго господства социалистовъ въ Марсели.

*А. Мартыновъ.*

---

## Политическое обозрѣніе.

### Вторая сессія Думы.

Вторая сессія Гос. Думы начиналась при явныхъ признакахъ растущаго общенациональнаго недовольства и возбужденія. Разочее движеніе принимало все болѣе широкіе размѣры, нося въ то же время яркой политической характеръ.

Засѣдавшіе лѣтомъ съѣзды—сельско-хозяйственный, городскихъ дѣятелей проникнуты были рѣзко-оппозиціоннымъ настро-

еніемъ сельско-хозяйственный съѣздъ въ Кіевѣ, оказавшійся главнымъ образомъ съѣздомъ профессиональной интеллигенціи — земскихъ агрономовъ, работающихъ въ деревнѣ, констатировалъ, что даже агрономическая дѣятельность не можетъ протекать нормально при существующихъ полицейскихъ условіяхъ. И секція общественной агрономіи единогласно признала необходимымъ осуществленіе манифеста 17 октября для выполненія того труда „по возрожденію агрокультуры“, который возложенъ на агрономовъ правительствомъ, земствомъ и населеніемъ.

Съѣздъ городскихъ дѣятелей призналъ въ свою очередь невозможной нормальную работу городского самоуправления при существующихъ условіяхъ и въ резолюціи, предложенной г. Гучковымъ, заявилъ, что „дальнѣйшее промедленіе въ осуществленіи необходимыхъ реформъ и уклоненіе отъ началъ, возвѣщенныхъ въ манифестѣ 17 октября, грозитъ странѣ тяжкими потрясеніями и губительными послѣдствіями“.

А за мѣсяць ранѣе съ тѣмъ же заявленіемъ о необходимости осуществленія манифеста 17 окт., обращеннымъ къ главѣ правительства г. Коковцеву, выступилъ на нижегородской ярмаркѣ отъ лица всероссійскаго купчества г. Салазкинъ.

Такъ высказывалась страна въ лицѣ своихъ различныхъ слоевъ. И въ началѣ сессіи былъ моментъ, когда могло казаться, что голосъ страны проникаетъ въ Думу, что Дума должна стать выразителемъ общественнаго возбужденія и общественнаго недовольства. Это — моментъ октябристской конференціи, конференціи правящей партіи Думы. На этой конференціи тоже звучали рѣзко оппозиціонныя рѣчи. Вождь октябристовъ Гучковъ звалъ свою партію къ рѣшительной думской борьбѣ съ правительствомъ и конференція предложила парламентской фракціи союза 17 октября „взять на себя неуклонную борьбу съ вредными и опасными направленіями правительственной политики и съ тѣми явленіями произвола и нарушенія законовъ, отъ которыхъ нынѣ такъ тяжело страдаетъ русская жизнь“. Парламентской фракціи предлагалось далѣе использовать въ полной мѣрѣ всѣ законные способы парламентской борьбы, какъ то: „свободу парламентской трибуны, право запросовъ, отклоненіе законопроектовъ и отказъ въ кредитахъ“.

Но гора родила мышь. Октябристы оказались совершенно неспособными къ боевой политикѣ, и попытки меньшинства октябристской фракціи добиться проведенія въ жизнь постановленной конференціи привели только къ расколу октябристской фракціи.

Большинство октябристской фракціи оказалось вѣрнымъ своимъ старымъ традиціямъ и ничто повидимому не въ силахъ было сдвинуть ее съ той мертвой точки, на которой она застыла. Клясться на словахъ манифестомъ 17 окт. и ничего не дѣлать для его осуществленія, оставалось по прежнему руководящимъ правиломъ этой жалкой фракціи. Мало того. Одинъ яркій фактъ показалъ, что если пойдетъ дѣйствительная борьба за осуществленіе манифеста 17 окт., то октябристы окажутся по другую сторону баррикады.

Реакціонное усердіе министра вн. дѣлъ г. Маклакова родило законопроектъ о печати, имѣющій явною цѣлью задушить и ту небольшую свободу печати, которая установилась у насъ



послѣ дней свободы. И всѣ реакціонные пункты этого законопроекта нашли горячую защиту у представителей октябристской фракціи въ комиссіи о печати.

Въ извѣстной гармоніи съ октябристами по своей безхарактерности и неопредѣленности въ первую половину второй сессіи находился и тогдашній глава правительства, г. Коковцевъ. Подобно октябристамъ онъ тоже объявилъ себя сторонникомъ манифеста 17 окт. и въ своей деклараціи, прочитанной въ началѣ первой сессіи, звалъ Думу къ совмѣстной работѣ для осуществленія манифеста. Но въ дѣйствительности онъ конечно ничего не дѣлалъ и не могъ дѣлать для осуществленія манифеста, въ то время какъ его товарищи по министерству дѣятельно работали надъ его ниспроверженіемъ.

И въ итогѣ совмѣстной дѣятельности г. Коковцева и октябристовъ какая то щемящая тоска начала окутывать Думу.

Вниманіе и интересъ къ Думѣ начали притупляться, духъ жизни какъ будто началъ стлеться отъ Думы и Дума грозила превратиться въ какое то мертвое, безжизненное учрежденіе. Даже использование Думы, какъ трибуны для запросовъ и оппозиціонныхъ рѣчей, начало какъ то тускнѣть, терять свою былую яркость и силу. Вопіющіе факты одинъ за другимъ выносила социаль-демократическая фракція на парламентскую трибуну—факты преслѣдованія рабочей печати и рабочихъ союзовъ, насильственного вмѣшательства администраціи въ стачки, истязаніе политическихъ узниковъ въ каторжныхъ тюрьмахъ. Но ко всему можно привыкнуть и къ фактамъ этимъ привыкли всѣ, также какъ привыкли къ тому, что запросы о нихъ, очень часто при содѣйствіи большинства Думы, не получаютъ никакого отклика, никакого отвѣта со стороны представителей правительства.

Жизнь требуетъ движенія, и то состояніе какого то мертваго покоя, какой то застывшей неподвижности, которое начало водворяться въ началѣ второй сессіи въ Думѣ и въ отношеніяхъ Думы къ правительству, производило прямо удручающее впечатлѣніе. Чувствовалось, что требовался сильный напоръ жизни, чтобы пробудить это мертвое упорство и разрушить фактической союзъ г. Коковцева и гг. октябристовъ на почвѣ безнадежнаго топтанія на одномъ мѣстѣ.

Но прежде, чѣмъ началъ оказывать свое дѣйствіе напоръ жизни, послѣдовалъ натискъ съ другой стороны, со стороны реакціи. Реакція тоже устала отъ топтанія на мѣстѣ, она тоже хотѣла движенія, своего движенія, движенія назадъ отъ поднимающихся требованій и запросовъ жизни. И г. Коковцевъ бывший только попустителемъ реакціи, но не ея горячимъ апологетомъ, вызывалъ къ себѣ въ реакціонныхъ кругахъ самую опредѣленную вражду. Для нашей реакціи г. Коковцевъ былъ слишкомъ европейцемъ, лицо его, какъ министра финансовъ, было поневолѣ обращено къ Европѣ. Чтобы поддерживать довѣріе къ правительству со стороны финансовыхъ круговъ Европы, онъ считалъ необходимымъ хоть нѣкоторый декорумъ европейскихъ формъ жизни. Кромѣ того, г. Коковцевъ по тѣмъ же причинамъ былъ плохимъ націоналистомъ.

Не даромъ онъ возбуждалъ къ себѣ такую вражду со стороны правыхъ и націоналистовъ въ Думѣ. Тѣ не могли забыть

Столыпина и даже больше не за то, что онъ далъ имъ, а за то что могъ еще дать.

Столыпинъ умѣлъ зажигать Думу націонализмомъ и объединять на почвѣ травли инородцевъ съ правыми и націоналистами и октябристовъ, отвлекая тѣмъ самымъ послѣднихъ отъ стремленія провести хоть что нибудь изъ манифеста 17 октября. Но все, что было сдѣлано Столыпинымъ въ области націонализма для правыхъ и націоналистовъ, было только еще началомъ. За цвѣточками для нихъ должны были послѣдовать еще ягодки. Представители падающаго дворянскаго землевладенія, они, не находя реального выхода, хваталась за призраки. Поддержать и спасти свое положеніе они надѣялись путемъ націоналистической политики. Не будучи въ состояніи приспособиться къ развивающемуся капитализму и терпя подъ ударами его развитія поражение за пораженіемъ, они проникались горячей ненавистью къ евреямъ—банкирамъ, евреямъ—купцамъ; этимъ яркимъ и характернымъ фигурамъ современной экономической жизни.

Национальное различіе и национальное отталкиваніе толкали ихъ къ олицетворенію въ евреяхъ всѣхъ бѣдъ, всѣхъ напастей, которыя сыпались на нихъ отъ развивающагося капитализма. Горячее сочувствіе вызывали у нихъ поэтому всѣ гоненія, всѣ преслѣдованія евреевъ, организованныя при Столыпинѣ. Но то, что было сдѣлано въ этомъ направленіи, было пока еще только для души.

Серьезнаго же улучшенія своего положенія они ждали отъ изгнанія евреевъ изъ области экономической жизни, отъ уничтоженія или по крайней мѣрѣ ослабленія той громадной роли, которую они въ ней играютъ: и вотъ тутъ они упирались въ границы, за которыми съ ними было не по дорогѣ ни октябристамъ, ни г. Коковцеву. Октябристамъ, потому что они частью буржуазная партія, г. Коковцеву, потому что все свое бюрократическое воспитаніе онъ получилъ въ министерствѣ финансовъ, на почвѣ соприкосновенія съ экономической жизнью, съ ея по необходимости интернациональнымъ характеромъ. Въ этой области г. Коковцевъ оказался, пожалуй, даже принципиальнымъ человѣкомъ, потому что не умѣлъ или не хотѣлъ въ этомъ случаѣ надѣвать даже личину и поддерживать въ право-националистическомъ лагерѣ хотя бы нѣкоторыя иллюзіи насчетъ возможности осуществленія чего нибудь изъ ихъ бредней о национализаціи кредита, национализаціи торговли и пр.

Этимъ онъ рѣзко оттолкнулъ отъ себя даже націоналистовъ, что же касается крайнихъ правыхъ, Пуришкевичей и Марковыхъ, то тѣхъ онъ не удовлетворялъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ отличіе отъ націоналистовъ, которые готовы были въ политической области удовлетвориться тѣмъ уровнемъ реакціи, до котораго они дошли передъ четвертой Думой, и даже готовы были нѣсколько ослабить ее, девизомъ Пуришкевича и Маркова было: впередъ, все дальше впередъ по пути реакціи, чтобы подавить, уничтожить въ самомъ зародышѣ всякое вѣяніе свободной мысли, свободного слова, какъ опасное для нихъ, какъ угрожающее ихъ положенію. Г. Коковцевъ и съ этой стороны казался имъ совершенно неподходящимъ человѣкомъ.

И въ итогѣ реакція сдѣлала натискъ. Натискъ со стороны

для г. Коковцева совершенно неожиданный. При обсужденіи законопроекта о борьбѣ съ пьянствомъ въ Гос. Совѣтѣ, г. Коковцевъ, въ области винной монополіи только продолжавшій политику г. Витте, вдругъ въ устахъ и г. Витте и другихъ членовъ Гос. Совѣта оказался преступнымъ спаивателемъ народа. Конечно, не въ винѣ была тутъ сила. А въ томъ, что г. Коковцева нужно было убрать. И его убрали, замѣстивши его въ должности предсѣдателя совѣта министровъ—г. Горемыкинымъ, а въ должности министра финансовъ г. Баркомъ.

Замѣна эта имѣла вполнѣ опредѣленный смыслъ: г. Горемыкинъ долженъ былъ выше поднять знамя реакціи въ политической области, и г. Баркъ работать для осуществленія націоналистическихъ стремленій въ экономической области.

Что касается г. Барка, то ужъ такова участь всякаго министра финансовъ: онъ принужденъ былъ довольно сильно обмануть надежды правыхъ и націоналистовъ.

Въ началѣ, въ особенности, чтобы успокоить начинающееся волненіе въ торгово-промышленныхъ кругахъ ему приходилось все отрекаться отъ націоналистическихъ бредней—отъ націонализации кредита, отъ націонализации хлѣбной торговли.

Но все таки кое-что новое въ области націонализма принесло съ собой новое правительство. Въ совѣтѣ министровъ—съ явнымъ нарушеніемъ правъ Думы—былъ принятъ новый законъ объ акціонерныхъ обществахъ, содержащій рядъ ограниченийъ для евреевъ и иностранцевъ. Эта націоналистическая мѣра произвела удручающее впечатлѣніе на биржу, вызвала стремительное паденіе бумагъ и нашла самое рѣшительное осужденіе на недавно бывшемъ съѣздѣ предствителей промышленности и торговли.

Еще опредѣленнѣе дѣйствовало новое правительство въ политической области. Тутъ оно просто повело штурмъ на Думу и ея права.

Сперва начали „разъяснять“ нѣкоторыя права Думы. И оказалось, что предсѣдатель совѣта министровъ не обязанъ отвѣчать на запросы Думы, и что Дума не имѣетъ права выработать и вносить своего законопроекта, когда его разработать выразило желаніе правительство, хотя бы оно его разрабатывало до безконечности.

А потомъ начали дѣйствовать еще рѣшительнѣе и привлекли Чхеидзе къ судебной отвѣтственности по 129 ст. за рѣчь, сказанную съ парламентской трибуны. Этимъ актомъ правительство просто отмѣняло негодную ему 14 ст. Учрежд. Гос. Думы, которая опредѣленно говоритъ, что члены Думы пользуются полной свободой сужденій.

Въ этомъ походѣ на права Думы правительство оказалось въ концѣ концовъ одинъ на одинъ съ Пуришкевичемъ и его партией, такъ какъ даже націоналисты осудили привлеченіе Чхеидзе къ отвѣтственности. Огромное большинство Думы оказалось въ этомъ случаѣ противъ правительства, но слова осужденія не возстановливаютъ нарушенныхъ правъ Думы и не защищаютъ ихъ отъ дальнѣйшихъ посягательствъ. Необходима борьба. И когда дѣло дошло до борьбы, IV Дума оказалась, конечно, несостоятельной.

Вся оппозиція, объединившись въ этомъ случаѣ, внесла законопроектъ, устанавливающій безотвѣтственность депутатовъ за произносимыя ими рѣчи, и въ то же время внесла предложеніе отсрочить обсужденіе бюджета до того момента, когда этотъ проектъ станетъ законнымъ. Это на почвѣ Думской дѣятельности былъ единственный, цѣлесообразный, отвѣчающій достоинству Думы, актъ борьбы. Дума, какъ извѣстно, на это не пошла. Октябристы свели дѣло только къ отверженію нѣсколькихъ кредитовъ по министерству вн. дѣлъ и къ принятію пары резолюцій.

Въ то же время и оппозиція не проявила достаточнаго единства дѣйствій. Кадеты и прогрессисты совершили актъ предательства по отношенію къ лѣвымъ, частью активно, частью пассивно—голосованіемъ или воздержаніемъ отъ голосованія поддержавши насиліе, произведенное надъ ними большинствомъ Думы послѣ того, какъ тѣ обструкціей выразили протестъ противъ обсужденія бюджета.

Въ Думѣ, такимъ образомъ, не оказалось ни сплоченности, ни смѣлости въ отстаиваніи своихъ правъ противъ покушеній на нихъ бюрократіи.

Дума, правда, приняла огромнымъ большинствомъ законопроектъ о безотвѣтственности депутатовъ, но это, конечно, не актъ борьбы, такъ какъ всѣмъ ясно, что этотъ законопроектъ погибнетъ въ Гос. Совѣтѣ. Болѣе же дѣйствительное орудіе въ отстаиваніи своихъ правъ—отказъ въ утвержденіи бюджета, Дума выпустила изъ своихъ рукъ. Мало того. Она пошла еще дальше. Она не только дала въ руки бюрократіи, покушающейся на ея права,—нормальный бюджетъ, но поднесла еще къ ея ногамъ чрезвычайныя и огромныя военныя кредиты, которые падутъ тяжелымъ бременемъ на плечи народа.

Въ тайномъ засѣданіи, тайно слѣдовательно отъ народа, Дума въ лицѣ право-октябристскаго большинства съ присоединеніемъ еще прогрессистовъ, поспѣшно, безъ всякаго серьезнаго обсужденія утвердила эти кредиты.

Дума такимъ образомъ не только не использовала своихъ бюджетныхъ правъ для отраженія посягательствъ на другія свои права, а приняла самыя бюджетныя свои права, свела ихъ на нѣтъ въ вопросѣ, который затрагивалъ самыя жизненныя интересы народа. Правда, тутъ были затронуты экономическія интересы. Огромныя военныя кредиты означаютъ и огромныя заказы промышленности. Не даромъ, захлебываясь отъ восторга, о нихъ говорили репортеру биржевики, представители различныхъ партій, участвовавшихъ въ этомъ позорномъ актѣ. Но даже съ точки зрѣнія своихъ экономическихъ интересовъ эти господа не достаточно дальновидны. Потому что военныя кредиты грозятъ вывести бюджетъ изъ равновѣсія и стать новымъ факторомъ раззоренія населенія, а это не можетъ не почувствовать на себѣ въ концѣ концовъ и промышленность. И во всякомъ случаѣ когда дѣло идетъ о сотняхъ милліоновъ, которые должны будутъ въ концѣ концовъ заплатить народъ, даже съ точки зрѣнія своихъ экономическихъ интересовъ представителямъ буржуазіи изъ среды думскаго большинства было естественно ближе просмотрѣться ко

всѣмъ этимъ предстоящимъ расходамъ и тщательно взвѣснить ихъ цѣлесообразность. Ихъ же не хватило даже на это.

Дума, умѣющая настолько забывать о своихъ элементарныхъ правахъ и обязанностяхъ, конечно должна быть готова къ новымъ униженіямъ, къ новымъ посягательствамъ на свои права.

И когда я дописываю эти строки, я уже имѣю возможность констатировать свѣжій фактъ такого посягательства. Онъ идетъ отъ Гос. Совѣта, дѣйствующаго въ этомъ случаѣ въ полномъ согласіи съ правительствомъ. Гос. Совѣтъ, поставившій себя какъ будто специальной цѣлью хоронить въ послѣднее время всѣ проблески сколько-нибудь живой работы Гос. Думы, напр., законопроекты о приказчикахъ, о волостномъ земствѣ, о городскомъ самоуправленіи въ Польшѣ, теперь вдохновляемый правительствомъ вступилъ на почву ограниченія Думы въ ея конституціонныхъ правахъ. Дѣло шло о V отд. законопроекта о росписи, которымъ Гос. Дума пыталась прекратить произвольное передвиженіе кредитовъ изъ одного параграфа смѣты въ другой по возникающимъ сверхсмѣтнымъ надобностямъ, передвиженіе, которое широко практиковалось до сихъ поръ, хотя прямо противорѣчило закону.

Противъ этого предложенія по существу не спорилъ ни Госуд. Совѣтъ, ни правительство. Но правительство считало незаконнымъ присоединеніе этого законопроекта къ общему законопроекту о росписи. И дѣйствующій по его указаніямъ Гос. Совѣтъ, не задумываясь разрубилъ законопроектъ о росписи на двѣ части—самую роспись постановилъ считать признанной законод. учрежденіями, а законопроектъ о росписи отвергнутымъ. Никакого права, конечно, по закону Гос. Совѣтъ не имѣлъ исправлять или измѣнять собственною властью законопроектъ принятый Думой и въ этомъ измѣненномъ видѣ представлять на утвержденіе Верховной власти. Но право создается силой. И Гос. Дума не обнаруживала самой элементарной смѣлости при отстаиваніи своихъ правъ, повернувшись спиной къ народу, при обсужденіи военныхъ кредитовъ забывшая о своихъ правахъ и обязанностяхъ, когда дѣло шло о самыхъ жизненныхъ интересахъ народа, такая Дума должна быть готова идти отъ пораженія къ пораженію.

*Н. Череванинъ.*

## О Т К Л И К И.

### О чемъ говорить день рабочей печати?

День 22-го апрѣля—день рабочей печати, — съ этого года составить несомнѣнно одну изъ тѣхъ историческихъ датъ, которыя рабочее движеніе въ Россіи ежегодно отмѣчаетъ въ качествѣ боевыхъ этапныхъ

пунктовъ, вѣхъ на своемъ историческомъ пути

„День“ рабочей печати, растянувшійся фактически на цѣлый почти мѣсяцъ, принялъ характеръ не простого сбора денегъ въ пользу рабочихъ газетъ, но цѣлой политической кампаніи, манифестаціи рабочаго класса противъ законопроекта о печати и солидаризаціи его съ ежедневными рабочими газетами. Около

25 тысяч рублей, собранных буквально по копейкамъ въ пользу рабочей прессы, противъ которой реакція совершаетъ своей походъ, лучше всякихъ разсуждений говорить о томъ, въ какой мѣрѣ рабочая печать стала дѣломъ самихъ рабочихъ.

Но не надо обманывать себя. Та же сумма около 30 тыс. рублей, которая свидѣтельствуешь о тѣсной идейной связи рабочихъ газетъ съ рабочимъ авангардомъ, показываетъ, что для широкихъ слоевъ рабочихъ массъ рабочая газета не стала еще насущной потребностью, кровнымъ дѣломъ, на алтарь котораго приносятся добровольныя жертвы. О томъ же говорить и тотъ фактъ, что даже въ Петербургѣ, центрѣ рабочаго движенія, несмотря на энергичную устную и печатную агитацію, всего на 2—3-хъ заводахъ были произведены широкия массовыя отчисленія рабочихъ въ пользу газетъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ въ оборачивались принимали участіе преимущественно ближайшіе единомышленники и постоянные читатели рабочихъ газетъ. Этотъ фактъ не слѣдуетъ превеличивать, по его нельзя и замалчивать. Онъ указываетъ, что чередъ сознательнымъ передовымъ отрядомъ пролетаріата еще совершенно нераспаханное поле дѣятельности, что рабочій классъ въ своей массѣ далеко еще не готовъ къ переходу къ тѣмъ „высшимъ“—формамъ борьбы, о которыхъ всеу твердятъ правдивскіе демагоги, принявшіе стихійныя массовыя стачки рабочихъ, возникающія по самымъ различнымъ поводамъ въ силу общаго экономическаго подъема и политическаго оживленія, за сознательно ставящее себя опредѣленные цѣли („неуръзанные лозунги“) движеніе.

Эту вредную иллюзію относительно степени сознательности и организованности движенія, которая не позволяетъ дѣлать политически правильныхъ выводовъ, слѣдуетъ разбивать. И день 22-го апрѣля показалъ дѣйствительность въ ея неприкрашенномъ видѣ

Но день рабочей печати далъ возможность сдѣлать не только такіе отрицательные выводы.

Если кампанія въ пользу рабочей печати обнаружила чуждость ея широкии пролетарскимъ массамъ, то она же дала полную возможность проявиться тѣмъ по истинѣ героическимъ усиліямъ, которые проявляютъ сознательные кадры російскаго пролетаріата въ дѣлѣ рас-

пространенія и укрѣпленія своей печати. А эти усилія лучшей залогъ того, что дѣло рабочей печати не замретъ, какую бы участь не готовилъ ей правительственный законпроектъ о печати. День рабочей печати имѣлъ большое значеніе въ дѣлѣ *организации* передовыхъ рабочихъ элементовъ вокругъ своихъ политическихъ газетъ и ихъ политической и тактической линіи. Онъ показалъ на конкретномъ примѣрѣ, что организація и мобилизація широкихъ слоевъ рабочаго класса скорѣе достигается и можетъ достигаться на почвѣ открытыхъ политическихъ выступленій, чѣмъ путемъ резолюцій и совѣщаній небольшихъ и политически бездѣйственныхъ группъ и группокъ.

Еще въ одномъ отношеніи день рабочей печати былъ весьма показательнымъ, въ отношеніи соразмѣренія силъ обихъ с. д. направлений въ этой кампаніи.

Вопреки стараніямъ „Пути Правды“ превратить день рабочей печати въ юбилей правдивской печати и въ торжество ленинскихъ сторонниковъ, онъ усиліями самихъ рабочихъ превращенъ былъ въ политическій день рабочей печати, прошедшій въ общемъ и дѣломъ подъ знакомъ единства. Политическій смыслъ рабочаго авангарда оказался сильнѣе фракціонныхъ замысловъ ленинскаго кружка; инстинктивная тяга широкихъ круговъ рабочихъ къ единству одержала верхъ надъ раскольничими стремленіями кружковъхъ людей.

День 22-го апрѣля въ общемъ и дѣломъ прошелъ подъ флагомъ единства. Во многихъ случаяхъ мы видимъ совмѣстные сборы и дѣленіе этихъ сборовъ на обѣ с. д. газеты (а иногда и на нѣкоторыя другія), или по крайней мѣрѣ параллельное, безъ склоки, собраніе средствъ на свою газету, несмотря на рѣшительные протесты противъ этого „Пути Правды“ и большевистской профессиональной прессы. И не только рабочіе—меньшевики или нефракціонные, но даже большевики въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высказывались за совмѣстные сборы и равный раздѣлъ денегъ.

Конечно, группы сознательныхъ единомышленниковъ той или другой газеты дѣлали отчисленія и проводили сборы въ пользу только той газеты, съ направлениемъ котораго они солидарны. И что же оказалось?

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ „Путь Правды“ утверждалъ, что

„ликвидаторы“ это кучка интеллигентов, „выброшенная из рядов рабочего движениа“, что рабочия массы давно „сняли съ постовъ ликвидаторовъ“ и т. д.

Живость этихъ демагогическихъ утверждений должна стать ясной для всѣхъ непредубѣжденныхъ послѣ дня рабочей печати. По послѣднимъ опубликованнымъ въ обѣихъ газетахъ отчетамъ, на большевистскую газету собрано около 27 тысячъ, на меньшевистскую около 12 тысячъ. Разница, какъ видимъ, не очень велика. И объ устраненіи изъ рабочаго движениа сторонниковъ „Сѣв. Раб. Газ.“ (теперь „Наш. Раб. Газ.“) говорить не приходится. Недаромъ большевистская печать изо дня въ день ведетъ съ ней борьбу. Но это еще не все. Если всмотрѣться пристальнѣе въ отчеты, мы убѣдимся, что въ сборахъ какъ на одну, такъ и на другую газету громадное большинство относится на долю рабочихъ группъ. Такихъ рабочихъ группъ, приславшихъ вмѣстѣ съ деньгами привѣтствія „Сѣв. раб. газетѣ“, насчитывается болѣе 900, т. е. не уступаетъ числу подобныхъ же привѣтствій, полученныхъ „Путьемъ Правды“. Слѣдуетъ отмѣтить еще, что по провинциі сборки на меньшевистскую газету дали больше, чѣмъ на большевистскую, и количество провинциальныхъ районовъ и группъ, откликнувшихся на призывы „Сѣв. Раб. Газ.“, превышаетъ количество такихъ же группъ, поддержавшихъ въ день 22-го апрѣля большевистскую печать.

Такимъ образомъ, день рабочей печати показалъ, что если „Путь Правды“ и распространяется больше, чѣмъ меньшевистская газета (преимущественно на счетъ Петербурга), то послѣдняя имѣетъ главную свою опору въ провинціи и самымъ тѣснымъ образомъ связана съ организованными и передовыми группами воероссийскаго авангарда.

Вотъ почему, сорвавшись на попыткѣ устроить изъ дня рабочей печати юбилей своей политической лавочки, „Путь Правды“ не бьетъ, по своему обыкновенію, въ барабаны по случаю собранныхъ 17 тыс. и не спѣшитъ съ сравнительной таблицей группъ, жертвовавшихъ на ту и другую газету.

**В. Левицкій.**

## Судъ надъ адвокатами.

Хотя въ героической эпопее все обостряющейся и захватывающей все новые слои и группы политической борьбы демократіи противъ силъ реакціи, процессъ петербургскихъ адвокатовъ является лишь однимъ изъ эпизодовъ, но онъ все же достаточно ярокъ и красоченъ, а главное чрезвычайно характеренъ для того, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе широкихъ круговъ народа.

Являясь формально однимъ изъ моментовъ „бейлисады“, примыкая къ длинной цѣпи актовъ мести и расправы со стороны реакціи со всѣми тѣми, кто осмѣлился протестовать противъ политики націонализма и черносотенной агитациі,—адвокатскій процессъ при своей инсценировкѣ далеко вышелъ за первоначальные предѣлы, поставленные ему судомъ, и удачно обнажилъ и вскрылъ передъ взоромъ отчетливую и ясную картину общественной сумятицы и растерянности.

Въ самомъ дѣлѣ! Совершенно очевидно, что нужны были особыя условія, особая политическая ситуація для возможности постановки на судебную сцену такого процесса.

Для всѣхъ безъ исключенія общественныхъ группъ ясно, что *формальные* мотивы привлеченія адвокатовъ къ отвѣту и ихъ осужденія, не выдерживаютъ ни малѣйшей юридической критики. Совершенно правильно отмѣчалось въ печати, что обвиненіе *отсутствовало* въ судѣ, что матеріалъ, предъявленный обвинит. актомъ и судебнымъ слѣдствіемъ адвокатамъ, былъ разбитъ, уничтоженъ, развѣянъ по воздуху защитниками и обвиняемыми. И это не потому только, что блестящей плеядѣ первоклассныхъ адвокатскихъ силъ смогли противопоставить лишь бездарнаго обвинителя, лишеннаго всякаго чувства смѣшнаго!

Реакція и не считала нужнымъ облечь хоть въ скольконибудь приличную и юридически прочную броню свою борьбу противъ петерб. адвокатуры. И послѣдняя попала на скамью подсудимыхъ не потому, чтобы ея протестъ былъ особо рѣзокъ и чѣмъ либо отличался отъ десятковъ и сотенъ протестовъ рабочихъ, врачей, учителей и др. общественныхъ группъ, выступившихъ въ скорбные дни кievскаго ритуальнаго дѣйствія въ защиту права и культуры.

Нѣтъ! адвокатура—въ лицѣ 25 ея членовъ— пала жертвой реакціонной мести только потому, что въ условіяхъ русской дѣйствительности адвокатское сословіе—за послѣдніе 10 лѣтъ—дольше

другихъ сохраняло традиціи борьбы буржуазнаго либерализма и демократіи противъ третейскаго режима. Потому, что въ силу особаго положенія адвокатовъ въ общественномъ механизмѣ, сословіе вынуждено, отстаивая свои профессиональные интересы, переходить въ наступленіе, бороться съ неуправляемымъ и постояннымъ попираніемъ самыхъ элементарныхъ правовыхъ основъ общества, безъ которыхъ немислимо даже формальное отправленіе адвокатскихъ функций.

Но была и другая причина, дѣлавшая возможнымъ постановку *такого* процесса.

Эта причина кроется въ полной распыленности буржуазной оппозиціи, въ чрезвычайной пассивности ея, въ глубокомъ параличѣ ея энергіи и отсутствіи всякой политической инициативы у ея членовъ. Уже самое поведеніе ея во время процесса Бейлиса говорило о слабости ея силъ, о томъ, что она не сумѣетъ использовать процессъ въ его полномъ объемѣ, что отъ нея скрытъ подлинный смыслъ этого дѣла, и что она не сумѣетъ взять его за исходную точку своей собственной мобилизаціи. Разрозненность и случайность выступленій, недоговоренность и неяркость протестовъ, трусливое благоговѣніе передъ формальностями и боязнь широкаго политическаго движенія на почвѣ киевскаго процесса—ясно били въ глаза и говорили о внутреннемъ безсиліи движенія. Вотъ почему вожди и вдохновители реакціи успѣли перейти въ наступленіе, не давая окрѣпнуть организациі общественныхъ силъ. Мстя за только что пережитое безпокойство реакціи успѣли выбить оппозицію изъ сѣдла и стала поодинокѣ добывать ея отдѣльные отряды. А такъ какъ фактически въ центрѣ буржуазной оппозиціи

стала адвокатура, она и стала одной изъ первыхъ многочисленныхъ жертвъ той неурядицы, которая царитъ въ лагерѣ ея единомышленниковъ и друзей.

Отдѣльные моменты суда — напр. пове, рядъ адвокатовъ, бывшихъ на собраніи но не попавшихъ на скамью подсудимыхъ и др. — говорятъ о томъ, что реакція недурно знаетъ своихъ враговъ и хорошо иногда разсчитываетъ.

Но одно упустила она изъ виду — это то, что на общественной аренѣ есть и иные слои борющихся, что передовой отрядъ пролетариата тоже иногда недурно учитываетъ обстоятельства. Вотъ почему онъ поддержалъ протестъ противъ суда надъ адвокатами, придавъ ему наиболее яркую форму и вложилъ въ него максимально-определенное и послѣдовательное содержаніе. Въ этомъ смыслѣ забастовки, митинги и резолюціи протеста, въ которыхъ приняли участіе тысячи рабочихъ, были не только проявленіемъ чувства стихійно-рвущагося наружу недовольства, но и сознательнымъ тактическимъ планомернымъ актомъ, которымъ — продолжая съ одной стороны, свою борьбу противъ реакціи, — пролетариатъ вмѣстѣ съ тѣмъ ставилъ въ упоръ буржуазной оппозиціи или по крайней мѣрѣ ея демократическимъ элементамъ вопросъ: идетъ ли она на путь такой жерѣвательной защиты права и свободы страны, и если идетъ, то съ кѣмъ — съ рабочей демократіей, единственно, послѣдовательной до конца защитницы и этихъ обще-демократическихъ цѣнностей или противъ нея? Отвѣтъ долженъ быть данъ ясный и не только словами...

**В. Мирозъ.**

Редакторъ С. Д. Хенинъ.

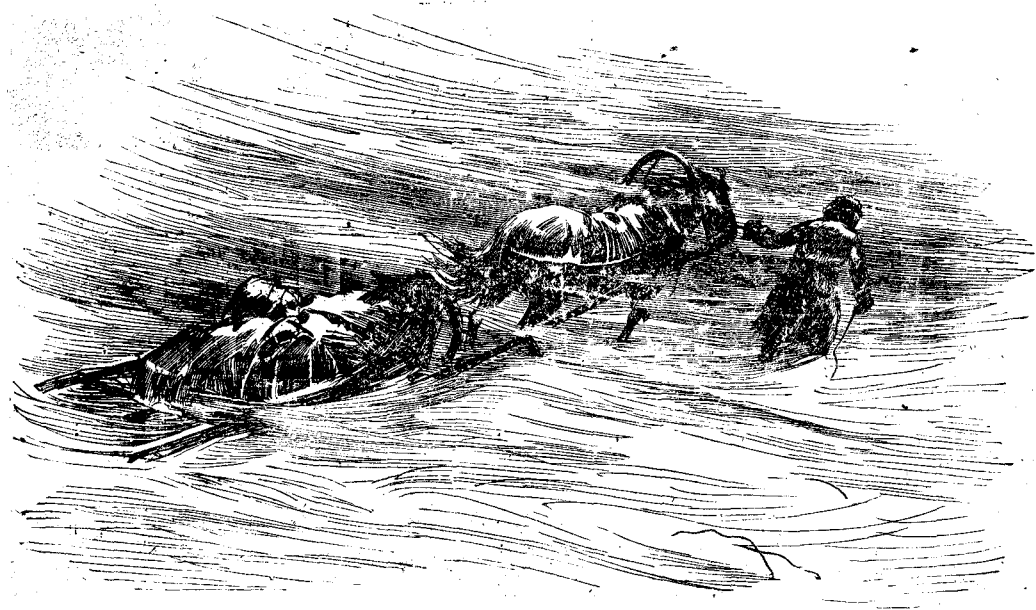
Издатель Я. Л. Каневскій.

**Контора проситъ Гг. полугодовыхъ подписчиковъ озаботиться внесеніемъ второго взноса во избѣжаніе перерыва въ высылкѣ журнала.**





Рис. 22. Гора Олимпъ.



Перекрестился Лукьянычъ. Не помня себя отъ радости, взялъ коня подъ уздцы и по колѣна въ снѣгу, пошѣлъ въ ту сторону, откуда раздавался звонъ. Вскорѣ замелькали огоньки, и онъ узналъ родныя Осинки.

Съ тѣхъ поръ всякій разъ, какъ начинала бушевать зимняя непогода, Лукьянычъ взбирался на колокольню и подолгу ударялъ въ большой колоколъ.

Куда бѣжалъ Лукьянычъ и чего онъ опасался? Что произошло въ пути? Что дѣлалъ Лукьянычъ? Какъ онъ спасся? Что дѣлалъ онъ съ тѣхъ